

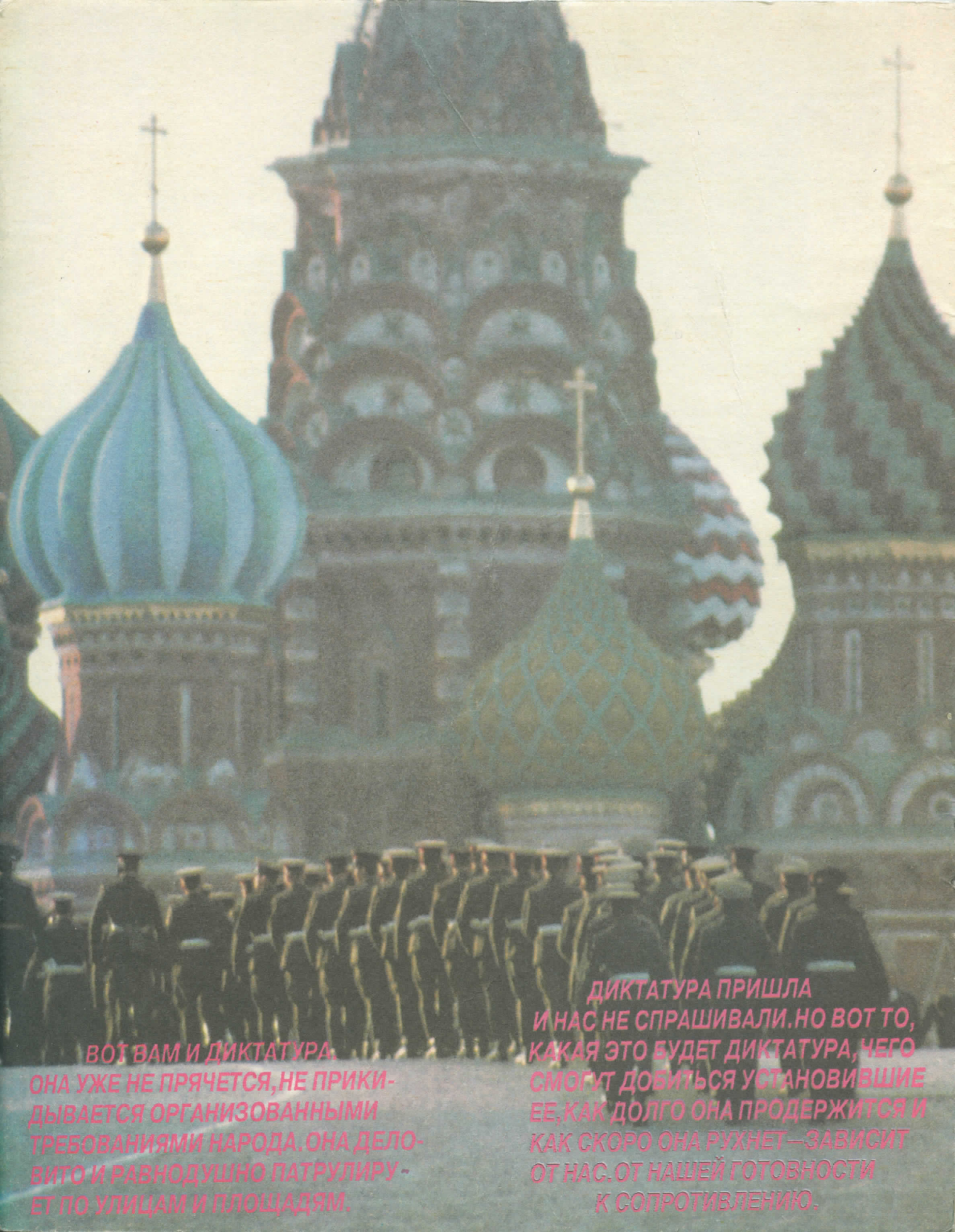
УМ...ДАЁШЬ РЕФЕРЕНДУМ...ДАЁШЬ РЕФ

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

861-3

ФЕВРАЛЬ №8(14)
1991г. 1руб.

ВОТ ВАМ И ДИКТАТУРА. ОНА УЖЕ НЕ ПРЯЧЕТСЯ, НЕ ПРИКИДЫВАЕТСЯ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ НАРОДА. ОНА ДЕЛОВИТО И РАВНОДУШНО ПАТРУЛИРУЕТ ПО УЛИЦАМ И ПЛОЩАДЯМ.

ДИКТАТУРА ПРИШЛА И НАС НЕ СПРАШИВАЛИ. НО ВОТ ТО, КАКАЯ ЭТО БУДЕТ ДИКТАТУРА, ЧЕГО СМОГУТ ДОБИТЬСЯ УСТАНОВИВШИЕ ЕЕ, КАК ДОЛГО ОНА ПРОДЕРЖИТСЯ И КАК СКОРО ОНА РУХНЕТ—ЗАВИСИТ ОТ НАС. ОТ НАШЕЙ ГОТОВНОСТИ К СОПРОТИВЛЕНИЮ.

ДО И ПОСЛЕ ВРЕМЕНИ «Ч»

Шейнис Виктор Леонидович (60 лет), народный депутат РСФСР, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Его первая попытка заняться политической деятельностью закончилась тем, что за «антипартийную оценку» венгерских событий 1956 года он был исключен из комсомола и аспирантуры, после чего шесть лет работал расточником на Путиловском заводе. В начале 1989 года — один из организаторов клуба избирателей АН СССР, который добился избрания народными депутатами кандидатов «демократического списка» во главе с А.Д.Сахаровым. Член Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР. Член Координационного совета движения «Демократическая Россия».

Фото Ю.Штукина

— Приходится слышать, что приход авторитарных форм правления неизбежен, что это закономерность и можно только сделать этот процесс менее болезненным. Последние события подтверждают эти прогнозы... Как будут действовать демократы в условиях диктатуры?

— Я вовсе не считаю приход авторитаризма абсолютно неизбежным. Конечно, если выстроить логическую цепочку последних действий союзного руководства, принять во внимание предостережения, с которыми выступали бывшие соратники Горбачева — Шеварднадзе, Яковлев, Шаталин, то развитие событий именно в этом направлении выглядит вполне вероятным. Но вероятность еще не означает предопределенность. Первойшая задача демократов — воспрепятствовать такому повороту к авторитарному режиму, при котором будут отняты главные завоевания так называемой перестройки — гласность, возможность относительно свободной деятельности демократических организаций и т.д. Потому демократам сегодня необходимо

представлять, что делать, чтобы все же помешать установлению диктатуры, и как действовать, если время «Ч» все же наступит.

Начну, как это ни покажется странным, с ошибок и просчетов самих демократов. Думаю, что, придя к власти (или разделив власть) в ряде регионов страны, они принесли с собой многие черты прежнего мышления, прежнего поведения, прежней организации. Демократы во многом ведут себя как оппозиция, действующая в условиях тоталитарного режима. Сфера деятельности, к которой они привыкли, — преимущественно митинговая. Придумать резкий, хлесткий термин, «задевающий за живое» оппонента, выбросить зажигательный лозунг... Увы, и на сегодняшний день дело зачастую этим и ограничивается.

Примеры — очевидны. Возьмите Верховный Совет России. После овладения ключевым постом — Председателя Верховного Совета РСФСР, принятия Закона о государственном суверенитете республики среди демократов воцарилась эйфория. Она и помешала заняться таким перво-

степенным вопросом, как формирование российского правительства. Фактически оно было создано вне той политической культуры, которую выработал мировой парламентаризм.

Как правило, после парламентских выборов правительство формируется победившей политической партией. Эта партия имеет не митинговую, а конструктивную программу общественных преобразований, которая предусматривает различные варианты развития событий и реагирования на них. Такой программы у победивших демократов не было, но надо было не медля заняться ее созданием. Ведь среди сторонников демократических перемен было немало ученых, интеллектуалов, готовых работать над этой программой. Но опять подвела организация.

Мировая практика свидетельствует, что есть выход и тогда, когда невозможно по тем или иным причинам создать правительство, опирающееся на прочное парламентское большинство. В таком случае создается правительство специалистов с огра-

№ 8, 1991

Москва, 101425, ГСП, К-51,

Петровка, 22

Телефон: 928-23-49

Телекс: 411700 MALPEK

Телефакс: 2002216 MALPEK

2002217 MALPEK

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЫГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Схантекст-2000» фирмы Аутопан (ФРГ)

На первой и второй страницах обложки фото Т. Шахвердиева.
Номер подписан к печати 18.02.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 328

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 До и после времени «Ч»
(В. Шейнис)

ВЛАСТЬ

- 5 Коммунистическая диктатура возможна. Но слабая. И не надолго
(В. Шостаковский)

ВЕСЫ

- 12 Политическое преступление гаже всякого греха
(Архиепископ Хризостом)

НИ ШАГУ ВПЕРЕД

- 15 Зовите меня «Товарищ атаман»!

КЛИНИКА

- 18 В поисках нового пути к рабству
(В. Бондарев)

ЖИЗНЬ

- 23 Небо в алмазах
(В. Басков)

КРИМИНАЛЬНОЕ

- 27 Сексуальный маньяк
(Е. Салина)

ГОРОД

- 29 Это вам не Лондон-сити
(А. Ефимова)
32 «Нехорошие квартиры»
(М. Маслов, Э. Кудрявицкий)

ОТТУДА

- 35 Фрейд и перестройка
(М. Эпштейн)

ЗОНА

- 39 Стриптиз на Лубянке
(А. Минкин)

АРХИВ

- 42 Максим Горький
(Б. Зайцев)

МЫ

- 48 «Иван Ильич — застрельщик перестройки»!
(А. Лукьянов)

КОНТРАМНИЕНИЕ

- 51 Советское кино есть! И неплохое
(Т. Москвина)

МИСТИКА

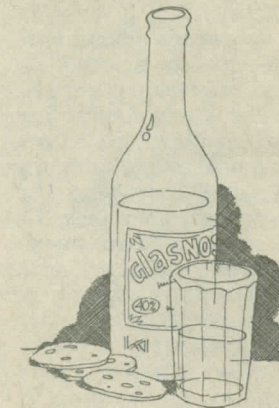
- 62 Разговор не по душам, или Алан Чумак — суперзвезда

- 7 Более 90 процентов граждан Литвы выбрали суверенную, независимую республику, но баррикады на улицах ее столицы остаются.

- 21 Не будьте свадебного пионера.

- 55 И. Губерман
Подвыпив с умудренным визави, люблю поговорить лицеприятно о горестных превратностях любви России к россиянам и обратно.

ниченной задачей, на ограниченный срок — при поддержке или нейтралитете парламентского большинства. Нынешнее же российское правительство — это ни правительство специалистов, ни правительство, опирающееся на какие-то партийно-политические структуры. В значительной степени — это случайное правительство, состоящее из случайных людей, которых пришлось подбирать по-дилетантски, в пожарном порядке. В одних случаях выбор оказался удачным, в других — не очень, в третьих — совсем неудачным.

К числу очевидных просчетов российского парламента и правительства можно отнести и то, что они как бы взяли на себя (причем совершенно необоснованно) часть ответственности за провал программы «500 дней». (Хотя вся вина лежит на союзном Верховном Совете и Президенте, который отступился от нее в последний момент.) В результате — уход из республиканского Совмина таких радикально настроенных людей и выдающихся специалистов, как Явлинский и Федоров.

Из-за организационной расхлябанности демократов оказались сорванными попытки провести на республиканском Съезде народных депутатов или заседании Верховного Совета ряд важных решений. Вспомним хотя бы историю с избранием Шахрая заместителем Председателя Верховного Совета. Не хватило каких-то 27 голосов, а в это время в зале заседаний отсутствовало около двухсот депутатов. Аналогичный случай произошел в ВС России в первый день обсуждения резолюции о политическом положении в стране (в связи с событиями в Прибалтике), для принятия которой не хватило всего нескольких голосов. В это время отсутствовало около семидесяти депутатов.

По какому бы варианту ни пошло развитие страны, несомненно одно: организационный «недуг» демократам придется изживать, если они действительно ставят перед собой серьезные цели.

Проблемы организации, кадров, структурированности демократического движения — вот чем нужно заняться безотлагательно. Но мы по-прежнему делаем вид, что демократическое движение — это какое-то общее собрание, клуб, в котором можно работать, а можно числиться.

Для того чтобы противостоять мощному аппарату КПСС, который все очевиднее переходит — это пока-

зал последний Пленум ЦК — под контроль правых сил, делеющих идею политического реванша, необходимо иметь более четкую, дисциплинированную организацию. Если же этого не будет сделано, то демократов ожидают серьезные испытания. Правда, радует, что многие люди в нашем движении это начинают понимать, о чем говорит прокатившаяся после московской демонстрации 20 января волна создания ячеек «Демократической России» на московских предприятиях, в учреждениях и институтах.

— В свое время демократы выступали против «демократического централизма» как принципа организационного строения партии, боролись за департизацию производства. Означают ли ваши сегодняшние высказывания, что позиция корректируется?

— Я понимаю, что такой вопрос закономерен, и готов на него ответить. Я был и остаюсь противником централизма, если понимать под централизмом парадные съезды, отбор ораторов, безраздельное господство руководящих органов над всеми членами партии, номенклатурный принцип утверждения на государственные должности, занятие определенных постов только членами партии и т.д.

Иное дело — ответственность людей, которые добровольно вступили в общественную организацию, а значит, отдавали себе отчет в том, что они будут нести определенную ответственность. Подчинение меньшинства большинству в некоторых случаях тоже необходимо. На Западе известна практика, когда парламентская фракция разрешает тому или иному члену воздержаться при голосовании или не участвовать в нем, если он имеет свою точку зрения, отличную от партийной.

Теперь по вопросу о департизации.

Действительно, на заседании Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР некоторые ее члены настаивали на запрете деятельности политических партий на государственных предприятиях, в учебных учреждениях и т.д. Они считают, что компартия слишком укоренилась на производстве и сохранение ее структур не даст развиваться структурам других партий. Если бы такая точка зрения возобладала, то демократы получили бы временный выигрыш, который вскоре бы вернулся бумерангом.

Реальные связи между людьми, особенно в условиях больших и средних городов, — это производственные связи. Было бы непрактично вы-

ступать за организацию партийных ячеек только по месту жительства — в наших-то условиях, когда человек не знает даже, кто живет в его подъезде.

На мой взгляд, департизация должна распространяться только на ограниченный круг учреждений — органы госбезопасности и внутренних дел, армию, суды, прокуратуру. Сюда же должен быть включен перечень высших государственных постов. Занимающие их приостанавливают членство в той или иной партии. Во-первых не обязательно выходить, пусть даже временно, из партии министру — это требование покажется абсурдным, как только мы начнем формировать правительство на партийной основе. Думаю, можно разрешить находиться в той или иной партии и рядовому работнику милиции или даже офицеру — но с условием: не создавать по месту работы ячейки.

— Организационное единство, сплочение «Демократической России», продуманная расстановка кадров в тех властных структурах, которые находятся под контролем демократов... и мы сможем противостоять наступающей диктатуре?

— Необходимо также наладить контроль российского правительства над финансово-кредитной системой и органами государственного принуждения. Иначе решения Верховного Совета РСФСР окажутся неосуществимыми.

Своим указом об изъятии из обращения 100-рублевых и 50-рублевых купюр Президент и союзное правительство показали, в чьих руках находятся важнейшие рычаги экономики. Конечно, введение собственной кредитно-банковской системы, собственной валюты — дело непростое, оно связано с колоссальными издержками. Но если в ближайшие месяцы не удастся достигнуть с Центром договоренности, на этот шаг все-таки придется пойти. Иначе демократам так и не удастся изменить положение, при котором реальная власть принадлежит союзному правительству, а ответственность за экономические провалы возлагается на них.

Надо добиваться, чтобы как можно больше предприятий из союзного подчинения перешло в республиканское, включилось в экономические связи, организуемые Российской Федерацией.

Однако пока нам нечего будет противопоставить центральному аппарату подавления, ситуация коренным

образом не изменится. Россия должна иметь собственные органы национальной безопасности, внутренних дел, национальную гвардию. Только тогда она станет сильной республикой. И Центр это прекрасно понимает. Отсюда — его реакция.

Вы заметили: несколько ни к чему не обязывающих заявлений Ельцина на этот счет вызвали настоящую истерию в газетах типа «Советская Россия», «Правда» и им подобных. Другой союзной республике, скажем, той же Грузии, Молдове, или республикам Прибалтики оказалось куда легче создать свои вооруженные формирования, чем России.

Или возьмите такой пример. Положение русскоязычного меньшинства в Прибалтике совершенно несопоставимо с положением осетин и абхазов в Грузии или армян — жителей Нагорного Карабаха. Почему же такая болезненная, опережающая реакция в одних случаях и полнейшая апатия в других?

Все дело в том, что позиция союзного руководства диктуется отнюдь не абстрактными соображениями защиты прав угнетенного меньшинства. Она диктуется политическим расчетом, когда интересы того или иного народа — всего лишь фигуры на шахматной доске.

Резюмирую. Если демократы не обеспечат контроль над тремя составляющими власти: кадрами, финансово-кредитной системой и органами государственного принуждения, то они потеряют даже ту власть, которую сейчас имеют. Вот тогда диктатура придет неминуемо...

— Все же представим худшее: она пришла...

— И вот здесь вступают в действие те автономные структуры, которые уже теперь должны создаваться демократическим движением. Возможно, что в день или, вероятнее всего, в ночь «Х» значительная часть народных депутатов России, Московского, Ленинградского и некоторых других Советов, руководителей демократического движения одним ударом будет «выведена из игры».

Скажем, интернирована, как это произошло в Польше в 1981 году. Сходный вариант я считаю наиболее вероятным — в нашей стране. Массовый террор, как в 37-м году, думаю, невозможен. До тех пор, пока будут восстановлены прерванные связи, выдвинуты новые лидеры и т.д., надо, чтобы локальные структуры действовали так, как действуют люди в условиях аварии на предприятии или на

корабле. Когда масштабы катастрофы еще неизвестны, но в то же время каждый знает, что должно предпринимать. Первым делом, вероятно, пройдут кампании гражданского неповиновения. Но я бы не считал правильными какие-либо насильственные действия людей в защиту поправленной конституции. В условиях, когда на улицы выйдет вооруженная армия, было бы просто преступно толкать молодых, горячих людей в лучшем случае — под приклады, в худшем — под пули. Повторяю: действия демократов должны носить максимально непровоцирующий, ненасильственный характер.

Может быть, станет возможной всеобщая политическая забастовка. Насколько она будет массовой и длительной — настолько и эффективной. В Бolivии, например, в 70-е годы массовая всеобщая забастовка трудящихся заставила отказаться от власти организаторов только что свершившегося военного переворота.

Но я допускаю, что всеобщая забастовка может и не удалась. В любом случае надо быть готовым к тому, чтобы развернуть деятельность самиздата, подпольных радиостанций, наладить обмен информацией, в том числе и ее передачу за рубеж.

Думаю, что вскоре после переворота возникнут процессы, с которыми власти не смогут совладать, ибо его организаторы могут на время подавить политические и гражданские права. Но они не в состоянии вывести страну из глубокого экономического и социального кризиса. (Пример — режим Ярузельского в 1981—1987 годах в Польше.) Вот тогда-то и понадобятся на предприятиях, в трудовых коллективах люди, способные стать лидерами новой демократической волны. Таких людей уже сейчас надо готовить в организациях «Демокра-

тической России» на предприятиях.

Мне придает оптимизма то, что существует ряд факторов, которые не могут поставить под свой контроль организаторы переворота, даже если они этого очень захотят. Нашу экономику невозможно уже вернуть ни во времена брежневского развала, ни в период сталинско-орджоникидзеvского «подъема». На административной основе создать рынок нельзя. В наших условиях авторитарная власть неизбежно будет враждебна по отношению к рынку. На худой случай она создаст рынок монополистический.

— «Номенклатурный капитализм»?

— Можно его назвать и так. Это будет капитализм, который не даст решительного экономического подъема, без которого общество не сможет решить самые элементарные проблемы. Это, во-первых. А во-вторых, мы сейчас во многом зависим от поведения Запада, его реакции на происходящие в нашей стране события, его готовности предоставлять кредиты, льготные условия для торговли и т.д.

Организаторы реакционного переворота могут на все это не рассчитывать.

Надо сегодня показывать сторонникам диктатуры, что переворот не принесет им ожидаемого успеха, что он может сорваться уже в первые дни и, во всяком случае, не приведет к тем результатам, на которые они рассчитывают. В структурах власти и вокруг них, конечно, есть люди, готовые совершить свое подлое дело. В то же время им не хочется оказаться неудачниками. Напомним этим людям слова Талейрана: «Неудавшихся подлостей люди не прощают».

Беседу вел Александр МЕШКОВ

— На правах рекламы —

УПРАВЛЕНИЕ ГОССТРАХА ПО МОСКВЕ

Если вашему предприятию предстоит отправить дорогостоящее имущество в другой город или республику, Управление Госстраха по г.Москве предлагает вам новый вид услуг — СТРАХОВАНИЕ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ.

Договор страхования перевозки грузов обеспечит вашему предприятию возмещение материальных потерь, которые могут произойти во время транспортировки имущества, а также во время погрузочно-разгрузочных работ.

Управление Госстраха по г.Москве ГАРАНТИРУЕТ ВАМ страховую защиту от различных видов крушений и аварий, стихийных бедствий, кражи, недоставки груза и т.д.

Телефоны Управления Госстраха по г.Москве:

229-38-40

229-51-01

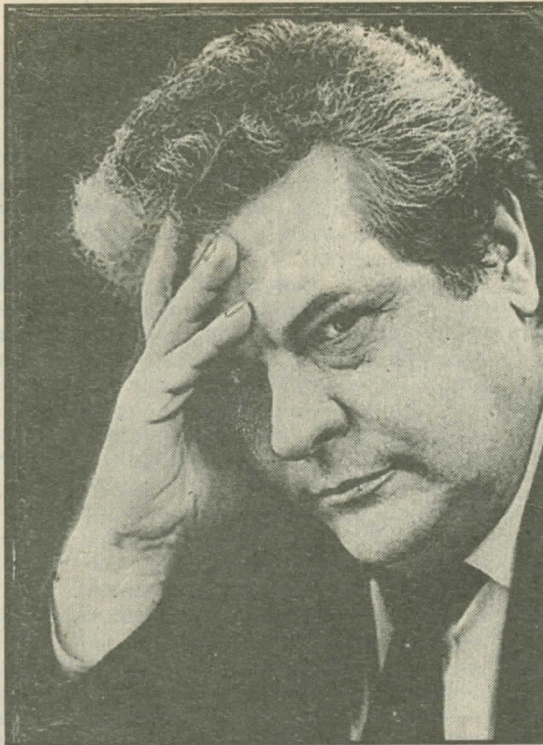
Большинство наших сограждан слишком хорошо представляют себе, что такое жесткая коммунистическая диктатура сталинского типа и что такое либерально-фискальная диктатура брежневского времени. Они не желают никакой диктатуры коммунистов и всеми доступными им средствами протестуют против нового засилья КПСС у власти. Нарастивая это сопротивление, следует, на мой взгляд, более точно и ясно представлять себе шансы коммунистов не только восстановить (тут они, кажется, способны на все), но и сколько-нибудь долго сохранить и упрочить новую диктатуру.

Суммируя прогнозы демократической общественности, можно выделить три варианта развития событий при реставрации коммунистического режима. Это победа правых реакционных коммунистов типа ОФТ, национал-большевиков и нинандреевского «Единства». Это концентрация власти у аппаратных партийных структур под лозунгами обновленной коммунистической теории, истинного марксизма и социалистического выбора. И третий вариант — дальнейшее упрочение личной диктатуры Президента с опорой на партаппарат.

Каждый из этих вариантов реставрации режима связан с различными силами в КПСС. Но, как бы ни развивались события и какие бы силы ни принимали в них участие, возможность реставрации коммунистической диктатуры при поддержке большинства населения практически равна нулю. А значит, в любом случае она будет устанавливаться с опорой на коммунистические структуры в армии, КГБ, МВД, в судах и прокуратурах. Хотя, разумеется, возможны нюансы.

Коммунисты утверждают, что способны возродить свою партию, обратившись к истинному марксизму. Что ж, действительно, КПСС давно уже не является ни коммунистической, ни марксистской партией, если сравнить ее сегодняшнее состояние, идеологию, цели и средства с марксовской утопией.

Но к какому «истинному марксизму» собираются возвращаться коммунисты? К бестоварному производству? Идеи борьбы классов во имя построения бесклассового общества? Мирового революционного процесса? Отмирания государства? Упразднения армии и аппарата подавления? Но ведь отступления от этих постулатов в истории почти маниакально догматической КПСС были вынужденными и совершались под давлением катастро-

**Вячеслав ШОСТАКОВСКИЙ,
СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:**

**ДИКТАТУРА
КОММУНИСТОВ
ВОЗМОЖНА,
НО СЛАБАЯ,
И НЕ
НАДОЛГО**

фических противоречий теории и действительности.

Чтобы удержать власть, даже такого чудовищного аппарата подавления человека, который был создан коммунистами, оказалось недостаточно. И потому нехотя и половинчато, но коммунисты постоянно шаг за шагом удалялись от первоначальных иллюзий Маркса. Идея бестоварного производства была заменена признанием товарно-денежных отношений, мировой революционный процесс — «мирным соревнованием». И только в опровержении идеи отмирания государства коммунисты были решительны и строги — создали государственную машину, истории неведомую. Но и она в конце концов не помогла, и КПСС вынуждена была пойти на поворот 85-го, который в конце концов подтвердил то, что и так было ясно, — полную теоретическую и политическую несостоятельность коммунистов, их неминуемую гибель как управляющего класса.

И потому разговоры о возврате к «истинному марксизму», к истокам, к «социалистическому выбору» сегодня могут вести только люди ограниченные и замкнутые. Или политические циники. В зависимости от того, какой сорт поклонников марксизма возглавит возможную новую коммунистическую диктатуру, события будут развиваться с некоторыми вариантами. Итог же их объективно предрешен — полный крах режима.

Приход к власти воинствующих марксистов из ОФТ и «Единства» лично мне представляется сомнительным, несмотря на разговоры о смыкании их с партией Полозкова, поддержке аппарата ЦК и местных партсекретарей. И как политики, и как идеологи, и как экономисты эти люди настолько мелки, а их идеи спасения отечества так далеки от реальности, что, даже если они, опираясь на люмпенизированную толпу и военных, придут к власти, диктатура их окажется наиболее болезненной, но и наименее долговечной. Экономический кризис будет столь скоротечен и ужасен, а возможность их компромисса с думающими людьми столь мала, что у власти они не задержатся.

Теперь о тех идеологах КПСС, из «умеренных», которые по различным институтам и группам работают сейчас над новой программой КПСС. Есть у них такое задание от XXVIII съезда КПСС. Это люди из разряда политических циников. Они, в сущности, прекрасно понимают, что никакой исторической перспективы у партии, стоящей на марксистских постулатах, нет. Что даже выдвинуть сколько-нибудь

привлекательные социальные ориентиры КПСС не способна, потому что не может предложить реальные экономические механизмы их достижения. Они понимают, что дальнейшее функционирование экономики при единственной силе, связующей различные ее структуры, — КПСС — невозможно. Что к стабилизации приведет только свободное взаимодействие различных социальных и функциональных групп. Но это означает для них только одно — роспуск КПСС, уход от власти коммунистической номенклатуры, тех, кто содержит нынешних идеологов. А значит, с изрядной долей политического цинизма они будут выдумывать очередную эклектичную и мертвую программу, в которой «социалистический выбор» будет сочетаться с рынком и с незатухающей ролью партии.

Думаю, что у этих вот, «реалистических и умеренных», партийных кругов еще меньше, чем у правых, шансов прийти к власти и установить свою диктатуру.

Наиболее вероятен сегодня третий вариант — упрочение президентской, а вовсе не генсекской власти Горбачева с опорой на коммунистическую бюрократию. Он, собственно, уже и реализуется.

Особо показателен тут последний Пленум ЦК КПСС, на котором, может быть, впервые за годы перестройки, коммунисты выступили единой сплоченной силой в поддержку президентских планов Горбачева. Потому что партаппарат прекрасно понимает, что не генеральный секретарь партии, потерявший доверие народа, а именно Президент, сохранивший за собой пост главы КПСС и пользующийся неограниченной властью, может гарантировать ему выживание. Именно этот вариант диктатуры приведет к самым разрушительным для страны последствиям.

Что такое в нынешних условиях диктатура Президента? Это прежде всего диктат Центра при подавлении самостоятельности республик. Это постоянная демонстрация силы Центра. В этом смысл военных действий в Прибалтике. В этом смысл проведенного в три дня обмена денег, который не дал и не мог дать никакого экономического эффекта. Президент просто демонстрировал, что финансы по-прежнему в его руках и все суверенитеты разлетаются в прах, когда он формирует «тройки» из представителей Минфина и КГБ и посылает их со всеми полномочиями для

изъятия денег в республиках. И суть поднятия цен или формирования особых органов правопорядка, подчиненных Центру, тоже не в стабилизации экономики или охране безопасности граждан, а в укреплении власти Центра, Президента и коммунистической бюрократии.

Разумеется, проводимые при таком режиме реформы, да еще при полной изоляции Союза, которая нам гарантирована при первом же наступлении на демократию, свободу печати, права человека, без чего укрепление Центра по горбачевской схеме немислимо, никакой стабильности, а уж тем более прогресса, не дадут. Ведь и при диктатуре реформы будут проводиться так же, как и при «демократии», то есть половинчато, с гарантиями для управляющего класса, который в результате настоящих преобразований должен был бы исчезнуть. Единственный выход из сегодняшнего кризиса — это установление подлинных суверенитетов республик, горизонтальных экономических связей и союзное правительство, сформированное республиками. Но этот вариант Горбачев отверг. И потому ему нужна диктатура.

Насколько основательной опорой для Горбачева в реализации этих планов будет КПСС? Думаю, сегодня эта опора довольно шаткая и ненадежная. Дело в том, что прежней большевистской партии сталинского типа или коммунистической — брежневского уже не существует. Прежде всего не существует наднациональной, надреспубликанской супергосударственной структуры — КПСС. Партия раздроблена. В демократических республиках коммунисты на платформе КПСС составляют «ночные партии», более похожие на клуб заговорщиков. В авторитарных республиках местная национальная комбюрократия осознает, что свой порядок они легче и надежнее установят без коммунистической руки Центра.

Не существует и прежней КПСС — основы хозяйственного и политического строя, низовые парторганизации уже даже не имитируют деятельность. Большинство коммунистов остаются в партии из застарелого страха перед всевидящим оком коммунистической диктатуры. Одни из них все еще платят взносы. Другие — и из КПСС не выходят, и взносы не платят, чтобы не краснеть перед беспартийными. Но и тех и других в ближайшее время уже, видимо, не поднят ни на единодушное одобрение,

ни на всенародное осуждение. А вот молчаливое и пассивное сопротивление — это как раз то, что и ждет Президента-генсека, едва он попытается опереться в своих планах на партийные массы. Он это прекрасно понимает. Ведь ни акции в Литве и Латвии, ни денежная реформа, ни военное патрулирование не сопровождались «широкой волной собраний парторганизаций в трудовых коллективах в поддержку давно ожидаемых народом мер». Ни генсек, ни ЦК даже не пытались этот механизм запустить. Потому что знали — он уже не сработает. Попытка же запустить механизм партийного скандирования при проведении референдума о социалистическом Союзе в ряде мест может привести к обратному результату. Так что в ближайшее время Президент может рассчитывать только на силу собственных Указов, на силу военного и экономического давления.

Таков, на мой взгляд, сценарий установления и развития коммунистической диктатуры образца 91-го года. Политическим силам, последовательно выступающим за демократию и радикальные реформы, остается рассчитывать на собственную стойкость, дальновидность, способность к сплочению и отказу от межпартийных распрей, установлению более тесной связи с народом, побуждению его к осознанному мирному сопротивлению режиму.

Утверждать, что народ жаждет порядка любой ценой и что стоит на него цыкнуть — он покорно, влача полуголодное состояние, снова будет гнуть спину на правителей, могут только люди, не верящие в человека. Свет свободы, самостоятельности, чувства собственного достоинства, забрезживший в стране в последние годы, погасить не так просто. А отказаться от него по доброй воле — уже невозможно.

Записал Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

Кирилл СВЕТИЦКИЙ

ПРЕЗИДЕНТ СТАНОВИТСЯ

ОПАСЕН

Автомат на груди и сержантский мат в затылок — моя «учебка в Литве». Я топтал эту землю, учился зарываться в нее по грудь и стрелять по бегущей мишени. Вернулся сюда спустя семь лет... Через три дня после кровавого вильнюсского воскресенья.

Что мы, в сущности, знали о Литве до 13 января 1991 года? Немного: республика борется за независимость, Горбачев не хочет ее из Союза отпускать, проблемы межнациональные, проблемы с армией. Есть обаятельный премьер-министр. И вдруг — отставка правительства, войска стреляют в людей, демократическая пресса взрывается трагическими новостями. Болевой шок, который не скоро пройдет. Мы уже знаем, что произошло в Литве в ночь с 12 на 13 января. Но я летел в Литву, чтобы ответить на вопрос — почему.

Как это говорится, «сложный клубок противоречий»? Его я и ожидал увидеть. Думал — приеду, посмотрю и взвешенно расскажу. С одной, мол, стороны, одно, но и с другой — тоже... Есть такая субстанция, называется

Более 90 процентов населения Литвы высказались за независимую демократическую республику. А как же межнациональная рознь, недовольство политикой парламента, массовые требования ввести президентское правление? Ничего этого не было и нет — свидетельствует наш корреспондент, побывавший в Литве после кровавого воскресенья.

нравственность. И есть ее границы, за которыми существуют разнообразные системы ложных координат, и черное может быть белым, и дважды два может быть восемь. То, что ясно по одну сторону, по другую — «сложный клубок противоречий». А в Литве построены баррикады, которые проходят по этой границе, и я не мог пошире расставить ноги, чтобы не оказаться вне своей системы координат.

Как преступно мало знали мы о Литве. Не понимали, насколько ловко Президент загоняет ее в западню. И, оцепенев, глядели, как расстреливает безоружных людей президентский засадный полк. А ведь сценарий большевистского переворота хорошо изучен историками. Его используют, когда нужно расширить или сохранить сферу имперского влияния — как это делал Сталин в

Прибалтике, Брежнев — в Чехо-Словакии, Гитлер — в Австрии.

Место действия: одна из европейских стран.

Обязательно: диктатор, имеющий в единоличном распоряжении армию, средства массовой информации и наднациональные партийные структуры.

Нация с европейской культурой, желающая быть самостоятельной.

Законная и популярная национальная власть.

Желательно: «пятая колонна», состоящая из убежденных членов наднациональной партии, проживающих на территории, подлежащей оккупации.

Чтобы пьеса состоялась, нужно стабилизировать политическую, а по возможности и экономическую ситуацию. Дождаться хоть какого конфликта (впрочем, его можно

выдумать) и раздуть. Потом сформировать декоративное правительство из участников «пятой колонны». Это правительство объявит законную власть «антинародной» и неспособной к управлению. И попросит помощи у кулакастого соседа, который уже выкатил из сарая зеленый танк и примеряет шляпу Бонапарта.

Так что же происходило в Литве и вокруг нее до 13 января 1991 года, какие переплетения сюжета привели и столкнули у телебашни в Вильнюсе безоружных людей с танками и солдатами?

ЛИТОВЦЫ

Все-таки прибалты — европейцы. Если они демократически избирают себе власть, то такую, которой можно доверять и на нее полагаться. И власть у них европейская: не спорит о «социализме-капитализме», к делу своему относится серьезно. Для сравнения — кое-что про нас. Почти шесть лет назад молодой и задорный (на фоне своих предшественников) генсек объявил о начале перемен в СССР. Страна поскакала через пень-колоду непонятно куда, и до сих пор нет цельной программы политических и экономических реформ. Команда Шаталина — Явлинского принесла Президенту свою программу реформ на блюдечке с голубой каемочкой, и даже республики были с ней согласны, и демократы поддерживали — такого единодушия в последние годы не припомнишь. Но заплакал Николай Иванович Рыжков, и Президент отогнал от него Шаталина с Явлинским, как назойливых мух. А через три месяца отправил своего премьера на пенсию.

В Литве не так. В парламенте говорят: мы приняли уже 60 процентов законов, скоро можно будет начинать реформу. Никто по ночам не сидит над указами, чтобы на утро людей огоршить. Каждое решение подкреплено программой. Власть не мечется из стороны в сторону, а население не мечется по очередям. В полночь в кофейне на улице Гедимино подают сосиски в грибном соусе по государственной цене. Москвичи, вы можете себе это представить? Да, говорят в Верховном Совете и на улице, у нас тяжелая экономическая ситуация, но наше правительство... А мы про команду Горбачева говорим —

его правительство. Вот такая разница.

До 12 января в парламенте Литвы существовали разногласия не только по политическим, но и по экономическим вопросам. Это не означает, что кто-то требовал больше социализма, а кто-то меньше. Как в любой цивилизованной стране, в Литве это слово выпало из экономического обихода. В центре политических и экономических разногласий стояли танки.

Радикалы предлагали не обращать на них внимания, разделить бюджет с Союзом (куда до сих пор отчисляется 25% от республиканского) и получить возможность стабилизировать экономическую ситуацию — с помощью, в частности, системы индексации цен. Как положено, разработали программу, использовали опыт Англии и Германии. Там в послевоенные годы успешно применяли систему «очков». Упрощенно она выглядит так — количество и стоимость всех товаров, гарантированно попадающих на рынок, подсчитывается. Общая сумма делится на количество проживающих в республике, и каждый получает карточку с определенным равным количеством очков, в пределах которого может купить все необходимое. Программа была толковая, но... правительство Казимеры Прунсене от нее отказалось. Радикалы опирались на достижения современной экономики и цивилизованного права.

Президент СССР искал не прагматической выгоды, а повода к драке. Например, за конкретным шагом — разделом бюджета — последовал бы со стороны Горбачева не менее конкретный шаг — возобновление экономической блокады с непредсказуемыми последствиями. В том числе — с танками.

Правительство решило идти по другому пути. Не давать Горбачеву повода для вооруженного вторжения и считать 25% бюджета платой за независимость. Без разделения бюджетных систем невозможна индексация — а это значит, что при неизбежном повышении цен в первое время сильно пострадают малоимущие слои населения. Но правительство решило, что договориться со своим населением все-таки проще, чем с Горбачевым, — видимо, у Прунсене были веские основания для такого решения. 7 января 1991 года было объявлено о повышении цен.

Мы здесь, в России, часто спорим друг с другом о межнациональных конфликтах на окраинах империи. Нам отсюда кажется, что и в Азербайджане, и в Литве проблемы одни и те же. Одни говорят — литовцы, сволочи, русских обижают. А другие отвечают — русские, мол, сами хороши. Приехали в гости и хамят, и правильно их там не любят, лимитчиков. Сомнение — есть ли вообще в Прибалтике межнациональные конфликты — почему-то не закрадывается. Я не говорю, что в Литве нет межнациональных проблем. Если я приеду жить в Париж, мне понадобится знание французского языка. И первое время у меня с тамошней нацией постоянно будут возникать проблемы — в магазине что-то купить, на работу устроиться. Будут проблемы — но не будет конфликтов. А потом я выучу язык, и проблем тоже не будет.

Я прилетел в Вильнюс в ночь на 17 января. Говоря откровенно, я не был уверен, что не встречу со стороны литовцев прохладного к себе отношения. Все-таки и я русский, и на танках были русские... До сих пор стыдно — ведь если я мог так подумать о литовцах — значит, окопался где-то на темной стороне моей души подлый принцип «свой — чужой», когда врагами становятся все армяне или все евреи. Все неарийцы — или, наоборот, все немцы.

У здания парламента Литвы ночью много людей. Среди пестрого интернационала флагов — литовских, латвийских, эстонских, польских, украинских, шведских, израильских... — я углядел российский флаг, сшитый из детских лент: белой, голубой и красной. А сверху была приколата еще одна ленточка — черная. Свои, из России, обрадовался я. Оказалось, что русские, но из Вильнюса. Потом я увидел еще один российский флаг. Подошли москвичи, парни из Питера... Литовцы, узнав, что я только что из Москвы, обступили нас со всех сторон. Одни расспрашивали о последних российских новостях, а другие в это время пытались накормить вкусными булочками и напоить горячим чаем. Интересовались, есть ли нам где переночевать, — но меня и нашего фотокора уже пригласили в гости русские вильнюсцы.

Татьяна Коморская. Родилась и выросла в Вильнюсе, работает в русскоязычной газете «Вечерние новости». Вильнюсская «Вечерка» рассталась со своим партийным руководст-

вом, стала независимой, демократической газетой. Резко поднялся тираж, удалось организовать акционерное общество. Сотрудники впервые стали работать без какой-либо цензуры и неплохо зарабатывать. 11 января к Дому печати подъехал танк, раздались выстрелы, и в здание ворвались войска. Журналистам не давали забрать с собой ни юридические документы, ни редакционные печати. Многих выгнали на холод без пальто и курток. Солдаты освобождали помещения для коммунистической газеты «Литва Советская» и прокоммунистической — «Вместе и наравне», издания интердвижения «Единство». Вместе с «Вечеркой» выгнали и еще одну русскоязычную независимую газету, «Эхо Литвы». Помню, не так давно Михаил Сергеевич проявлял живое беспокойство судьбой русскоязычной прессы в Прибалтике...

Михаил Коморский — моряк, родом из Ростова, в Литве живет 10 лет. С литовским языком проблем нет. В ночь с 12 на 13 января был среди защитников здания Верховного Совета. Разговоры о межнациональных конфликтах в Литве и Татьяна, и Миша считают лживыми. Хотят жить в независимой и свободной Литве. Советские войска им мешают. Сразу после той кровавой ночи был проведен социологический опрос. Правительство Литвы безоговорочно поддерживало 77 процентов русских, проживающих в республике.

Русские общины есть в Канаде, США, Израиле, Болгарии... Русские люди раскиданы по всему свету. Они сохраняют свою одежду, культуру, традиции. Это не мешает им знать язык страны, где живут, и любить землю, на которой работают. И никаких межнациональных конфликтов. Русских много в Литве — таких, как Миша и Татьяна, как иеромонах Илларион Алфеев, который пытался словом остановить тяжелые танки у телебашни. У русских слитовцами нет конфликта. В самые тяжелые часы 13 января лидер парламента Литвы Витаутас Ландсбергис обращался к людям по радио: «Литовцы! Что бы ни случилось сегодня, помните — русские в этом не виновны». Это межгосударственный конфликт, для раздувания которого руководство СССР провоцирует внутри республики конфликт социально-экономический.

Фото В. Мешатина

СОВЕТСКИЕ

Есть в Литве группа русскоязычных

зычного населения, национальную принадлежность которой трудно определить. Не по крови — а по тому, носителями какой культуры эти люди являются. Эта плотная группа и используется Центром для создания конфликтов. Их можно называть межнациональными — если считать нацией homo soveticus. У этой группы населения, в ее образе жизни, традициях и отношении к окружающим больше советского, чем русского, украинского или белорусского.

В полупустом автобусе рядом с нами сидела женщина. Лузгала семечки и сплевывала на пол. Услышала разговор о Москве, обернулась и произнесла: «Вы на литовцев похожи, и одеты, как литовцы. Вас не побьют». И состоялся у нас диалог просто хрестоматийный:

— Мы и не боимся. Нас и как русских очень хорошо принимают.

— Это вам так кажется.

— А вам что, плохо здесь?

— Плохо... Они русских не любят. Язык наш не любят, заставляют учить свой.

— А что, так трудно выучить?

— А почему это я должна какой-то язык учить? Пятьдесят лет на свете прожила, не нужно было. А теперь — здравствуйте!..

— Так уезжайте в Россию.

— И уеду, уеду. Вон к сестре в Орловскую область уеду. Если там пропнут... А почему это я вообще должна куда-то уезжать?

Русский таксист с хорошим образованием, выключив счетчик, полчаса разъяснял нам положение в Литве, рассказывал о «советских»:

— Зашел однажды в «Единство», просто поговорить. Они потом кричали: «Ты саюдист!» Да какой я саюдист, я просто не дурак. «Что ж вы делаете? — говорю. — Вы хотите, чтобы Прунскене ушла в отставку? Ведь на ее место радикал придет, и вам же хуже будет. Вам что нужно?» — «Чтобы Литва осталась в Союзе». — «Зачем?» — спрашиваю. Ничего толком ответить не могут. Они хотят, чтобы было, как раньше. Раньше уровень жизни в Литве был выше российского, вот они и приехали на все готовое. А теперь, когда республикам нужно подниматься, выходить из кризиса, каждая будет поднимать цены. И Россия будет свою нефть продавать Литве по мировым ценам. Поэтому уровни будут сближаться и в первое время неизбежно еще и падать. Они не хотят понимать, что прежнего не вернешь. И что противно, по любому поводу кричат: «Мы русские! За нами

Россия!» Вот в зоопарке слон живет. Табличка висит: «Слон. Родился в Вильнюсе. Родина — Африка». Я и говорю — если вы такие патриоты, уезжайте в Россию, там сейчас дел невпроворот. Не хотят...

Низкая квалификация, низкий уровень культуры, характерные имперские комплексы, развитый инстинкт разрушения. Эти люди несчастны, убоги, их жалко. Но если умело сыграть на их комплексах — они становятся опасны для общества. Полвека союзные министерства закладывали в Прибалтике мины замедленного действия. Они строили там крупные промышленные предприятия, а затем ввозили из российской глубинки рабочую силу — «Мой адрес не дом и не улица...» Люди, потерявшие деревенскую культуру и не сумевшие воспринять не просто городскую, инородную, — они оказались в пассивной оппозиции к окружающей их жизни чуждого народа. Обзаводились квартирами, хозяйством, детьми, создавали свой уютный мирок. Друзья с завода, первая программа ТВ, быт со всеми своими сложностями — на этом островке они и жили. Круг их интересов был так узок, что литовский язык им был попросту не нужен. Именно эту группу людей — а не всех нелитовцев по паспорту — называют в Литве мигрантами. Но они не руководят интердвижением, они лишь «масса».

Во главе движения — партийные функционеры, военные и администраторы с предприятий союзного подчинения. Каждый из них зависит от Центра — карьерой, кормушкой, окладом. А мигранты зависят от лидеров интердвижения — работой, жильем, небольшим, но стабильным заработком. И все вместе они боятся свободного рынка в независимой Литве.

Конечно, не всем работникам союзных предприятий свойственна психология мигранта. Но групповое давление коллектива, дезинформация со стороны администрации, парткомов и центральной прессы поднимает колеблющихся и толкает на неразумные действия. Возникает эффект массовости и демократичности, на самом же деле лидеры имеют свои определенные задачи, лежащие в стороне от интересов подчиненных им людей. Например, сегодня работники союзных предприятий зарабатывают в среднем меньше, чем другие категории трудящихся в республике, — действу-

ют союзные инструкции, ограничивающие предприимчивость. Такое положение выгодно Центру: неизбежное повышение цен в республике бьет в первую очередь по мигрантам, и это позволяет успешно провоцировать их на конфликт с республиканскими властями. А лидеры движения, вместо того чтобы бороться за самостоятельность предприятий и искать способы поднять заработки рабочим, тыкают пальцем в правительство и парламент — «Они виноваты!».

«Единство», Комитеты граждан СССР, Объединенный совет трудовых коллективов объединились в конце 1990 года в «Конгресс демократических сил». Требования их просты и созвучны президентским: восстановить Конституцию СССР и Литовской ССР, подписать Союзный договор, парламенту уйти в отставку, на территории республики установить прямое президентское правление. Только вот Президент пока не торопится — не знает, что такое прямое правление. Выполнить требования Конгресса — значит вернуться под крылышко Москвы и забыть о свободе и независимости. Организации, дестабилизирующие ситуацию в стране с целью свержения законной власти, облегчающие вторжение в республику войск соседней державы, называются «пятой колонной». Она начинает решительные действия перед самым началом оккупации, готовит «плацдарм». О ней думал Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев перед сном в Рождественскую ночь.

ПОВОРОТ

«Горбачев не знал. Горбачева обманули. Горбачева специально компрометируют (враги перестройки!) Обманули в Тбилиси, скомпрометировали в Баку. Не оскорбляйте Президента. Это он просто прикидывается так, когда ему объясняют реальные экономические и политические проекты и речь заходит о демократическом повороте. А вот тоталитарный поворот он подготовил блестяще (такие мелочи, как ушедший без предупреждения в отставку Шеварднадзе и недовольство республик, — не в счет).

Сначала Президент своими манев-

рами ввел Верховный Совет Союза в такую растерянность, что тот согласился делегировать ему любые чрезвычайные полномочия. Потом, как бы откликаясь на обвинения в некомпетентности правительства, сместил «непрофессионального» министра внутренних дел страны Вадима Бакатина. Того самого, которому удалось договориться о координации действий республиканских МВД без ущерба для суверенитета самих республик. Его место занял «специалист по Прибалтике» Борис Пуго, в недавнем прошлом председатель КГБ бывшей Латвийской ССР. Первым замом был назначен Борис Громов, командовавший нашими войсками на бесславной афганской войне. Надо признать, люди с весьма специфическим опытом. Деятельность Центрального телевидения успешно парализовал срочно переброшенный из ТАССа Леонид Кравченко.

Горбачев не просто ждал повода, он основательно готовился. Точно знал, когда в Литве объявят о повышении цен, и приурочил к нему начало операции. Именно в этот день, когда Россия впервые официально праздновала Святое Рождество Христово, в Литву вошли части воздушно-десантных войск. Предлог — «обеспечение призыва в армию». В тот же день на некоторых предприятиях республики прошли кратковременные забастовки, люди требовали не повышать цены. Но политических требований еще никто не выдвигал.

Наверное, Михаилу Сергеевичу трудно было уснуть в этот вечер. Он ждал известий из Литвы и очень волновался — как там союзники? Не те, что в Саудовской Аравии, ближе — в Литве, Латвии и Эстонии. Заявления союзников Президента центральная пресса в те дни вдруг взялась публиковать часто и дословно, а заявления прибалтийских парламентам лишь изредка пересказывала.

8 и 9 января «пятая колонна» СССР организует в Вильнюсе митинги у Верховного Совета. 10 января Горбачев обращается к парламенту Литвы с требованием восстановить те конституции, которые ему, Президенту СССР, больше нравятся. Парламент это обращение отвергает. «Пятая колонна» организует забастовки на ряде крупных предприятий союзного подчинения, на Игналинской АЭС, в аэропорту (с помощью вооруженной охраны таможи) и на железнодорожном узле Вильнюса. 11 января войска СССР начинают боевые

действия на всей территории Литвы. В тот же день, как утверждает ЦК КПЛ (КПСС), «Конгресс демократических сил» сформировал «Комитет национального спасения», который «возложил на себя ответственность за будущее Литовской ССР», то есть фактически заявил о себе, как о том самом — традиционном для большевистского переворота — декоративном правительстве. Как заявили на пресс-конференции в вильнюском Доме офицеров секретарь ЦК КПЛ (КПСС) Ермалавичюс и представитель Министерства обороны СССР генерал-майор Науман, именно этот комитет обратился к армии «за помощью». Они даже сообщили, что у армии на руках есть документ, подтверждающий факт обращения, — но никому его не показали. Комитет так и остался таинственным призраком, состава которого никто, кроме Ермалавичюса, не знал. Получается, что «доверчивая» Советская Армия выполняла указания организации, ни с одним из членов которой военные не были знакомы и даже имен не знали. Действия Президента сделали бессмысленными все усилия «умеренных» членов Литовского парламента избежать танков, и 12 января правительство Прунскене подает в отставку.

Юозас Ермалавичюс, который называл себя уполномоченным по связям с Комитетом, высказывался на пресс-конференции предельно откровенно: «Законов нет. Все решает сила, кто — того!» Военная сила была на стороне Горбачева и Ермалавичюса. Но что-то не сработало. Может быть, после кровавой попытки переворота никто не захотел связывать свое имя с этим событием, назвавшись членом Комитета. Да и сам комитет — это уже очевидно — был лишь идеей коммунистов, а не реальной группой людей. Может быть, испугались «большой крови» — ведь с первых минут трагедии телевидение Каунаса вещало на Европу, используя зарубежные средства ретрансляции. Или позиция российского правительства озадачила? Или кто-то по прямому проводу из-за границы позвонил и посетовал — мы, мол, не так договаривались? Или литовцы оказались тверже, чем рассчитывал Горбачев? Со временем разберемся. Так или иначе, но в Вильнюсе по-прежнему работает парламент, который охраняют теперь уже вооруженные люди.

Но это не значит, что военный пе-

реворот не удался. Семь лет назад я тогтал литовскую землю, зарывался в нее по грудь и учился стрелять по бегущей мишени. И помню, как в солдате воспитывают ненависть, ежеминутно подвергая его насилию, часто немотивированному. Человека ломают в солдата и, делая его ничтожеством, прививают комплекс неполноценности. Нужен лишь повод, чтобы все это выплеснулось в убийство.

Переворот отложили на время, и сейчас в Кремле скрупулезно изучают свои просчеты, чтобы в следующий раз действовать наверняка. И нашему Президенту плевать на возможное возмущение России — у него есть своя армия. И вранье, что Горбачев не отдавал приказа стрелять в литовцев. Армия может начать совместные с войсками МВД СССР боевые действия против мирного населения и республиканской власти лишь в случае, если прикажет Президент. Слишком велика ответственность принимаемого решения, ни один начальник гарнизона не решится на такое действие без приказа сверху. Если это самоуправство Язова — то почему он еще не в отставке? Есть еще вариант: Президент выдал военным «карт-бланш» на любые действия, не называя их конкретно. Но и в этом случае его причастность к преступлению очевидна.

Сначала жить под властью Горбачева было радостно — перестройка, гласность, самоуправление... Потом он начал метаться, и стало грустно от бесполокщины. Теперь Президент становится опасен, он объявляет войну своему безоружному народу. И может быть, недалеко то время, когда уже москвичам придется хватать попавшие под руку тяжелые предметы и бежать защищать. Моссовет и республиканский парламент? Но вот сможем ли мы быть такими же стойкими, как литовцы?..

Фото Е. Семин

Архиепископ Литовский и Виленский Хризостом, настоятель Свято-Духовской обители в Вильнюсе. В Литве с февраля 1990 года. До этого — Архиепископ Иркутский и Читинский. Православный иерарх, поддерживающий движение за независимость Литвы.

Политическое преступление гаже всякого греха

— Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II подписал так называемое «Обращение 53-х» о введении прямого президентского правления. Как Вы к этому относитесь?

— Крайне отрицательно. Я удивлен. Хочется найти какое-то оправдание. Может быть, Патриарх не читал обращения. Или кто-то воспользовался его подписью... Но если он сознательно подписал — я думаю, что сейчас Патриарху нравственно нелегко. Он понимает, что виновен в кровопролитии. Именно они — 53 человека — предоставили армии возможность стрелять. И ведь такие имена — славные и бесславные — стоят рядом. Имя Патриарха в одном ряду с именами партаппаратчиков и представителей военщины — уже одно это плохо. Если была необходимость обратиться к Президенту, то мы должны были это сделать очень продуманно и взвешенно. И обращаться от имени Церкви, без участия генералов и коммунистов.

В этом обращении говорится о «ценностях, которые мы приобрели за 70 лет». И Патриарх призывает эти «ценности» сохранять! Какой-то парадокс, трагикомедия... Все, что можно было разрушить за эти 70 лет, — разрушили. И, пожалуй, самое страшное — разрушен внутренний мир русского человека. Он не может теперь отличить добра от зла.

Трудно все понять, и я не склонен осуждать категорично. Патриархи советского периода всегда были заложниками. Я убежден, что Алексий II тоже находится не в лучшем положении. Давление на него со стороны КГБ и прочих сил, стоящих в тени, очень велико.

— На протяжении всех этих страшных лет, именуемых «годами Советской власти», были церковные подвижники — такие, как Александр Мень, Глеб Якунин, Дмитрий Дудко. Они пытались говорить людям правду в самые тяжелые годы. А с другой стороны, в наши достаточно вольные времена официальная позиция РПЦ по отношению к происходящему в стране далеко не всегда служит образцом нравственности. Скажите, почему иерархам Русской Православной Церкви не позволено то, что позволено священнику?.

— Цели разные. Очень трудно сравнивать поступки официальных лиц и рядовых священнослужителей. Вот, например, отец Глеб Якунин, который заслуживает безмерного уважения как исповедник, тем не менее, с моей точки зрения, — плохой пастырь. Он слышит много, для священника, занимается политикой. Я

больше ценю пастырский подвиг отца Дмитрия Дудко. Иерархия Русской Церкви, начиная с Византии, всегда была тесно связана с государством — в отличие от церкви католической. Православная Церковь была тем цементом, который скреплял части Российской империи, когда та создавалась. Роль Церкви, в лице ее высших иерархов, как правило, была незначительной в духовном плане, хотя в политическом — весьма весомой. А голосом Православия стали монастыри. В 1927 году Митрополит Сергей, патриарший местоблюститель, заявил от имени Церкви о ее лояльности по отношению к Советской власти — и Русская Церковь замолчала на долгие, долгие годы. На протяжении шести десятилетий она пассивно участвовала во всех преступлениях власти тем, что не осуждала репрессий. Страдала и сама — но голос ее в защиту гонимых не был слышен. Раздавались лишь голоса иерархов, поддерживающих советских правителей... Митрополит Сергей пытался таким образом сохранить структуру Церкви.

Ведь и монастыри, и подвижники, и такие священники, как отец Глеб или отец Дмитрий, получали именно от иерархии назначения на приходы, рукоположения. Если бы не было структуры — как бы это было возможно? Все очень неоднозначно. Общая психологическая атмосфера в нашей стране очень сильно влияла на человека. Ведь большинство людей плывет по течению...

И все мы, в большей или меньшей степени, продукты нашего времени. Мы все как бы побывали в бочке изпод селедки, пропахли ее духом.

Когда начались «гласность», демократизация и новое мышление» (правда, теперь мы видим, к чему они приводят — к диктатуре), Церковь стала активнее участвовать в политической и общественной жизни. Но, к сожалению, не в должном русле. Иерархия и духовенство попали в высшие органы власти, то есть Церковь вновь захотела взять на себя не свою ношу.

— Как Вы, православный священнослужитель, оцениваете ситуацию в Литве?

— Здесь, в Прибалтике, наш голос, голос архиереев, пока очень и очень слаб. Я православный епископ и прежде всего общался с русскоязычным населением. Оно очень разнородное. И со многими группами у меня конфликт на политической почве.

Приходил ко мне Владислав Николаевич Швед, второй секретарь ЦК КПЛ (КПСС), беседовали полтора часа. Он убеждал меня, что здесь плохо живется русским. Иванов из «Единства» приходил, тоже пытался склонить на свою сторону. Им нужен был

мой голос. Они готовили переворот и знали, что общественности нужно будет показать недовольство населения. Вот, мол, и православный епископ свидетельствует... Хотя они раньше Церковь не замечали. Именно они подавляли религиозную жизнь, разрушали нашу церковную структуру. Я не пошел с ними.

— Значит, их аргументы были ложными?

— Несерьезными. Швед говорит: в транспорте русских женщин щиплют. Юноша, что в транспорте женщину ущипнул, наверное, и не спрашивал — русская она или нет. Я много ездил по Литве, но нигде ни о каких серьезных конфликтах не слышал. Обычные ненормальные межчеловеческие отношения коммунисты возводят в межнациональные проблемы — там, где они существуют, — кем-то специально созданы. Можно ввести войска и вновь утвердить свою идеологию.

Здесь на заводах, где работает в основном русскоязычное население, все руководство — коммунисты. Они вели работу с коллективом в определенном русле — противостоять отделению от Союза. И призывы падали на благодатную почву. Люди действительно не хотели почувствовать себя оторванными от России, ведь корни их все-таки остались там. А союзные власти пытались и пытаются представить себя в глазах людей властями «от России». И у многих литовцев русские ассоциировались с тоталитарным режимом. Но последняя трагедия сломала этот стереотип, и литовцы увидели — не все русские связаны с советским тоталитаризмом. Очень важно, что прошли митинги в Москве, Ленинграде и других городах России в поддержку Литвы.

То, что коммунисты называют межнациональными конфликтами, — это конфликт между демократией и тоталитарной системой.

Коммунисты утверждают, что здесь Верховный Совет и правительство не пользуются авторитетом. Но если это так, зачем вводить танки? Дайте срок — и сам народ попросит уйти в отставку и парламент, и правительство. Но введение танков, применение военной силы свидетельствуют — в республике есть демократические силы, способные сами, цивилизованными средствами, вывести Литву из кризиса. Это невыгодно коммунистам. Поэтому они попытались провести переворот. И их авторитет еще больше упал. Пролитая кровь — на их совести. Ошибки, допущенные парламентом и правительством, обычны. Они видны и в работе Союзного парламента, других республиканских властей. Но нельзя

же исправлять подобные ошибки с помощью оружия — так мы приходим к гражданской войне.

Русскоязычное население до этих событий, в большинстве своем, выступало за вхождение Литвы в СССР. Трагедия, мне кажется, послужила для многих поводом к переоценке ценностей. И я вижу, как те русские, которые были очень воинственно настроены до этой страшной ночи, теперь ведут себя иначе. Они напуганы. Раньше они боялись, что окажутся за границей, что придется учить литовский язык...

— А разве так страшно — учить литовский язык?

— Для них — очень страшно. Они живут здесь по 30 лет, не зная языка. Это беда местного русскоязычного населения, какая-то глухота к другим языкам.

Я надеюсь, что литовцы не перенесут на этих людей своей боли и гнева. Ведь даже военные части, расквартированные в Литве, не имеют к кровавой бойне никакого отношения. Это были другие части, которые сегодня уже перебросили из Литвы в другие места. Только коммунистам будут выгодны новые конфликты — и они уже инсценируют нападение на корреспондентов.

— А нас, русских корреспондентов, в Вильнюсе литовцы принимали удивительно доброжелательно. Мы не заметили какого-либо настроенного отношения к людям из России.

— И ведь, заметьте, это происходит в то время, когда центральные средства массовой информации так грубо... нет, не искажают, а лгут. Это даже не подтасовка фактов — а грубая, прямая ложь. И отношение к русским сегодня в Литве свидетельствует о выдержке большинства литовцев. Очень важно, что пастыри Католической Церкви обращаются к верующим простить прямых обидчиков и не переносить негативного отношения на ни в чем не повинных людей русской национальности.

Я, как архиерей, как русский человек и христианин, не мог быть участником действий коммунистов.

Из-за такой позиции все эти месяцы я буквально отбивался от нападков коммунистов и близких к ним людей. Они тут и жалобы на меня писали.

— То есть коммунисты по-прежнему пишут в инстанции, в том числе и на священников?

— Да. Они жаловались не только в Патриархию и Совет по делам религий, но и почему-то в Моссовет. Какой-то депутат Моссовета звонит и

возмущается: «Что у вас там? К нам жалобы на Вас из Снечкуса поступают!»

— Скажите, чего больше сегодня в русских людях — русского или советского? И как это сказывается на русских, живущих в Литве?

— Русского осталось мало. Советский стиль — это стиль самоуверенный, диктующий. А здесь, в Литве, он особенно развит. Я прожил всю свою жизнь в России, и мне всегда казалось, что русские в Прибалтике по культурному уровню стоят выше. К сожалению, это не так. Здесь преобладает самоуверенность. В Курской епархии, где я служил десять лет, верующие гораздо выше стоят по своему духовно-нравственному, церковному развитию. Здесь же церковность очень и очень деформирована. Ничего не стоит сорвать службу, митинговать в храме, если не нравится священнослужитель. Могут и оскорбить. Однажды несколько женщин, когда я выходил из храма, закричали вслед: посмотрите, да у него рожа-то дьявольская! В России такое невозможно.

— Наш журнал — московский. Что Вы хотели бы сказать москвичам, читателям нашего журнала?

— Прежде всего мне хотелось бы выразить благодарность — от всех нас, тех здешних русских, которые едины с литовцами в стремлении к свободе. Благодарность за тот акт солидарности, которым был митинг 20 января в Москве. Меня это радует — я ведь сам москвич. Там мой дом, моя квартира. Я дома уже год не был — но фактически я московский житель, по долгу службы находящийся в Литве. И хотел бы обратиться к своим землякам — пусть каждый из нас заглянет в себя и определится, с кем он. Это сейчас очень важно. У нас, у русских, сейчас есть шанс — и может быть, единственный — реабилитировать себя. Отмежеваться от тоталитарной системы, которая еще жива, которая принесла в жертву миллионы и миллионы русских людей и скомпрометировала нас в республиках.

Я думаю, что сегодня мы эту систему не разрушим — но должны отказаться от нее в душе, чтобы поднять свою нравственность. Тогда мы станем свободными и ослабим ее изнутри. Я убежден — если бы не началась «перестройка», такой страшной агонии не было бы. Потерпели бы еще несколько лет — не больше десяти, — и режим рухнул. Но «перестройка» обновила его. И очень умело ввел нас в заблуждение генеральный секретарь, который теперь стал Президентом. Именно он обновил и укрепил со-

ветскую тоталитарную систему, стал ее идейным вождем. Его подлинное лицо мы увидели после «кровавого воскресенья» на заседании Верховного Совета СССР. Он оправдывал преступление.

— Когда Вы разочаровались в Горбачеве?

— Вы знаете, у меня очень развита интуиция. Когда впервые обратил на него внимание — а это было во время визита в Англию, еще при Черненко, — у меня к Горбачеву возникло двойственное чувство. Приятно удивило цивилизованное поведение, речь без шпаргалок, облик культурного человека. С другой стороны, интуиция меня насторожила: такой может быть опасен. Своим обаянием он может поддержать гибнущую систему. Потом я, конечно, хотел верить, что Горбачев цитирует Ленина и твердит о «социалистических ценностях» только лишь потому, что хочет иметь поддержку и среди оголтелых коммунистов. Хотел верить, что его истинные симпатии — на стороне мировых, общечеловеческих ценностей, о которых он так часто говорил.

Горбачев пришел к абсолютной власти и должен был сказать — кто он. Я с надеждой и сомнением ждал. И Горбачев сказал: он — не Президент, а генеральный секретарь. Теперь в этом нет никакого сомнения.

Грех — это когда я Вас обижая. Грех — следствие слабости духа, слабости тела и часто соседствует с добродетелью. Политическое же преступление гаже всякого греха. Потому что делается не во имя интересов человека — какого бы то ни было, — а якобы во имя государства. То есть это вообще вне рамок морали и нравственности. И не может быть стражем закона человек, который так страшно нарушает все законы, развязывает гражданскую войну.

Он подвержен не просто имперскому устремлению удержать Союз в старых рамках. Выше этого — коммунистическая идеология в советском варианте. Его нынешние действия войдут в историю как злодеяния, которые хуже сталинских. Сталин совершал преступления в определенный период, когда процессы в разных странах породили и Гитлера, и Муссолини. С тех пор мир стал иным. И Горбачев на его фоне выглядит хуже, чем Сталин. Получить Нобелевскую премию, и сразу же после этого применить оружие против беззащитных граждан — это жуткое лицемерие. Это преступление. И Горбачев будет осужден историей.

Интервью записал К.СВЕТИЦКИЙ

ЗОВИТЕ МЕНЯ «ТОВАРИЩ АТАМАН»!

Как и почему партократия пытается использовать движение казаков

В последнее время газеты то и дело пишут о возрождении казачества. Да, потомки казаков обращаются к своим историческим корням, восстанавливают оборванные были связи, чувство единения между казачьими областями: от Кавказа и Дона до Амура и Усури.

Но было бы наивно полагать, что нарождающееся казаческое движение не попытаются прибрать к рукам, использовать в своих интересах те, кто всеми правдами и неправдами старается удержаться у незаконно присвоенной ими власти. Так произошло и на этот раз. Если верить газетам, то можно с ужасом подумать, что все казаки — убежденные национал-большевики, последователи одиозной Российской компартии, Полозкова и К. То и дело встречаешь сообщение, что во главе еще одного казачьего объединения оказался офицер МВД, инструктор райкома партии. «Как к вам обращаться?» — спрашивают их. И это уже не смешно. Наследники тех, кто раньше уничтожал казаков, теперь выступают в роли «благодетелей» и «вождей» нашего движения.

В свое время мы надеялись, что работа по возрождению памяти и культуры предков, российской государственности способна объединить всех потомков казаков, независимо от их сегодняшних политических взглядов. На наши призывы откликнулись самые разные люди — в том числе немало коммунистов, офицеров Советской Армии. К сожалению, выяснилось, что для некоторых из них служение политической системе, которая сделала все возможное для уничтожения казачества, и служение России, Отечеству оказались понятиями тождественными. Не минула этих людей и страсть собирать и распространять всякие нелепые слухи, разоблачать всякого, кто мыслит по-иному, как врага. Сегодня все не согласные с фанатичным национал-большевизмом (в том числе и потомки казаков) зачисляются в «провокаторы», «члены ДС», «масоны» и т.д.

Сначала предпринимались по-

пытки с помощью оскорблений вынудить покинуть наше Землячество и его правление тех, кто стоял у истоков движения. Когда же из этого ничего не получилось, небольшая группа людей во главе с одним «атаманом» (членом Союза писателей РСФСР) и его помощником (подполковником из Воениздата) покинула Землячество и сделала ставку на то, чтобы «оседлать» казачье движение уже по всей стране и командовать им из Москвы.

Таким образом и был собран в Доме культуры завода «Серп и Молот» так называемый «Всероссийский Круг». Собран в большой тайне, весьма спешно — пока казачество на местах не выбрало действительно полномочных представителей всех областей. На этот же съезд попали в большинстве своем люди, устраивающие его организаторов. Присутствовали на нем и сотрудники аппарата ЦК КПСС. Не с их ли участием был разыгран сценарий «Круга»? Сначала собравшиеся избрали «наказным атаманом» совершенно неизвестного им члена КПСС Мартынова, директора автокомбината из Москвы, а только потом стали обсуждать Устав. Особенно забавным выглядело принятие новоявленным «атаманом», поспешно «крещенным» накануне «съезда», присяги на Библии. На вопрос, как он, коммунист, будет чувствовать себя во главе традиционно православного казачества, «товарищ атаман» отвечал: «Ничего, я веротерпимый!» Несогласным же просто не давали говорить.

Понятно, почему многие официозные издания сразу же предоставили свои страницы для освещения прошедшего «Круга». Правда, ни одно из них почему-то не рассказало об эпизоде с журналистом Лосевым — ведь он не вписывался в радостный рассказ о советских казаках... К сожалению, не захотели разглядеть обман и демократы. Так, газета «Коммерсант» рассказала о встрече заместителя председателя Моссовета С.Станкевича с «настоящим казачьим атаманом» Мартыновым. Обид-

но будет, если и русское зарубежье решит, что, кроме как на подобный коммунистический маскарад, мы ни на что более не способны.

Потомкам русских эмигрантов не хуже, чем нынешним станичникам, известно, с какой жестокостью проводилась в жизнь политика расказачивания. Всякая казачья автономия к концу гражданской войны была упразднена, а казачьи земли заселялись поселенцами из других областей. Сейчас об этом уже немало написано. Менее известно другое — зверство властей на Кубани в 30-е годы, во время коллективизации. После того как некоторые станицы восстали, последовали драконовские меры. Мятежные станицы бомбили и стирали с лица земли. Летчиков, которые отказывались сбрасывать бомбы, расстреливали на месте. Некоторые станицы были ночью окружены солдатами, мужское население уничтожили, а женщин, стариков и детей погрузили в эшелоны и отправили в лагерь.

Исконно казачьи земли разделялись, передавались вновь образуемым автономиям и национальным республикам. Так, в 1920-х годах земли сибирских, уральских и семиреченских казаков включались в состав сначала обширной Кара-Киргизской автономии, а в 1936 г. — новой Казахской ССР.

Казакам запрещалось именоваться своим древним именем, станицы звать станицами, носить и хранить шаровары с лампасами, старые фотографии (не говоря уже об оружии!). У казаков отбирали коней и землю...

Но как ни пытались большевики уничтожить казачье сословие с его воинскими навыками, традициями, патриотизмом, о нем все же пришлось вспомнить. В 1936 году было создано несколько казачьих соединений, сражавшихся затем на фронте.

Но окончание войны принесло казакам новые беды. Согласно Ялтинским соглашениям, СССР были переданы эмигранты, не являющиеся гражданами Советского Союза, —

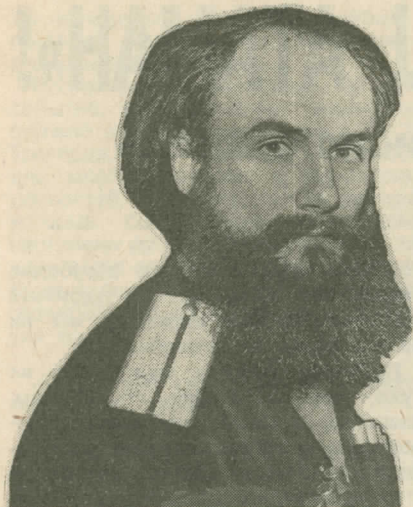

Фото Э. Курдявникова

мужчины, женщины, дети... Только из Европы на верную мучительную смерть было выдано около 70 тысяч человек! Прекратила свое существование Альпийская казачья республика. До сих пор не зажила кровавая рана Лиенцовской трагедии — названной так по местечку в Австрии, где находился крупнейший лагерь казаков, переданных англичанами советской стороне. Здесь сталинские палачи устроили кровавую бойню своим соотечественникам. Бывший Атаман Войска Донского Краснов был повешен в НКВД за ребро на крюке. Подобная же участь постигла и российских казаков в Маньчжурии во главе с атаманом Семеновым. Даже кладбища умерших на чужбине россиян были уничтожены советскими войсками! Такова цена обещания, данного Сталиным союзникам: не подвергать репрессиям не имеющих советского гражданства казаков.

Но и участи тех, кто это гражданство имел, также не позабудешь. Мало того, что их исконные земли были розданы, но даже те, которые остались в пользовании, загрязнены и обезображены. Гибнут реки, так любимые и воспеваемые некогда казаками, — те самые, которые дали названия самим казачьим войскам. Нетрудно понять, по чьей милости это все происходит. Тех самых людей, которые сейчас играют на традиционном для казака ощущении личной причастности к судьбам государства, чтобы увлечь казачество на путь борьбы за благополучие лидеров Российской компартии и ее аппарата, для поддержания пошатнувшейся идеологии. Но они ошибаются.

Эти мои утверждения кое-кому мо-

гут показаться голословными. Но о чем ином, как не о попытке поставить казачество под контроль партократии, свидетельствуют такие факты. В Забайкалье приступили к созданию казачьих погранзастав. А ведь погранвойска, как известно, находятся в ведении КГБ. И если завтра в нашей политизированной армии будут созданы казачьи подразделения, особых восторгов по этому поводу испытывать не стоит. Ведь молодых казаков могут бросить на подавление очередного народного выступления, и они приобретут о себе такую же «славу», как десантники в Литве.

Навязывая своих ставленников в руководители казаческого движения, партократия раскалывает его. Так произошло, например, на Урале, где казачьим атаманом около года был секретарь райкома партии. Он делал все возможное, чтобы тормозить инициативу снизу, пока недавно, наконец, на эту должность не избрали другого человека. Однако в итоге движение казаков Урала раскололось, и сейчас там возникли три организации. Подобное же случилось и в Сибири.

Многие донские казаки были шокированы избранием сына М.А.Шолохова — полковника МВД — донским атаманом. Попытка «приручить» казачество, однако, провалилась на Кубани, тамошним атаманом стал сравнительно нейтральный человек М.Громов. Но на местах, скажем, в Ставропольском крае, не обошлось без того, чтобы избирать атаманами секретарей райкома.

Стоит ли удивляться, что при такой идеологической опеке руководство Союза казаков страны категоричес-

ки высказывается против частной собственности, решений, принятых российским парламентом?

Но все эти попытки тщетны. Не красные флаги достают из наволочек потомки казачьих есаулов, а старые полковые знамена, под которыми донцы и кубанцы не один раз защищали Родину и свою волю от тех, кто на нее покушался.

Так что не стоит обольщаться, когда в очередной раз услышите: «товарищ атаман». Тот, кто это произносит, менее всего думает о подлинном возрождении казачества. Мало оно заботит и тех, кто жаждет использовать потомков казаков для разжигания межнациональной вражды. Нынешние казаки, как и их предки, остаются приверженными идее православной монархии. Но они никогда не будут заодно с политическими авантюристами, как бы они ни именовались: «Память», РКП или «национал-радикалы».

Попытка уничтожить казаков физически не удалась. Теперь пытаются уничтожить их духовно, лишить памяти, веры и надежды на будущее?..

Но вряд ли это будет так легко сделать. Казак казаком и останется.

Хорунжий Георгий КОКУНЬКО,
член правления Землячества
казаков в Москве

«...Социализм: свободный труд свободно собравшихся людей», — отвечает дяденька в поэме Маяковского «Хорошо!». И поступает нехорошо, потому что говорит неправду.

Семьдесят лет спустя в России появилась партия Свободного труда. И, вполне естественно, создали ее не социалисты, а молодая поросль нашей буржуазии. С одним из руководителей партии, председателем ее Политкомитета Игорем Валентиновичем Коровиковым, о свободном труде беседуют корреспонденты «Сталицы».

ЧТО БУДУТ ДЕЛАТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, КОГДА ВОЕННЫЕ ПРИДУТ К ВЛАСТИ

— Игорь Валентинович, вы — деловой человек и, тем не менее, при обилии партий учреждаете еще одну. Будет ли спрос?

— Я понимаю, что многие слова сейчас вызывают аллергию. Но что поделаешь? Да, мы — партия, по-другому не назовешь. Правда, единственная, наверное, в стране, которая объединяет людей вовсе не по их убеждениям. Она собрала тех, кому, скажем так, есть что терять. Наша основа — тот социальный слой, который вырос после принятия Закона о кооперации.

Политическую борьбу мы начали, когда поняли, что никто за нас не заступится, кроме нас самих. Год назад прежний Моссовет принял временное положение «О порядке организации кооперативной деятельности в Москве», в котором только наш юрист насчитал 32 ошибки. Пришлось защищаться...

— Чем вы занимаетесь сейчас?

— Укрепляем структуры, налаживаем связи между первичными организациями. Поскольку люди в партии в основном деловые, это здорово помогает и с установлением экономических связей. Собираемся создать Всесоюзную службу защиты предпринимателей. Организовали вместе с социал-демократами исследовательский центр «Россия», который провел несколько серьезных исследований. Например, по степени моно-

полизации в советской промышленности. Оказалось, в некоторых отраслях она достигает 98 процентов.

— Вы принимали участие в формировании структур власти?

— В выборах новых Советов как партия мы участия не принимали, партии нашей тогда еще не было. Но мы отметили в одном из районов людей, как нам показалось, свободно мыслящих. Оказали им мощную поддержку, о которой они, честно говоря, сами не подозревали. Результат — из 12 человек, которых мы поддерживали, прошло 10. Если бы к выборам у нас была готова партийная структура, мы провели бы столько депутатов, сколько хотели.

Мы поддерживаем не только состоятельных людей. Наша цель — создание в России мощной прослойки среднего класса. Деятельность этих людей станет гарантией стабильности в стране.

Кстати, наши возможные союзники — высококвалифицированные рабочие. Они собственники своей рабочей силы и должны иметь возможность выбрать работодателя. Не думаю, что им очень нравится и система подавления, которая у нас существует.

— События в стране развиваются стремительно. Что вы и ваша партия собираетесь делать, если завтра придет диктатура?

— Это зависит от политики тех, кто придет к власти. Сейчас многие разочаровались в демократическом процессе. Вспомнаю, как хорошо управляли экономикой Пиночет или южнокорейские диктаторы. Но Пиночет было рожден старым, буржуазным обществом. И его же защищал. Нам на таких покровителей рассчитывать не приходится. Наш вождь будет, скорее всего, создан партаппаратом. А это слой совершенно непроезжимый. Думаю, даже наши потенциальные диктаторы это понимают. Они попытаются создать «рынок в зоне» и выжимать из предпринимателей максимум доходов.

Вообще если выбирать между диктатурами, я считаю, лучше бы нам не партийную, а военную. Вот в Польше военные пришли к власти, уничтожили тоталитарные политические структуры — это оказалось в их силах. Но заниматься экономикой они не призваны. И к власти в конце концов пришли сторонники свободы и рынка.

— Значит, по-вашему, диктатура — это не так уж плохо?

— Почему же? Плохо, конечно. Но не смертельно. Я думаю, больше трех-четырех лет она не продержится. А значит, будущее все-таки за нами!

Беседу вели Е. ЖИРИЦКАЯ,
Е. ГОНЧАРЕНКО

ПОКА МЫ НЕ ИРАК...

И блокады нам не грозят, и спрavedливой войной на нас не идут. Утешимся. Но прибалтийский кризис всех ставит на свои места, а кого-то и в строй. Мир не мог не отреагировать на кровь, политические и военные преступления в нашей ненадежной стране. Вновь зашелестел железный занавес.

В числе первых на прибалтийские события отреагировали деятели культуры.

Президент немецкой рекламной компании «Ноу промоушн» Нобби Моркес сообщил, что гастроли советских артистов «Спасибо большое», которые должны были пройти в 18 городах ФРГ в ответ на всегерманскую благотворительную акцию «Помоги России» (знаменитые посылки с продовольствием), отменяются. Причина — политическая ситуация в России, развитие «нового пути прав человека». Кампания «Помоги России» была организована журналом «Штерн» и немецким телевидением. И большую часть расходов по проведению ответной акции «Спасибо большое» должны были взять на себя тоже «Штерн» и телевидение. В январе немцы говорят: «Не стоит благодарности»...

Грустно сознавать, что в результате событий в Прибалтике неизбежен очередной политический и психологический барьер между людьми. Ленинградский государственный академический балет на льду получил отказ из Финляндии. Власть города Турку не могут обеспечить проведение запланированных гастролей. Норвежская компания «Континентал Консалт АС» сообщает, что в настоящее время нет возможности принимать наших артистов. (Позиция Скандинавских стран в отношении Прибалтики известна...)

Под угрозой отмены оказался театральный фестиваль народов нашей страны в 1992 году в Германии. По требованию большинства членов Совета УНИМА (Международный союз деятелей кукольных театров) отменено заседание Совета исполкома этой театральной организации в Ярославле.

Конечно, жесткие решения зарубежных партнеров — пощечина не нашим деятелям культуры, а необходимый и достойный способ выразить осуждение политическому руководству нашей страны. И напомнить, что мир искусства всегда был уязвим перед политикой.

К.Ж.

В ПОИСКАХ НОВОГО ПУТИ К РАБСТВУ

Кто-то из великих, кажется, П. Капица, разделил все науки на три группы: естественные, неестественные и противостественные. Под последними подразумевались «три составные части» — марксистско-ленинская философия, научный коммунизм и политическая экономия. Действительно, всякий нормальный советский гражданин, твердо заучивший в школе сомнительный тезис — «практика — критерий истины», — прикладывал его к этим «трем китам» господствующей идеологии и приходил к выводу о том, что его «дурят».

Пришло время гласности и плюрализма. Два кита, «марксистско-ленинская философия» и научный коммунизм, приказали долго жить. Третье же чудовище, порожденное при личном участии «корифея всех наук» — политэкономии, — оказалось куда более живучим. Из него стали фонтаном вылетать идеи и рецепты спасения тоталитарного монстра, который стоял на этих самых трех китах. Сегодня общество имеет целую рать политэкономов, отчаянно защищающих известные «три источника» от всякой скверны и замутнения. С грустью приходится отмечать, что большинство из них вышли из

стен МГУ. Известно, что не только в цивилизованных странах, но и в развивающихся университетах выступают источниками свободомыслия, политической активности, нетерпимости к реакции. Наш же ведущий университет напоминает своеобразный заповедник, где плодятся и «пудрят мозги» подрастающему поколению многочисленные апологеты несвободы.

На место старого идеологического аппарата, который дискредитировал себя верноподданническими настроениями в годы застоя, приходят новые люди. Раньше они были задвинуты системой на задворки «марксистского обществоведения», а теперь решили, что пришел их «звездный час». И, пожалуй, не ошиблись. Сейчас партократии нужны новые идеи и обоснования консервации или реставрации тоталитарного режима. Идеи эти нужны и тем слоям населения, которые рабство воспринимают как освобождение от бремени свободы, от ответственности, необходимости самостоятельно устраивать свою жизнь, от трудностей выбора. Поэтому «новые идеологи» пришли, как говорится, ко двору.

Выражением их позиции стал сборник «Альтернатива: выбор пути». В нем представлены и известные широкой публике деятели типа А. Сергеева, и ряд политэкономических теоретиков, сочинения которых известны только специалистам, — А. Мелентьев, К. Хубиев и другие, выдвинувшиеся на волне... антиперестройки. Первую реакцию на этот трактат можно выразить, используя ленинскую цитату (заменим в ней всего лишь два слова): «Кто после опыта Европы и Азии говорит о преимуществах плановой экономики (у Ленина — «о неклассовом социализме»), того надо просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру». Около 70 стран пытались в той или иной мере заменить рынок. И все отказались. Есть даже «предельно чистые» результаты социальных экспериментов: ГДР и ФРГ, Северная Ко-

рея и Южная Корея, где в одной и той же социокультурной среде рынок показал колоссальное превосходство над планом. Пусть состояние прилавков 1991 года можно списать на перестройку. Ну тогда сравните уровень жизни 1985 года с уровнем развитых и развивающихся стран — и все равно дистанция будет фантастическая. Как можно утверждать после этого, что «рыночный механизм может эффективно обслуживать только слаборазвитые производительные силы»?

То, что «новые идеологи» игнорируют вопиющие факты, — это их право. Как говорится, не они первые, не они последние.

Все знают, чем отличается западный супермаркет от нашего универсама: тысячи товаров. Его не только с сегодняшними полками наших магазинов, но и с самым благополучным застоем невозможно сравнить. Такое же разнообразие теорий и подходов существует и в тамошнем обществоведении. Есть все: от изощренных интеллектуальных конструкций, понять которые в СССР никто не может (поскольку уровень образования и запрет на достижения постмарксовской науки сделали свое дело), до вульгарной апологетики капитализма или коммунизма.

Так что ничего сверхъестественного в том, что находится группа теоретиков, которая, вопреки здравому смыслу, отстаивает свои, «особые», взгляды, нет. Сегодня модно верить не только в бога, но и во всякую чертовщину. И, на первый взгляд, было бы нелогично упрекать людей за их веру в коммунизм. Если бы... Если бы не трагедия России, которая произошла в результате этой веры. Одно дело, когда рядовой обыватель на Западе не обратит ровно никакого внимания на подобные «чуждачества». И совсем другое дело, когда эти рецепты попадают на взрыленную почву. Когда в условиях кризиса абстрактные схемы становятся пропагандистскими этикетками и девизами, под которыми начинают собираться враги общественного прогресса. Было бы легкомысленно недооценивать социальную угрозу, которую несут с собой идеи «новых» защитников старых порядков.

Надо отдать им должное: в книге «Альтернатива» представлена более высокая культура мышления и более строгая логика, чем в различного рода политических документах КПСС и РКП. «Новые» упрекают правящую партию в эклектизме и непоследова-

Рис. В. Иванова

тельности. Так, один из авторов — Мелентьев подвергает критике утверждения «розовых» идеологов типа Лациса о том, что, дескать, было два Ленина. Мол, был Ленин «до завешания», который затем пересмотрел «всю точку зрения на социализм». А ведь прав товарищ Мелентьев! Ленин был и остался самим собой. Вырванная из общего контекста его деятельности болтовня о новом подходе, о нэпе как новом пути построения социализма не имеет к Ленину никакого отношения. В известном «Кратком курсе» нэп рассматривался как отступление, и здесь-то Сталин не искал Ленина ни на йоту. Еще более нелепы с логической и исторической точек зрения приписывания Марксу идей «рыночного социализма», как это делали (и делают!) официальные идеологи перестройки. Это просто бесстыдное хулиганство; представлять создателей научного тоталитаризма как сторонников рынка. И Маркс, и его последователь Энгельс мыслили логично. Их ученик Ленин вполне определенно говорил о «единой фабрике», которая «должна работать как часы». Какой может быть нэп и рынок на фабрике или в часах? Здесь должны быть исполнители, винтики, шестеренки, конвейер, дисциплина. Не может же секундная стрелка ходить в одну сторону, а часовая — в другую. Все части должны быть подогнаны друг к другу: никакой самостоятельности, все предопределено конструкцией и технологией. Механика и самостоятельность несовместимы. Заслуга «новых идеологов» в том, что они действительно вернулись к Ленину и последовательно отстаивают его идеи.

Интересно отметить: Сталина эти теоретики не трогают. Здесь тоже можно говорить об определенной честности: зачем отказываться от своего духовного отца? Сергейев прямо говорит: до 1958 года курс был правильный. Его соратник Губанов тоже утверждает, что в 20—30-е годы в экономике все было нормально. Надо сказать, что по-своему они правы. Во всяком случае, в таких утверждениях больше логики, чем когда сталинизм сводят к «деформациям», «испортившим» настоящий социализм. Нет, социализм Сталин строил правильно. И только тогда, когда реализация идей Маркса была разрушительна для системы, — великий вождь осуществлял «ревизию». Например, предпочел не ликвидировать полностью торговлю. Но каждая такая ревизия вытекала из задачи сохранения системы. В книге много рассуждений

о собственности вообще и частной собственности в частности. Надо сказать, что не одно поколение советских политэкономов «мучилось» с вопросом о собственности. Сколько схоластических конструкций нагородили по этому поводу за 40 лет существования сталинской политэкономии! Хотя вопрос простой, распианный Джоном Локком еще в XVII веке: собственность — это неотъемлемое свойство человека, это его экономическая свобода, это основа, его независимости от государства, это условия свободной деятельности.

К середине XIX века, когда Маркс писал свои труды, все это было ясно любому мало-мальски образованному человеку. Для основателя марксизма проблема собственности была проста и прозрачна. Ему не нравилась только частная собственность, а хотелось какой-то особой, индивидуальной. Которая, с одной стороны, была бы столь же эффективна, как частная, а с другой была бы лишена ее недостатков. Как должно выглядеть социальное устройство подобного типа, Маркс придумать не мог и оставил решать этот ребус потомкам. Его друг Ф. Энгельс, явно менее искусный в диалектических премудростях, свел все к общественной собственности. И оставил массу незадачливых советов: упразднить деньги и ввести вместо них квитанции, полностью ликвидировать товарное производство и товарообмен, организовать планирование в масштабах народного хозяйства. А сам Маркс, который периодически открепивался от всякого «проекта коммунизма», не препятствовал, однако, своему другу заниматься проектерством. Их последователь Ленин поверил Энгельсу и в годы военного коммунизма пытался реализовать его заветы. Все рухнуло. Тогда-то и появился нэп. Отпустили рыночную стихию и понемножку выкарабкались. Однако рынок — здесь Ленин абсолютно прав — постоянно порождает частную собственность и собственников. Поэтому Сталин, следуя заветам своих предшественников, с одной стороны, ликвидировал всех собственников вместе с их собственностью, а с другой, расплевавшись с Энгельсом, оставил в ограниченных пределах деньги и товары. Но только в таких количествах, при которых человеку хватало на существование, но ни в коем случае не на свободную, самостоятельную, независимую жизнь и деятельность. Общественная собственность закономерно превратилась в государственную. Поскольку если у

граждан нет собственности, то нет и гражданского общества, а раз нет общества, то не может быть и общественной собственности.

Сказать, что частная собственность устарела, это все равно что утверждать об устарелости прав человека на жизнь и свободу.

Рынок и собственность (естественно, частная) неразрывно связаны. По сути своей рынок весьма прост: это способ обмена товарами между собственниками. Пока есть обмен, товары, собственники и деньги, до тех пор будет и рынок.

Но «новые идеологи» не приемлют ни рынка, ни денег. Они предлагают вместо стоимостных форм применять учет рабочего времени, использовать натуральные показатели: многочисленные балансы, управлять не на основе стоимости, а потребительской стоимости и т.д. И не желают видеть, что без денег невозможно принять никаких экономических решений, обобщить затраты ресурсов, выбрать более эффективные технологии и продукты. Да, многие блестящие умы человечества разоблачали деньги, их губительную силу. Однако они не знали, что такое карточки, талоны, визитки. В этом отношении деньги — это свобода. Причем свобода не только для тех, кто богат, но и для тех, кто беден. Имеющий деньги может выбрать не только между «Мерседесом» и яхтой, но и между куском сыра и куском колбасы. Исчезновение денег, что происходит сейчас в нашей стране, наглядно демонстрирует ужасы безденежной жизни: вам не нужен сахар, а вы берете, вам не нужны сигареты, а вы берете и их. Вам нужны крупы, мясо, колбаса, а их нет. Наверное, сегодня ни один народ в мире не понимает, что такое деньги, лучше, чем советский народ, и как без них повседневная жизнь превращается в каторгу.

Производство, в котором «деревянные рубли» — производственные рубли, кстати, всегда были «деревянными», поскольку требовались фонды и лимиты, — обречено быть расточительным. Поэтому все попытки «новых» сконструировать «противозатратную экономику», которым посвящается много страниц книги, обречены на провал. Экономика, в которой нет денег, собственности и собственников, действительно может существовать только как «единая фабрика», «огромное народнохозяйственное домоводство», предельно бюрократизированное. Если нет собственников, то должны быть чиновники, много чиновников, пост-

роенных в большую пирамиду власти, на вершине которой должен находиться самый главный чиновник — вождь, генсек, великий кормчий и т.п.

В этой системе никто не может быть самостоятельным и некому нести экономическую ответственность, так как это противоречит самой природе чиновника как человека, встроеного в пирамиду власти, задавленного сверху и бесконтрольного снизу.

Чтобы «все работало как часы», должна быть дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина: инициатива здесь наказуема, и наказуема справедливо. Даже полезные нововведения обречены, если нет санкции сверху, и опять же это правильно: в условиях отсутствия информации или просто низкой квалификации инициатива снизу ведет к снижению эффективности, следованию сиюминутным интересам, не соответствует долгосрочным целям и тенденциям. Особенно наглядно недопустимость инициативы и самостоятельности в системе без частной собственности демонстрирует «перестройка»: массовый коллективный эгоизм, нарушение хозяйственных связей, разрушение сложившейся кооперации.

Можно согласиться с «новыми» политэкономами, когда отчет «пагубных» для системы решений они начинают с реформы 1965 года и особенно реформы 1987 года. Что ни говори, сталинская система была совершенной системой, в которой все соответствовало всему, работало на систему как таковую. Ей не нужен был человек, а нужен был исполнитель. Слабость экономических механизмов компенсировалась партийным руководством и идеологическим контролем. Даже репрессии были по-своему полезны для тоталитарного социального организма, «обновляя» и «оздоравливая» его. Прекращение расстрелов можно считать одной из причин застоя. Террор закончился, и вся система стала дряхлеть, руководящие кресла занимались на десятилетия. В системе подобного типа смена кадров, как показал наш исторический опыт, без расстрелов не совершается, и если вовремя не перестрелять одних бюрократов, то им на смену не придут более молодые и энергичные.

Сергеев и его товарищи совершенно правы, критикуя расширение использования стоимостных (а проще — денежных) отношений в тоталитарной экономике. Прибыль, рентабельность действительно не-

совместимы с тем хозяйственным укладом, который складывался десятилетиями. То, что свернули реформу 1965 года, было логично и естественно. Расширение прав предприятий, «полный хозрасчет» неумолимо вели к тому развалу, который мы имеем сегодня. Не может на «единой фабрике» бригада, участок, отдел, цех работать по разным планам, поскольку производство остановится. Кстати, ход реформы вскрыл в годы перестройки суть хозрасчета, который на определенном этапе стал превращаться в аренду: хозрасчет представляет собой недоразвитую форму аренды, этого «достижения» конца эпохи рабовладения. Можно согласиться с политэкономами и в том, что нельзя было давать права предприятиям ни в 1965-м, ни в 1987 году. Права можно давать только собственности, который озабочен и днем сегодняшним, и днем завтрашним. Если же самостоятельными становятся подневольные люди, то они только растащат и разбазарят хозяйское добро. Хозяин у нас — государство с его бюрократией, остальные все холопы, которые пользуются государственным имуществом. Действительно, реформы 1965 года и 1987 года были противоречивые, непоследовательные и закономерно вели к экономическому краху, не могут существовать вместе и на равных правах план и рынок. Что-то должно безусловно доминировать. Если возвращаться к плану, надо вместе с ним реставрировать все остальное: ГУЛАГ, 6-ю статью, «диктатуру пролетариата» и т.п.

В рассматриваемой книге предположение отдается плану. Особенно много рассказывается об успехах планирования на отдельных предприятиях, о том, что весь мир все планирует и использует в полном масштабе государственное регулирование. Можно приводить контраргументы, доказывать, но я ограничусь только одним сравнением, заимствованным у нобелевского лауреата Хайека. Да, государство, безусловно, играет очень важную роль и в экономике, и в жизни в целом. Ее можно сравнить с организацией и регулированием дорожного движения. Есть правила, есть указатели, есть ГАИ, и потому движение возможно. Если люди не будут соблюдать правила дорожного движения, то все остановится. Но! Куда ехать, с какой целью, по какому маршруту, определяют водителя. Инспектор ГАИ, безусловно, важная персона, но те, кто создают продукты, доставляют грузы и перевозят людей, все-таки важнее. Аналогична

связь планов (регулирования) и рынка: надо создать условия для деятельности, контролировать соблюдение правил, но при этом следует поменьше вмешиваться в жизнь людей.

Сегодня нельзя пройти мимо столь вожденной денежной реформы, о которой столько времени говорили политэкономические большевики. Сергеев приводит свои расчеты, сколько у нас богатых и сколько у них миллиардов. После произошедшего изъятия 50-ти и 100-рублевых купюр иначе как забавным нельзя не назвать утверждение маститого политэнома о том, что у среднего советского человека всего сорок рублей излишних наличных денег. Все же остальное профессор отдал «совбурам». Таким образом, у рядового советского обывателя не должно было оказаться и одной пятидесятирублевки для обмена. Но... миллионы советских, далеко не богатых граждан давились в сберкассах, почтамтах, пытаясь обменять по несколько десятков внезапно обесценившихся портретов Ильича. Денежные излишки оказались даже у наших несчастных нищих пенсионеров. Так что далеко не все накопления были в тайниках у «совбуров». Можно также надеяться, что миллионы трудящихся, желавшие кары для теневых дельцов, теперь успокоятся и поймут, что любая денежная реформа ударит, прежде всего, по ним.

«Удар по теневой экономике» обернулся также резким ростом цен. Кто от этого выиграл? Мы в очередной раз почувствовали себя участниками того грандиозного бесчеловечного эксперимента, который начался в известные октябрьские дни. Нам говорят, что оккупационные власти после Второй мировой войны предали нечто подобное в поверженных странах. Но на то они и оккупационные власти, чтобы искоренять экономические последствия преступных режимов и обращаться с их гражданами, как с бесправными военнопленными. Наше правительство тоже, видимо, считает всех нас соучастниками преступных действий предшествующих поколений советских вождей, и поступает соответственно. В этом ему готовы прийти на помощь идеологи «нового» пути к рабству.

Виктор БОНДАРЕВ

Вместе с шоколадными конфетами, водкой по 3.62 и шпротами в масле ушли в застойное прошлое пионерские барабаны, утренние линейки и клятвы в личной преданности вождям. По крайней мере, для нас ушли... Но если допустить, что прошлое действительно как бы продолжает существовать — только в другом измерении, — то наше застойное детство по-прежнему взрывается кострами. Мы все родом из того, баранье-пионерского, детства, и никуда от этого не деться. И каково нам живется здесь, в постперестроечном мрачном настоящем?

Может быть, мемуары молодого человека (21 год ему — господи, как недавно это было!), бывшего постоянного ведущего «Пионерской звезды», можно сказать — Официального Пионера Страны Советов, помогут нам разобраться в собственных воспоминаниях?

Назовем его Федей Ивановым (изменить его имя нас побуждают не политические, а, конечно же, чисто человеческие мотивы) — и слушаем.

ВОСПОМИНАНИЯ СВАДЕБНОГО ПИОНЕРА

Фото Е. Успенского

... Да, давно это было... Я был тогда таким маленьким пятиклассником, и у меня были такие радостные голубые глаза и такая хорошая дикция... Ах, да что говорить! Победили мы с одним мальчиком на конкурсе чтецов в нашей 10-й французской спецшколе, и послали нас на Московский конкурс, и там мы с ним тоже по-

бедили...

Интересно, проводятся ли сейчас такие конкурсы? Тогда-то они часто проводились. Видимо, был большой спрос на мальчиков и девочек с радостными глазами и хорошей дикцией...

А сейчас, похоже, дикция подрастающего поколения никого не вол-

нует. Жаль. Хорошие это были мероприятия. И с уроков, помню, снимали... Весь класс чего-то там спрягает натужно, а ты в хрустящей белоснежной рубашечке стоишь на сцене и читаешь про беззаботное детство...

Так вот, победили мы на Московском конкурсе, подошел к нам какой-то дяденька и говорит: «Ребята,

а не хотите ли вы участвовать в замечательной радиопередаче «Пионерская зорька»? Мы страшно обрадовались и говорим: «Конечно, хотим!» А он говорит: «Ну и замечательно. А не хотите ли вы читать поздравительные стихи Леониду Ильичу Брежневу на предстоящем XXV съезде Коммунистической партии?..» Мы еще раз страшно обрадовались и говорим: «Конечно, хотим!» — «Тогда, — говорит дяденька, — приходите в Государственный Дом радиозаписи на улицу Качалова, будем пробовать...» Дяденьку этого звали Феликс Тобиас, он работал в детской редакции Всесоюзного радио и специализировался на парадных пионерах. Так я на долгие годы связал свою жизнь с «Пионерской зорькой».

Конечно, забот у меня прибавилось. Но какие приятные это были заботы! Поздравление Леониду Ильичу Брежневу от имени красногалстучной пионерии я репетировал два месяца. Последние две недели даже в школу не ходил, приезжал на улицу Качалова, оттуда нас везли в Кремль, и я начинал: «Дорогой Леонид Ильич! Дорогие наши старшие товарищи!..» На съезде стихи и песни шли под фонограмму, и только мои слова должны были звучать «живьем», чтобы мой звонкий голос дрожал настояющему и старшие товарищи могли как следует растрогаться.

Мальчик, с которым мы победили, даже завидовал мне, что вот, я сам читаю текст, а он всего лишь стихи, и то в записи. Но я старался не задаваться и в классе тоже никому ничего не сказал, чтоб не приставали и не заставляли выступать с какими-нибудь воспоминаниями среди подшефной малышни. Но учителя все равно откуда-то узнали и стали относиться ко мне с плохо скрываемым уважением. Это уважение они пронесли через все мои школьные годы. Других, например, за прогулы ругали, а меня спрашивали: «Ты был на записи?.. Или поздравление читал?» А я скромно кивал головой... Но я опять отвлекся.

Когда закончился съезд КПСС, началась подготовка к съезду ВЛКСМ и очередному юбилею пионерской организации. Там я должен был читать слова благодарности. Текст начинался точно так же: «Дорогой Леонид Ильич! Дорогие старшие товари-

щи! Ребята!..» Я даже почти не волновался...

К тому же между съездами я постоянно записывался в «Пионерской зорьке» и привык что-нибудь читать: про юннатов, про металлолом, про конкурсы агитбригад... Мне звонили, я приезжал на улицу Качалова, брал текст и читал «с выражением», «задорно» и «весело» какую-то чушь, а оператор, который эту чушь записывал, просто умирал со смеху, а потом передразнивал меня, и я тоже хохотал, потому что это было очень смешно: «Сегодня их путь на БАМ, а через несколько лет комсомол позовет и наше поколение на важнейшие трудовые объекты...»

В старших классах нам даже стали за это платить. За двойную запись, то есть за две передачи в один день, кажется, давали рублей восемь, и я ощущал себя если не богатым, то по крайней мере очень состоятельным человеком. Еще мне очень нравилось начитывать на пластинки уроки русского языка. «Вася, ты пойдешь сегодня в кино?» — «Да, Коля, пойду, потому что фильм «Чапаев» мне очень интересен», — и 150 рублей! А в те времена, прошу учесть, инфляция случалась только в Соединенных Штатах Америки, и мы от всей души сочувствовали американским детям, потому что капиталисты эксплуатировали их труд за какие-то жалкие доллары!

Нет, у нас все было по-другому. Нас никто не эксплуатировал, нас, наоборот, ежегодно посылали во Всесоюзную пионерскую здравницу «Артек», потому что в этой здравнице каждое лето проходили какие-нибудь слеты или концерты, и нельзя же было доверять их проведение шепелявым и картавым председателям дружин! Сколько же раз я был в «Артеке»?.. Нет, пожалуй, уже и не вспомню. Помню, что мы старались держаться вместе и на вопросы чрезмерно любознательных активистов «Какую общественную работу вы ведете в своем отряде?» отвечали неопределенно, но с выражением... А однажды нас послали во Владивосток, так как там открывался международный молодежный лагерь «Океан», и нас специально выписали из Москвы, оплатили, естественно, авиабилеты, питание и проживание в роскошнейших корпусах еще неоткрытого лагеря,

чтобы мы прочитали стихи на торжественном мероприятии...

Ах, да что там говорить! Детство — пора золотая, и этим, увы, все сказано... Первые изменения произошли, когда умер Леонид Ильич. Черненко звонкоголосая пионерия поприветствовала всего каких-то 20 минут; Андропова, по-моему, так и не успела; а с приходом Горбачева хронометраж приветствий вообще сократился до каких-то жалких 10 минут, и то — не лично дорогому Михаилу Сергеевичу, а XXVII съезду КПСС.

Да и мы, что скрывать, выросли. Недавно на Арбате я встретил своего приятеля, того самого, который говорил: «Здравствуйте! В эфире — «Пионерская зорька!»», и еле его узнал. Поинтересовался, чем он сейчас занимается. «Да вот, — говорит он мне голосом хриплым и прокуренным, — ищу, у кого бы сто «деревянных» обменять на десять «зеленых». Ты мне не поможешь?» Я бы рад ему помочь, но, увы, был не при деньгах. А тот, который победил со мной на конкурсе тчетцов, сейчас вообще... далече... не знаю, правда, в какой стране. Сам я? Поступил в пединститут на иняз., а заканчиваю университет. Нет, не МГУ, а Государственный лингвистический университет. Мне мама летом в Париж позвонила и говорит: «Федя, поздравляю, ваш институт переименовали!» Я так обрадовался! Я, правда, и раньше всем говорил, что учусь в университете, а теперь это на самом деле так... Еще я музыку люблю, комиксы собираю... А что? Очень развивает! Очень люблю путешествовать... Новые страны, новые впечатления... А здесь последнее время люди стали какие-то слишком мрачные, и поэтому я стараюсь с теми, кто по улицам ходит, контактировать как можно меньше. Зачем?

Что со мной будет дальше — не знаю, но, думаю, все со мной дальше будет хорошо. Так мне кажется.

Но детство все равно никогда не забывается, не правда ли?.. И если сейчас меня среди ночи разбудить, я без запинок прочту: «Дорогие наши старшие товарищи! Ребята! В эти минуты вся страна смотрит и слушает Красную площадь! Мы очень волнуемся — ведь нам выпала высокая честь сказать сердечное спасибо дорогому...» Так что лучше — не надо меня будить.

Вячеслав БАСКОВ

НЕБО В АЛМАЗАХ

фото С. Титова

Аэрофлот устремлен в будущее. Когда он нас туда доведет, мы увидим небо в алмазах. Билет — в любую минуту и без очереди! Самолет — к подъезду!.. На время от времени устраиваемых пресс-конференциях для советских и иностранных журналистов время от времени сменяющиеся руководители Министерства гражданской авиации СССР говорят слово в слово одно и то же: о безмерных доходах авиапредприятия, исчисляемых миллиардами рублей, о миллиардах преодоленных «пассажиро-километров», о нехватке керосина, самолетов, служащих, аэродромов... Корреспонденты соревнуются в ядовитых вопросах: а как поживает коррупция среди кассиров? а сколько чемоданов украли?.. Руководители отвечают по-деловому: многословно и скучно. Оклады-то не они назначают, людей-то хороших не подберешь... Их послушать, так Аэрофлот — это какая-то странная авиакомпания, которая управлению не поддается и существует как бы сама по себе: летит в бездну независимо от министра, его первых замов, начальников главков...

Светло у Аэрофлота одно только будущее. Совершенно непонятно, однако, как из нынешнего его состояния может родиться хоть что-то пригодное для человека, который хочет совсем малого: скорее оказаться подальше от пункта А в пункте, скажем, С.

Закулисные залы аэропортов и аэровокзалов, куда нашего брата, пассажира, не пускают, забиты ультрасовременной электроникой. Но люди в ожидании самолета спят на полу. Компьютеры держат в своих утробах миллиарды цифр и слов — но узнать в справочном бюро элементарное время вылета самолета или причину его отмены очень трудно: справочное окно обычно одно, в него тянется нервная очередь неосведомленных людей, в окне сидит одна женщина, которая грубит направо и налево, на вопросы отвечает медленно, да и по скоростным аэрофлотовским нормам должна тратить на ответ «не больше трех минут». Три минуты! За три минуты можно выяснить отношения. Когда в метро нет поезда целых три минуты, это считается авралом. Для Аэрофлота, набитого быстро реагирующей электроникой, три минуты на пустячную справку, однако, — рекорд. За билетом там стоят ча-са-ми! Да что там «часами»! Редакция не располагает полными сведениями, но иногда из читательских

писем мы узнаем, что есть города, где покупка билета растягивается на дни, недели и даже месяцы. В Министерстве гражданской авиации склонны в это не верить. Но зачем читателям обманывать? Если бы билеты продавались легко и свободно, для чего им было бы жаловаться, что билета не купишь?..

Летом 1990 года возле касс Аэрофлота скапливалось необычайно много людей. Очереди шли медленно, как никогда. В аэропортах поселилась сумятица и паника: людей с билетами в руках в самолеты не пускали, объясняя это тем, что в самолете больше нет мест. Это как если бы вы купили билет в кино, а билетер бы вас не пустил. Значит, кого-то усадили на ваше место без билета? Других людей, билета не имеющих, в самолет, наоборот, зазывали. И они не верили своему счастью, даже плакали. Таких, правда, было мало, потому что аэропорты находятся вдали от города и немногие рискуют ехать туда с вещами, не купив заранее билета в городской кассе. Такое ощущение, что Аэрофлот живет какой-то своей, не очень честной жизнью. Но ничего подобного. В Аэрофлоте в основном работают честные, только поразительно безответственные люди. Они не просто не умеют обращаться с электроникой — они портят ее, заставляя умные машины, держащие про запас билеты на все рейсы, отказывать в билете, когда свободных мест полным-полно, и, наоборот, продавать билет на самолет, которого нет и в помине...

Когда в Аэрофлоте не было электроники, кассиры любили билетами мучлевать. Получали они мало, создание искусственного дефицита давало им власть над просителями и прибавку к зарплате. Потому-то и возникла мысль о замене кассира незаменимой электроникой, чтобы пассажир перестал находиться во власти своевольной и корыстной девушки. Но произошла удивительная вещь: электроника подчинилась своеволию тех, кого должна была заменить. И теперь билеты на самолет покупают нередко тем же способом, что и раньше, приплачивая девушке в окошке за ее какое-то необычайное умение общаться с неподкупной машиной. Не дашь девушке в паспорте красненькую или зелененькую, машина на любой вопрос отвечает: нет билетов, мил человек. Дашь лишнего — невидимка-машина к любому запросу благосклонна. Но что это! Глупая электронная машина, которая

ничего не умеет, кроме как быть честной, поддается, оказывается, на такие замысловатые хитрости, о которых пассажир и не догадывается!

Красненькие и зелененькие открывают дорогу в небо лишь нашим соотечественникам. На международных линиях этот вид пропуска не действует. Там в ходу валюта и люди перед окошком сплошь иноязычные и, следовательно, инакомыслящие. Они и понять не могут, как это на самолет билетов нет. Ну, на этот нет, зато на другой-то есть? Нет и на другой, и на следующий... И такие чистые глаза глядят из окошка, такой сладостный голосок несется без натуги из алого ротика, что иноземцы сразу верят на слово. А лететь-то надо. А билетов-то, говорят, нету... Лишь только тогда, когда в дело вмешались иностранные корреспонденты, которые, подобно нашим, тоже любят докапываться до сути, тогда только и выяснилось, что милые девушки, лопочущие по-английски да по-французски, обманывают вполне позавофлотовски. Они, оказывается, набивают компьютеры вымышленными фамилиями людей, якобы заказавших билет заранее. Так что когда иностранец требует билет сейчас, то он может своими глазами убедиться, что машина отвечает отказом: билет есть, но его заказал неизвестный мистер Смит. Есть и еще один — его заказала леди Гамильтон. Если иностранец сообразительнее, плутовка из окошка своими озорными пальчиками нажмет, играючи, пластмассовые клавиши, своей волей лишит несчастного мистера Смита его заказа и продаст будто бы одному ему принадлежащий билетик сообразительному иностранцу. Как иностранцы сообразительны! Как похожи они в этом на нас! Как быстро стали ехать, подмазывая кассиршу долларом и фунтом стерлингов ей на парфюм!

Впрочем, все это сами руководители Министерства гражданской авиации СССР именуют «криминогенной обстановкой». То есть очень тревожной и требующей вмешательства детективов с рвущимися взять след овчарками. Ну, то есть это явление, надо понимать, опять-таки не во власти авиаруководителей — борьбу с «криминогенной обстановкой» должно вести Министерство внутренних дел СССР, а Аэрофлот тут ни при чем. Но при чем же тогда Аэрофлот? Есть ли в Аэрофлоте хоть одно действие, за которое отвечает он и никто больше?

Есть. За то, что электронное уст-

ройство под названием «Сирена-2» продает билеты, отвечают исключительно сотрудники Аэрофлота. Эти билеты, как уже говорилось, не всегда дают пассажиру право войти в самолет. Или же пассажир летит совсем не тем самолетом, на какой рассчитывал. Дело в том, что очень умную «Сирену-2» работники Аэрофлота хронически кормят информацией, не относящейся к жизни. Каждый день они ее учат разным глупостям: заносят в нее сведения, указанные в отпечатанном в типографии расписании. Изо дня в день одни и те же. Указано в расписании, скажем, что в Анапу из Москвы летает ТУ-154, — ТУ-154 и

самолет ТУ-154, продано 153 билета, улетело 167 пассажиров. Помилуйте, как же в этот ТУ вошло так много пассажиров? Стоя они летели, что ли? Нет, просто пришел другой самолет, более вместительный.

Билеты Аэрофлот продает наобум. Деньги получает вроде бы те же, как если бы он продавал билеты осмысленно (в 1990 году от перевозки пассажиров Аэрофлот выручил 9,3 миллиарда рублей), но пассажиры при этом скапливаются возле касс и в аэропортах, то получая совершенно бессмысленный отказ, то приобретая билет на самолет, который все равно не полетит, потому что его нет

щают небо в алмазах сегодня. Ведь когда билеты выдавала «Сирена-1», на пресс-конференции обещали светлое будущее («Сирену-2») тоже другие руководители: ныне забытые первые заместители министра, начальники главков... Посидели за столом, понаобещали, выслушали ядовитые вопросы корреспондентов (ведь и вопросы одни и те же) — и разошлись. Точно так было и десять лет назад, и в позапрошлом году, и в прошлом.

Надо сказать, что Аэрофлот отбирает очень славных людей. В синей форме с золотыми пуговицами мужчины и женщины кажутся более под-

будет вправлен в «Сирену-2». Но чуть не каждый день из Москвы в Анапу вылетает самолет совсем другой марки: какой окажется под рукой, тот в Анапу и посылают. Хорошо, если в подвернувшемся под руку самолете будет столько же мест, сколько в ТУ. Тогда все купившие билет в него войдут. Но гораздо чаще с неба на поле спускаются или менее вместительные самолеты, или более. И тогда сама же «Сирена-2» печатает такой набор цифр и слов: рейс 703, самолет ТУ-154, продан 151 билет, улетело 148 пассажиров. А как же остальные с билетами? Они спали на полу, ждали следующего самолета. Или: рейс 931,

на летном поле. Это, знаете ли, тоже обстановка, но только не криминальная. Потому что, кроме безответственности, ничего криминального в ней нет. Тут никакое Министерство внутренних дел СССР не поможет — стоит ли во главе его демократ Бакатин или неясный Пуго. Это внутреннее дело Министерства гражданской авиации СССР. А внутреннее дело в том, что Министерство гражданской авиации устремлено исключительно в будущее. Там, в будущем, вместо «Сирены-2» в отдельном доме воздвигнется более совершенная «Сирена-3». Должно быть, и руководители в будущем будут не те, что обе-

тянутыми и дружелюбными, чем военные.

Свою работу они делают весело. Зачисленные в разряд общественно-го транспорта, они все же выделяются в этой системе из шоферов, вагоновожатых или машинистов, как в сфере обслуживания выделяются врачи. Среди работников Аэрофлота много людей, понявших смысл и ценность человеческой жизни. Изобилие самолетов, которые жрут много керосина, и небывалая громадность территории, подвластная самолетам (в СССР авиасвязь налажена между тремя тысячами населенных пунктов), побудили Аэрофлот разделить-

ся на квадраты — на авиационные отряды.

Например, есть Уральский отряд (осмысливаете масштаб?). Целая республика для Аэрофлота — всего лишь еще один отряд. А поскольку все эти отряды летают не в одну, а в две стороны (по меньшей мере «туда-обратно») и ни в одну сторону летать пустыми не должны (керосина жаль), а центр управления отрядами — один (в Москве, Аэрофлот), то этот центр, видимо, попросту запутался в самолетах, цистернах, отрядах, вместимостях салонов и, естественно, в билетах. Человеческий мозг, вероятно, просто не в силах создать компьютер, способный вместить такой объем предметов! Он может их накопить — но ведь предметы постоянно движутся!

Во всем мире существуют авиакомпании. Сколько авиакомпаний — столько и центров управления. Работники тамошнего центра не насыщают свой компьютер, задавая ему непосильные задачи. Одна авиакомпания прекрасно управляется со своими самолетами. Аэрофлот почему-то тоже называет себя авиакомпанией. Причем он уверен, что из-за своих гигантских размеров способен составить серьезную конкуренцию компактным и легким на подъем американским, французским, немецким, английским компаниям, которые сильны как раз своей раздробленностью. «Аэрофлот — это мощная авиакомпания, летающая во многие страны мира, — угрожает суровый проспект, сочиненный в недрах Аэрофлота веселыми, подтянутыми людьми в синей форме с золотыми пуговицами. — В условиях рынка он окрепнет, будет занимать подобающее место в международных авиационных перевозках. И нашим партнерам стоит это учесть, широко сотрудничать с нами».

Вы заметили, что и эта угроза в будущем времени? Огромный монополист, не сумевший, не избежав путаницы, разделить самолеты между своими отрядами, не научившийся элементарному — продавать билеты честно, за чем-то пугает. И кого? авиакомпании мира, ни перед одной из которых не стоит проблема нехватки билетов. Во всем мире, наоборот, ощущается острая нехватка пассажиров. Да не боится никто конкуренции с неповоротливым Аэрофлотом. Его как раз боимся мы: одна мысль о необходимости куда-то лететь рождает отвращение к жизни.

Что бы не произошло и Аэрофлоту

на более мелкие авиакомпании? «В обозримом будущем, — пишут на этот счет знатоки будущего Аэрофлота, — Аэрофлот будет основным перевозчиком на международных трассах, пока наши авиапредприятия не станут действительно самостоятельными». Речь, оказывается, не о нехватке самолетов, аэродромов, летчиков и стюардесс и даже не о бедности в топливе — всем этим авиаотряды обеспечены сполна. Аэрофлот не отпустит из-под своей мощной длани наши авиаотряды на свободу до тех пор, пока те не «накопят средств для того, чтобы выкупить технику, здания, другие объекты, определяют пути валютного накопления». Много всего надо выкупить. «В обозримом будущем», видно, не выкупить — Аэрофлот знает, что говорит.

Предлагая республикам «выкупать» у него летное имущество, Аэрофлот тем самым утверждает, что когда все будет раскуплено, то он сам останется. И будет. Но в качестве чего? И что такое — Аэрофлот? Это Министерство гражданской авиации СССР. А что такое Министерство гражданской авиации? Это дом № 37 на Ленинградском проспекте в Москве. В том доме — этажи, на этажах — кабинеты, в кабинетах сидят за письменными столами люди и пишут, и говорят по телефону. В определенное время встают со стула, потягиваются, растирают ладонями насиженное место и идут в столовую обедать. Потом опять за стол. И так до вечера. Керосин из нефти добывают не они,

самолеты делают не они, они даже билетов не продают. Они — как режиссер в театре, который лучше всех знает, как роль надо сыграть, а сам сыграть не может.

Так с какой стати, спрашивается, у дома № 37 по Ленинградскому проспекту в Москве «Башкирские авиалинии», «Камчатавиа», «Литовские линии» и прочие переименовавшиеся бывшие авиаотряды единого монстра Аэрофлота должны выкупать «технику, здания, другие объекты»? Летная подвижность и недвижимость на территории Советского Союза создана на деньги пассажиров, а не на средства работников дома № 37. Наоборот, благодаря усидчивости в доме № 37 они получают средства на собственную жизнь. А если уж говорить о выкупе, то деньги должны пойти создателям самолетов, нефтяникам, строителям, а вовсе не Аэрофлоту в дом № 37. Но лучше всего о выкупе вообще не говорить, потому что в то время, когда создавались «техника, здания, другие объекты», не было единого продавца: аэродромы и самолеты, будем считать, строила страна — уйма разного народа.

Не о деньгах, которых и без того переизбыток, надо говорить, а о нормальном обслуживании пассажиров. Продавать билеты честно нельзя научиться когда-нибудь, когда на небо высыплют алмазы. Это нужно делать уже сегодня, чтобы и будущее не оказалось для пассажиров авиакосмонавтом.

ОТРАЖЕНИЕ

АЭРОФЛОТ НА ЗЕМЛЕ

Летом прошлого года Госкомстат СССР провел исследование очередей, которые тянулись в кассы Аэрофлота. Выяснилось, что во Владивостоке люди стояли в среднем 3,5 часа, Краснодаре и Термезе — по 3,4 часа, Калининграде, Саратове и Уфе билет давался в руки спустя 3,3 часа. Каждый третий пассажир из обследованных 122 городов находился в очереди свыше трех часов. Более половины пассажиров приезжали в кассу неоднократно. В Калининграде, Кустанае, Туле, Черкассах, Владивостоке таких пассажиров насчитали почти 90 процентов. И какова же награда терпению?

Каждому третьему пассажиру был предложен билет на другой день, каждому четвертому — на менее удобный рейс. Свыше 40 процентов пассажиров как ни искали, так и не нашли справочного бюро, свыше 20 обиделись на грубость кассирши.

С января по сентябрь 1990 года было сорвано 13 600 рейсов, прибыло с опозданием 229 200 рейсов (среднее время опоздания — 3,6 часа, а в Магаданском управлении — 8,6 часа).

За этот период произошло 156 происшествий, из которых 24 катастрофы, в них погибли 176 человек.

СЕКСУАЛЬНЫЙ МАНЬЯК

С жуткой периодичностью он появляется то в одном, то в другом городе, и город парализует страх: женщины отказываются работать в вечерние смены, взрослые встречают из школы детей. Ему устраивают хитроумные засады, проводят тотальные облавы, пытаются задавить мощью «усиленного патрулирования». А он продолжает усеивать свой путь трупами.

Витебск — Иркутск — Ставрополь — Ростов — Москва — вот его география последнего, «гласного», пятилетия. Какой город следующий?

«Общество не сделало ничего, чтобы себя от этого обезопасить», — утверждают сотрудники ВНИИ общей и судебной психиатрии им.Сербского кандидат медицинских наук Андрей ТКАЧЕНКО и кандидат психологических наук Александр КОРНИЛОВ.

Ленинградские «Секунды» в очередной раз показали нам крупным планом дебильного громилу, только что изнасиловавшего 13-летнюю девочку. «Почему ты это сделал?» — спросил Вадим Медведев. Закрывающая лицо от телекамеры, парень тихо, так, что пришлось переспросить, ответил: «Я не способен совершить нормальный половой акт...»

Таких людей с девиантным (отклоняющимся от нормы) сексуальным поведением на самом деле гораздо больше, чем мы привыкли думать. И не последнее место в статистике сексуальных расстройств занимает садизм.

А.Ткаченко: Подобные случаи достаточно регулярны, и преступления последних пяти садистов не отражают, конечно, истинной картины. Здесь вся сенсационность в количестве трупов, в колоссальных усилиях, затраченных для поимки преступников, в частоте газетных выступлений. Существует много других, которые совершают, может быть, меньше убийств или менее тяжкие преступления, но в динамике они обязательно придут к этому. Закономерность этой патологии такова, что круг преступлений, их тяжесть нарастают. На примере Кулика, иркутского врача «Скорой помощи», видно, как от просто развратных действий человек через убийства приходит к некрасивым актам.

— Но ведь и Кулик, и «педагог» Сливко

из Ставрополя, и некоторые другие признаны экспертами вменяемыми и абсолютно здоровыми людьми. В голове не укладывается: убийство детей, расчленение трупов и... душевное здоровье.

А.Т.: Ну, до «абсолютного здоровья» им, конечно, далеко. Речь можно вести о том, что человек прекрасно осознает совершаемое им преступление, знает о последствиях и опасается их, тщательно скрывает все следы. Считается, что в этом случае он вменяем. Не отмечено также психических заболеваний: пизофрении, олигофрении и т.д. Но сексуальная-то патология налицо. А в нашей стране не существует комплексной сексолого-психиатрической экспертизы, способной верно оценить состояние испытуемого.

А.Корнилов: Среди них есть душевнобольные. Там сильно изменена смысловая сфера, система ценностей, они своеобразно воспринимают окружающий мир. Это дефектные люди. Но есть и другая категория — так называемые психопатические личности. Как правило, эгоцентричные, злобные, холодные люди, склонные к мощным аффективным разрядам. То есть, можно говорить о болезни их личности.

А.Т.: Вся сложность в том, что эти люди не криминальны, их нет в поле зрения милиции. Они не состоят на учете у психиатра. Зачастую очень хорошо адаптированы в своем социуме — имеют семьи, детей, прилично справляются со своими слу-

жебными обязанностями. Потому все следственные мероприятия по их поимке оказываются неэффективными. Именно по этим делам часто осуждаются лица, совершенно непричастные. Помните скандальное «витебское дело», когда были расстреляны невиновные. Ростовский маньяк, арестованный недавно, начал действовать аж в 82-м году!

— Но ведь убийства совершаются не вдруг. Что-то должно им предшествовать, какие-то процессы, происходящие в душах этих... людей. Если у них вообще есть души.

А.Т.: Аномальные сексуальные влечения проявляются обычно уже в подростковом периоде. Но куда пойти подростку, подозревающему в себе что-то неладное? С кем посоветоваться? Сексопатолог у нас фигура почти экзотическая, идти к нему (если его найдешь, конечно) стыдно и страшно. Слово «секс» только недавно вышло из разряда запрещенных. По сути, любое отклонение сексуальности у нас рассматривалось как нарушение общепринятых социальных норм, вырождение, с которым надо бороться. В 30-е годы из Ленинки были изъяты все труды Фрейда. Только благодаря героизму наших сотрудников у нас осталась кое-какая литература, в частности Крафт-Эбинг, его знаменитая «Сексуальная психопатия».

То есть процесс изучения сексуальности был приостановлен на государствен-

ном уровне, и все заменялось карательными мерами.

А.К.: Очень показателен в этом отношении ставропольский убийца Сливко, которого мы обследовали. Он орудовал около 20 лет — заводил детей в лес и «играл» с ними в фашистов, которые пытаются советских бойцов. Он не насиловал детей, он их истязал и при виде агоний испытывал оргазм. Весь процесс снимал на фото и киноплёнку, чтобы потом насладиться еще. Давайте посмотрим, с чего это началось.

В детстве, во время оккупации, он стал свидетелем такого эпизода. К ним в дом вошел немец в черных начищенных сапогах — он это ярко помнил. Они с братишкой спрятались под кровать. Немец на их глазах убил собаку — было много крови. Собака билась в агонию. Это было своеобразное опущение: смесь страха и наслаждения, колоссальной опасности и чего-то необычного, что доставляет удовольствие.

А.Т.: Стереотипный комплекс, который запускает эротический механизм.

А.К.: Страшно, что это начало формироваться достаточно рано. В 18 лет он обратил внимание, что у приятелей совершенно ему непонятные нежные отношения с девочками. Позже понял, что неблагополучно-то как раз с ним, но дальше рефлексии дело не пошло.

Однажды на его глазах подросток попал под мотоцикл. Опять было много крови, агония, и впервые, в 19-летнем возрасте, Сливко, видя это, испытал оргазм.

А.Т.: Так называемая неадекватная фиксация.

А.К.: С этого момента он поймал себя на мысли, что сексуально окрашенная цель стала для него единственной. Но отношения с девушками были ему неинтересны.

Он получил специальность, работал мастером на заводе, успешно продвигался по службе. Женился, с разрывом в два года родились сыновья. На заводе Сливко организовал подростковый клуб, а вскоре и вовсе прекратил работать по специальности — ушел в «педагогическую» деятельность.

А.Т.: Кстати, Кулик по совместительству тоже устроился работать в детский дом. Такие люди часто ищут возможность бывать среди детей, чтобы легче выбрать себе жертву.

А.К.: Надо сказать, у него были успехи, клуб всегда занимал какие-то призовые места, он даже получил памятную медаль.

Ходил с детьми в походы, пользовался у них безграничным авторитетом. Постепенно стал продумывать сценарий: как заполучить ребенка в свое неограниченное распоряжение, чтобы не иметь неприятностей. Всегда выбирал мальчику из неполной семьи, которым мало занимается мать.

А.Т.: Поразительно, но Сливко обращался к сексопатологу! Тот выписал ему тонизирующие таблетки...

А.К.: Выбрав сексуально привлекательный объект, он начинал действовать. Каждый раз процедура становилась все более утонченной. Он вешал детей, отрубал им конечности. Потом начал использовать целлофановый пакет, который надевал детям на головы. У тех развивалась асфиксия, и, если они оставались живы, потом ничего не могли вспомнить. Киносьемку оправдывал гуманными целями (смотрите, какой выверт!), говорил, что так погибало меньше детей, иногда ему достаточно было посмотреть фильм.

Перед нами он предстал жалким, ищущим сочувствия, называл себя «чудовищем», даже плакал. Но в его фильмах — а он сам попадал иногда в камеру — это был агрессивный, энергетически насыщенный, твердо знающий, чего он хочет, человек. Признан вменяемым и психически здоровым. Сейчас, наверно, уже расстрелян.

— Очень трудно сочувствовать таким людям, но, выходит, они все-таки жертвы? Жертвы каких-то болезненных отклонений?

А.Т.: Безусловно. Известны случаи, когда выявлялись генетические расстройства, например, лишняя игрокромосома. В 60-е годы появилось много зарубежных работ, доказывающих, что среди лиц с таким набором хромосом значительная часть обнаруживает антисоциальные установки, повышенную агрессивность и т.д. К этим лицам стали относиться настороженно. Сейчас эти исследования в США запрещены, так как сразу стала очевидна возможность дискриминации этих людей. Тем не менее, хоть мы и настаивали всегда на социальной зависимости многих расстройств, основную роль играет все-таки биологическая база.

— Если говорить о болезни, то излечима ли она?

А.Т.: Есть отработанные методики, есть литература, подтверждающая реальность лечения подобных состояний. Есть опыт Запада, который приводит если не к полной реабилитации, то хотя бы к до-

статочной стабильности. Теоретически мы можем расписать программу лечения, прогноз даже при таких достаточно «невинных» отклонениях, как эксгибиционизм, но реализовать все это на практике нет никакой возможности.

Сейчас действуют только два варианта. Номер один — человек признается невменяемым. Он отправляется в больницу, подчеркиваю — в обычную психиатрическую больницу, где, естественно, нет сексопатолога. С его патологией там просто не знакомы, поэтому лечат его от чего угодно, только не от этого. Выписавшись из больницы, он опять совершает преступление. Ведь он остался с теми же установками и влечениями, которые точно так же требуют реализации.

Второй вариант еще хуже. Он признается вменяемым, и, несмотря на наше заключение, где указано, что у него имеются признаки аномального сексуального поведения, тем не менее, никакой помощи не получает. Какая помощь в тюрьме? Отсуживает свои два года (речь идет, конечно, не о десятках трупов), выходит и опять попадает к нам. По сути, безвыходное положение — такие больные всю жизнь проводят в тюрьмах. Тот же эксгибиционизм, который не несет никакой социальной опасности и в цивилизованных странах наказывается штрафом, у нас совершенно необоснованно подпадает под статью «хулиганство». Хотя мотива хулиганства здесь нет — это биологически обусловленное расстройство влечения. И мы имеем дело не с одним частным случаем — с системой, посредством которой общество расправляется с не такой, как у всех, сексуальностью.

— Где же выход?

А.Т.: Наша концепция судебной психиатрии отличается тем, что в ней нет места понятию уменьшенной вменяемости. Институт уменьшенной вменяемости подразумевает создание специализированных клиник, где исправительные меры будут сочетаться с психологической, сексологической коррекцией, позволяющей реабилитировать человека. Это очень дорого, но других реальных путей сегодня нет. Только так общество в какой-то степени может быть спокойно за свое существование.

Можно расстрелять Кулика, Сливко, московского «Джека-потрошителя» — наверно, они этого заслуживают, — но что изменится? Завтра на карте страны появится новое «черное пятно».

Елена САЛИНА

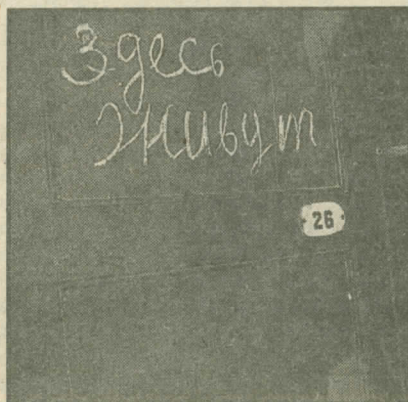
Фото Э. Кудрявниченко

ЭТО ВАМ НЕ ЛОНДОН-СИТИ

В центре Москвы вас могут выселить из квартиры. И вы в нее уже никогда не вернетесь.

Здесь центр центра самого передового в мире тупика истории. Неразрешимые проблемы нашей отдельно взятой, вернее, изъятой из естественного развития цивилизации, страны. Так что ничего удивительного не произошло, когда жителя столицы в собственной (точнее — государственной) квартире дома N 7 по Колодезной улице в Сокольниках ночью покусала крыса.

«Ноги надо убирать», — резонно заметили ему в травмопункте, куда он прихромал получить справку о нетрудоспособности. А получил ценный совет не жмотничать и нормально кормить «домашних животных».

Ничуть не изумил меня и рассказ депутата Свердловского райисполкома Н. Богатиковой о недавно случившемся в жилом доме по Дмитровскому переулку перелете... ванны с верхнего этажа на нижний. Обошлось без падения мыльного мужчины к одетой только в пену гражданке. Слава Богу... Дома-то эти — и там, где

крысы кусают, и там, где ванны падают, — аварийные, не для жизни уже предназначенные, а для капремонта. Но, игнорируя особенности трудного момента в жизни страны, не хотят и все тут «аборигены» центра Москвы из своих кирпичных развалин отселяться в бетонные блоки «районов массовой застройки». У каждого, понимаете, своя индивидуальная причина остаться в родном районе.

Дом 29 на Суцневской улице, например, дореволюционного года рождения. Бездарно, до беспредела заэксплуатированный Советской властью, шесть лет назад он был передан Свердловским райисполкомом МПШО «Салют» для возвращения зданию жилого облика. С тех пор в нем и обитают 9 семей-старожилов, недоиспользованных по собственному нежеланию на окраины.

К примеру, у двух преклонного возраста сестер мать лежала парализованная, когда им предложили жилище недалеко от кольцевой дороги. Больная нуждалась в уходе в течение дня, и сестры успевали в обеденный перерыв подскочить с работы домой, благо недалеко. В райкоме партии им еще 11 лет назад обещали хлопотать насчет квартиры в своем районе, в одном из отремонтированных ближайших домов. Когда же на заре перестройки, в 1985 году, попробовали старушки-сестры напомнить о себе (в то время как раз на улице Палиха сдавался дом после ремонта, сдавался, в основном, номенклатурным «очередникам»), они вышли из райкома партии с устной резолюцией: «А вы не народ, чтобы жить на Палихе»...

В Сокольниках же, как заявил мне зампред райисполкома С.Васюков, надо быть именно большим и старым, чтобы тебе оставили статус местного жителя. В доме N 9 по улице Колодезной капремонт сегодня в разгаре. Сломаны перекрытия, сняты полы, частично отключено отопление, но все еще светятся несколько окошек рядом с черными дырами от разворванных стекол. Здесь тоже «окопались» 9 семей. Остальные «бывшие» — в Бутово, Митино, Солнцево. В доме этом потоги — явление регулярное. Трубы без конца лопаются, с толчков нередко капает или даже льется кипяток, неосвещенные подъезды обросли живописными, почти пещерными сталактитами. Слесаря, когда их вызывают, матерятся: «Какого... тут живете?!» Однако самые стойкие, кто дотянет-дотерпит до скорого уже окончания ремонта со-

седнего корпуса дома, намерены «явочным порядком» в нем поселиться. Удобно им так, хотя товарищ Васюков и считает, что не большие и не старые могут вполне пожить и в другом месте — куда «пошлют». «Все, конечно, имеют право, — говорит он одному недостаточно старому, в меру больному, но чересчур упрямому «аборигену». — Но у нас нет возможностей. Поэтому мы вынуждены выбирать кого куда направить. Если у вас астма, вы не можете жить в блочном доме, ждите завершения ремонта. Но ведь и ждать в таких условиях, без отогревания, вы тоже не можете».

У этих типичных столичных историй возможны два варианта финала. Либо сдастся исполком, дает, поднажившись, такому современному «блокаднику» желаемое им. Либо «обкладывают» его окоп-квартиру покрепче, отключают газ и электричество — сдастся человек. Едет туда, куда не хочет.

А почему, собственно, не хочет? В большинстве столиц мира самые привлекательные для жизни места отдалены от центра. У нас же на окраинах элементарно плохо жить. Никаких выгод у района, отдаленного от эпицентра городской суматохи, нет. Ни свежего воздуха, ни особой зелени, ни малейшей красоты в блеклых коробках с пустыми квадратами дворов. Плюс неразвитая инфраструктура. Налицо очередной парадокс системы: максимальное число москвичей хочет жить в районах максимальной загазованности. Скажем, на уровне 80-100 сантиметров от земли на Садовом кольце в часы пик она смертельна для человека.

Конечно, делать из центра Москвы этакий Лондон-сити, район офисов, банков и магазинов Моссовет не собирается. Но дабы привлечь жителя на окраины, комиссия по градостроительству разрабатывает сегодня планы по возведению двухэтажных коттеджей в этих районах. Нынешнее распределение жилья в новых небоскребах — это заранее запрограммированные будущие очереди на жилье из теперешних новоселов. На положенных сегодня 9-10 метрах на человека рождаются новые жильцы: семьи-то имеют привычку разрастаться. Коттеджи дадут свободу маневра, это перспективный вариант распределения жилплощади. Довольно невероятный вариант...

Пока же квартиры в центре — из престижнейших. Для старых домов, поставленных на капремонт, у местных властей нет переселенческого

фонда. Создать таковой в новых квартирах новых районов — значит, отнять что-то у очередников. Жиле-то у нас в столице не пустует ни на первых, ни на последних этажах никакого Бубенцова-Задворкова. Да и закона, отчетливо дозволяющего старожилам требовать возвращения в родные отремонтированные пенаты, в жилищном кодексе нет. Одна статья разрешает гражданам «иметь право», другая предоставляет властям «думать и решать самим».

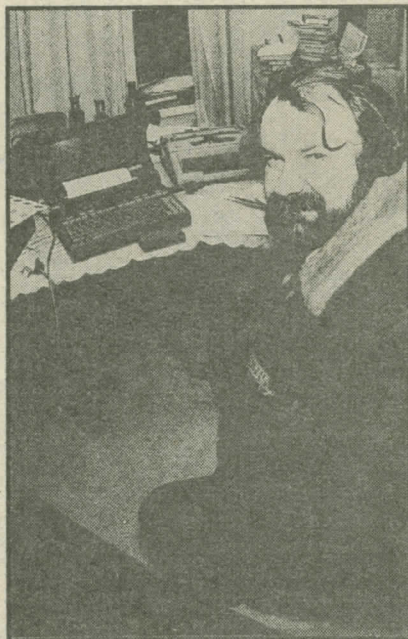
По словам председателя подкомиссии по социальной политике Моссовета А.Осовцева, городской Совет может принять нормативный акт в пользу человека-старожила, но тогда придется запускать и механизм по реализации прав этого человека. И снова — фонд временного переселения, которого нет. Можно предложить скитальцам перебраться в время ремонта самостоятельно — у родственников-друзей, но тут против срабатывают наши советские нормы прописки. Кроме того, у нас нет ничего более постоянного, чем временные трудности, и москвичи, боясь остаться в дураках, хотя, как правило, осесть понадежнее, с гарантией завтрашнего дня под собственной и желательной — непротекаемой крышей.

Когда нет рынка жилья, когда предписана выдача строго определенно количества квадратных метров на душу, злоупотребления в их распределении неизбежны, считает А.Осовцев. По понятным причинам центр Москвы возлюбили такие влиятельные организации, как ЦК КПСС, Министерство обороны, КГБ, Советы Министров СССР и РСФСР. Прямые «ходы» «белых людей» в центр столицы Моссовет, казалось бы, перекрыл, изъяв ордерские книжки вышперечисленных учреждений. Недавно Совмин СССР представил в Моссовет список своих очередников. В 80 процентах случаев никаких оснований для получения квартир не было.

Один из любимейших высшей властью районов — Свердловский — горестно лидирует в Москве по числу инфарктов миокарда и сердечно-сосудистых заболеваний. 40% жилого фонда района находится в антисанитарном, перенаселенном да попросту античеловеческом состоянии. 144 дома на бумаге хронически пребывают в капремонте, на деле — стоят умирая. Многие из них стоят отселенные и безжизненные, гибнущие на глазах — ни у города, ни у района не-

достаает средств. Для местных жителей в районе не строится ничего нового. Напротив, за их счет расширяются офисы. Разыгрался, например, аппетит МВД СССР. Это ведомство имеет виды на часть жилого дома по Средне-Каретному переулку.

Не так давно в Оружейном переулке стоял жилой 7-этажный дом. Жильцов «депортировали» в сторону окружной, Мосгорисполком, отремонтировав здание, отдал его мосгорздравовской конторе. Сейчас городские власти пытаются забрать большой обитаемый дом на Цветном под некий НИИ. Но даже при контрастности на коренных жителей сегодняшний центр Москвы — никакой не Лондон-сити в зародыше. Поскольку все кусочки пригодной для жилой застройки земли по-прежнему прибирают к рукам мощные ведомства для своих сотрудников. Совмин РСФСР выстроил себе дома в районе Самотечных переулков и на улице Достоевского. В последнем доме району было обещано аж 8 квартир, выделено — четыре, когда на очереди — тысячи. Тем же министерством возводятся еще два дома на Каляевской улице. И на той же Каляевской

заживо умирает дом N 29, с его 292 семьями, со сплошными коммуналками, с фанерными перегородками, с гриб-

ком на стенах и с температурой зимой немногим выше нуля градусов.

От депутатов советов двух уровней — городского и районного — А.Осовцева и Н.Богатиковой я слышала общий вариант спасения центра города. Почему бы, действительно, ветхие дома, в которых можно сегодня снимать фильмы о последствиях атомной бомбардировки, не передать инофирмам? Пускай восстанавливают, занимают первые этажи, а 70% в готовом для эксплуатации виде вернут району. Иначе пропадут все сто. Увы, в этом случае почти гарантированы пикеты, протесты, обвинения: продают, мол, демократы столицу заморским оккупантам за твердую валюту.

Но ведь до крыс-людоедов и «перелетных» ванн мы дожили-докатились совсем с другими людьми у руля. А теперь надо вместе думать — как жить дальше и лучше. А лучше — это и не на обочине, и не в коммуналке, а по-человечески. Так, может быть, попробуем что-то сделать без протестов и демонстраций? Честно говоря, очень хочется еще пожить, и пожить дружно...

Аэлита ЕФИМОВА

ПИСЬМА МИСТЕРА «Х»

Обзор анонимной почты

Анонимные письма — постоянные спутники редакционной почты, малоизученное и любопытное явление. На них лежит печать психологической раздвоенности авторов. С одной стороны, это люди активные, протестующие и не желающие молчать, с другой — осторожные и недоверчивые.

Армия, торговля, грязные московские дворы — темы, волнующие Мистера «Х», разнообразны. Вот, например, он объясняет причину тяжелейшего положения в стране с производством отечественных медикаментов на предприятиях Минмедпрома СССР.

«Вряд ли можно ожидать серьезных сдвигов в отрасли, если ни министр, ни шесть из его заместителей не являются специалистами и никогда не имели никакого отношения к медицинской промышленности. Основным поставщиком кадров, как это ни абсурдно, является ЦК КПСС».

Острейшая московская проблема — жилье. Но Мистер «Х» понимает ее по-своему, по-анонимному: «Около двух лет живут в гостинице «Байкал» в Москве семьи беженцев из районов землетрясения в Армении. Как показало время, армяне не собираются ничего восстанавливать, строить в районах бедствия. А беженцы вовсе не собираются возвращаться домой. Напротив, они всеми силами пытаются уцепиться за Москву».

Письма, где авторы через редакцию обращаются к другим лицам, в основном к политическим деятелям, не называя себя, тоже встречаются часто. В них предложения, пожелания и угрозы. Вот письмо Горбачеву с утопическим проектом, несколько грубых выпадов в адрес Ельцина и Попова и даже послание в стихах Ю.Афанасьеву.

Вообще Мистер «Х» — человек, раздраженный против всего. Положительные его оценки довольно об-

щи и сводятся к пожеланиям журналу и демократам успеха и хорошей бумаги. Наиболее яркое среди них письмо из Владивостока:

«Я отработал на красных 10 лет. У меня нет жилья и вообще ничего нет, кроме гарантированной нищеты, в которой по разумению красных я должен быть счастлив... Пишите! Нас не так мало, понимающих вас, и вдали от столицы! Здравый смысл и христианские ценности, милосердие и любовь всегда с нами. Дай вам Бог успеха! Спасибо, что вы есть».

Анонимок в редакцию присылают, однако, не больше чем писем с подписями. Не каждый может себе позволить сейчас такую роскошь — писать письма. Все свободное время наш читатель либо стоит в очередях, либо на голодный желудок переваривает новые правительственные законы и обещания.

И все-таки анонимки приходят каждый день. Они неистребимы, как страх, прививаемый годами. Как недоверие и неверие на всю жизнь обманутых людей. И Мистер «Х» прав, когда утверждает в своих посланиях — «Москва словам уже не верит!»

Елена ДРЕГАНОВА

«НЕХОРОШИЕ КВАРТИРЫ»

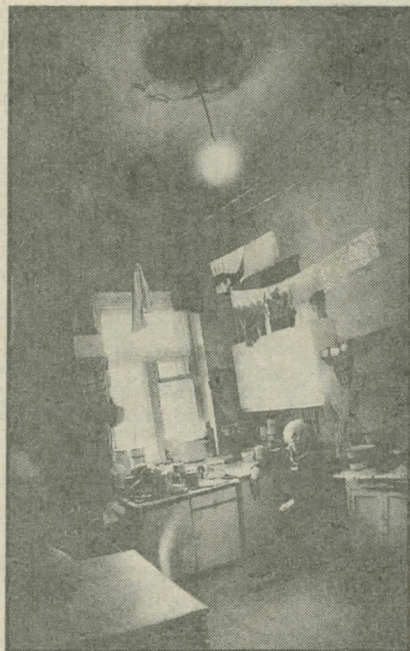
В 2000 году лопнет еще один огромный мыльный пузырь под заманчивым названием: «Каждой семье — отдельную квартиру». Мутные брызги от него надолго заляпают сотни тысяч москвичей, живущих в чудо-изобретении Советской власти — коммунальных квартирах. Вся наша жестокость и озлобленность сконцентрировалась, как под увеличительным стеклом, в коридорной системе. В комнатках-пеналах, за насупом слепленными перегородками, почти насильно расселяли людей, жить которым под одной крышей противопоказано самой природой. С трудом представляется профессор консерватории, конвульсивно разбирающий сложнейшую партитуру под «аккомпанемент» слесаря, водящего отверткой по батарее отопления и желающего расслабиться после ночной смены. Или — кричащий ребенок молодой мамы-одиночки, ползающий по кухне у всех под ногами, где ног — не один десяток.

Но все происходит именно так или примерно так — обитатели коммунальных квартир напоминают пауков, посаженных в банку. Пауки быстро сжирают друг друга, но люди — существа куда более выносливые. Сосед у соседа днями выклеивает частицу души, в надежде, что вот этот клевок будет последним. Но за ночь душа вновь обретает свои очертания, и утром все возвращается на круги своя. Идет настоящая охота, в которой трудно понять, кто охотник, а кто добыча...

Муцетони Клавдия Семеновна, 79 лет, закройщик театрального костюма, в коммуналке живет с 1935 года:

— Сосед стучит ко мне в дверь: «Посмотрите, что ваша дочь наделала в унитаза». Пошла в туалет, а там чисто. Взяла полотенце, иду в ванную комнату, слышу: «Сама хулиганка и бандитов вырастила». Это о моей дочери, она реставратором в музее Дарвина работает. Я подошла к ванной, он подскочил ко мне и толкнул в спину. Я свалилась и потеряла сознание. Очнулась, вся в крови лежу. Сосед надо мной стоит: «Ты что разлеглась?» Вытолкал меня в кухню, плюхнул на стул и полчасика перед моим лицом кулаками размахивал: «Я с тобой еще разберусь, ты отсюда уберешься. Это только репетиция была». Сейчас ходит, извиняется, деньги предлагает, суда, наверное, боится. Я деньги не взяла.

Обычная история обычной комму-

налки. Бывает и похлеще. Бывает и убивают. И тогда сразу освобождается много жизненного пространства в местах общего пользования — один отправляется на кладбище, другой в зону.

«Контингент», как называют участки своих подопечных, сложный. Каждый день жалобы, скандалы, драки. От однообразия нехитрых бытовых сюжетов свихнуться можно. А может, «контингент» тут ни при чем? Любого человека легко превратить в животное, стоит лишь заставить его жить по особым правилам. Они называются «правилами социалистического общежития».

Маргарита и Виктор Корытины, проживают в коммуналке с 1983 года:

— Нам страшно жить с соседом — он психически ненормальный человек. Вот вчера сбежал из больницы, его видели около дома. Теперь снова ловить будут. Он еще и выпить любит. Уже и драки у нас были, и крик стоит постоянно. У нас самих уже нервы сдают, до трагедии осталось совсем немного. Отдельная квартира? О чем вы говорите? В исполкоме сказали, что в очереди ждать как минимум 13 лет...

Еще один неперемный спутник всех коммуналок — ни с чем не сравнимый запах, запоминающийся сразу на всю жизнь. Было у меня даже

смутное подозрение, что несчастные жители коммуналок питаются одними и теми же продуктами и готовят по одинаковым незатейливым рецептам. А объяснился этот феномен совсем просто. В отдельно взятой квартире, где проживает человек так 15—20, священный процесс приготовления пищи растягивается на целый день и прихватывает даже часть ночи. Одновременно сварить суп соседи не смогут никогда — на четырех конфорках старенной газовой плиты никак не разместить два десятка кастрюль. И каждый член «коммуны» строго чтит отведенные ему минуты, чтобы вскипятить чай или пожарить картошку. Если вдруг кто-то пропустит свою очередь, то ему лучше отобедать в соседней столовой — сосед, не сомневайтесь, ни за что не уступит ему конфорку.

Обророва Елена Ивановна, живет в коммуналке с 1927 года:

— Как я очутилась в этой комнате? Да очень просто. Папа был запманом, бежал от большевиков, пришлось многим пожертвовать, чтобы остаться в живых. Никогда не плакалась на свою жизнь, пока не появился сосед. Ничего с ним поделаться не можем: 5 лет не платит за квартиру, 12 — за телефон, естественно, нигде не работает. Он у нас даже пустые банки и бутылки ворует. Кстати, у нас в квартире две комнаты пустуют. Люди давно уехали жить к родственникам, а эту площадь за собой держат. А вы зайдите вот сюда: молодая семья, двое детей, итого четверо ютятся в 15 метрах. Неужели они, как и я, до смерти здесь останутся?

В тысячный раз убеждаешься в genialности старой шутки «нет ничего более постоянного, чем временное». Вот и сейчас кажется, что никакая сила не избавит нас от коммуналок, настолько крепко они впились в тело Москвы.

И к кому обращены призывы на эмалированных табличках, развешенных в темных, вонючих подъездах: «...Соблюдайте чистоту в местах общего пользования... Своевременно производите побелку и покраску... Не реже одного раза в месяц натирайте паркетные полы — мытье полов портит паркет...»? Словом: «Сохраняйте жилой фонд!»

Никто не знает этого, потому что отродясь в этих развалинах ничего не мыли и не белили. Люди ждут. Ждут полвека. Чего? Наверное, светлого будущего.

Михаил МАСЛОВ

Михаил ЭПШТЕЙН

ФРЕЙД И ПЕРЕСТРОЙКА

Возвращение Фрейда, чьи книги издаются теперь в СССР одна за другой, воистину с ускорением, — это не просто одно из многих восполнений разоренной культуры. Фрейд был в свое время запрещен и изъят по тем же причинам, что и Джойс, или Ницше, или Бердяев. Но особенность Фрейда в этом длинном ряду заочно репрессированных — то, что он объясняет сам механизм подобной репрессии. Возвращение Фрейда — это возвращение нашей способности понимать себя, поставить диагноз собственной болезни, без чего невозможно выздоровление.

Все еще распространены попытки объяснить происшедшее с нами по Марксу — как отступление от истинного марксизма. «Больше, больше социализма!» — еще недавно раздавался лозунг, сейчас конфузливо снятый. Но объяснить провал марксизма по Марксу — это все равно как назначить на роль судьи самого ответчика.

Фрейд — врач. Он никогда не пытался предписывать человечеству те или иные формы здоровья и социального процветания. Он занимался только болезнями — и лечил их. И было бы опрометчиво больному, разбитому инфарктом или параличом, обратиться за советом не к врачу, а к тренеру по бегу на дальние дистан-

Михаил Эпштейн (1950), критик, литературовед, эссеист, автор книг: «Парадоксы новизны» (1988), «Природа, мир, тайник вселенной...» (1990) и многочисленных статей по философии, эстетике и литературе. В настоящее время — стипендиат Института Кеннана (США).

ции, которые никто никогда так и не научился преодолевать.

Основу современного кризиса видят в развале экономики. Но можно ли вообще ее починить чисто экономическими мерами — этого не берутся утверждать даже экономисты. Представьте, вы попали в дом, где все развалилось и обветшало, и уже готовы упрекнуть хозяина, что ему пора бы с печи встать и взяться за дело. Но приглянитесь: у него и руки дрожат, и глаза блещут лихорадочно, и приложи он сейчас, в таком состоянии, руки к дому — дом тотчас бы и рухнул. Вот что происходит в нашей перестройке. Народ страдает тяжелейшим неврозом, он срывается каждую минуту в истерику, а от него требуют производственных показателей.

Откуда же это невротическое состояние? В своем труде «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921) Фрейд, ни разу не ссылаясь на российскую революцию, замечательно точно описывает симптомы общественного безумия. В его основе лежит акт отцеубийства, прообраз которого — убийство вождя его сыновьями в первобытной орде. Отец налагает ограничения на сексуальные позывы сыновей, и вот они, сговорившись, убивают его. Наследником отца становится Старший Брат — это величание, знакомое нам по книге Оруэлла «1984», быть может, прямо восходит к термину Фрейда. В самом деле, свержение царя породило в народе, который столетиями оставался верен патриархальным устоям, чувство ликования-освобождения... И одновременно — глубочайший страх, приходящий как бы ниоткуда, а на самом деле — из опустошенного идеал-я, которое уже не с кем стало отождествлять; ибо идеал-я — это, по Фрейду, спроецированный вовнутрь образ Отца.

Конечно, не столько о Царь-батюшке пустовала душа, сколько об Отце Небесном, тогда же общей братской волей низвергнутом. Отцеубийство социальное — лишь символ религиозного. И тогда срочно потребовался осиротевшим братьям-убийцам Старший Брат, который заменил бы Отца и заполнил бы место идеал-я, без которого ни личность, ни общество жить не в силах. Между равными братьями началась жесточайшая борьба за право считаться старшим. Так пришел Ленин, а на смену ему Сталин.

Именно чувство вины перед убитым Отцом заставляло столь яростно верить в нового отца, приносить возрастающие жертвы на алтарь его культа. Так называемый «культ личности» с точки зрения марксизма —

всего лишь отступление от непреложных законов истории. С точки зрения Фрейда, напротив, культ «старшего брата» неизбежен в обществах, прошедших через революционный опыт отцеубийства. Причем все это было высказано до того, как культ «старших братьев» широко распространился в коммунистической России, фашистской Италии, нацистской Германии. Фрейд вообще работал на другом психологическом и отчасти этнографическом материале. В этом и состоит научное предвидение, когда обнаруженная закономерность сама, силою угаданной правды, а не натужным пафосом пророка переносится на будущее. В данном случае Фрейд предвидел не предсказывая, тогда как Маркс, многого предсказывая, увя, не предвидел.

По мере развития и практического воплощения марксизма в нем накапливалась сумма погрешностей, поначалу вроде бы незначительных, допуская отдельные поправки в благородных целях его творческого развития. То социализм в одной отдельно взятой стране, то культ личности, то не абсолютное и не обнищание пролетариата в странах капитала, то рост нищеты и алкоголизма и расцвет религиозных пережитков в странах реального и развитого... Каждая теория имеет свою критическую массу погрешностей, накопление которых в конце концов превращает ее в лжетеорию. Это сейчас на глазах у всех (а не только в умах у немногих) происходит с марксизмом. В стране, обманутой и разоренной марксизмом, фрейдизм не может не привлекать как альтернативная теория, которая позволяет объяснять не только факты, противоречащие марксизму, но и сам марксизм.

Возьмем, к примеру, философскую основу всего марксистско-ленинского мировоззрения — материализм. Конечно, воинствующий. Нетерпимый ко всяким формам идеализма. И соединенный с научным атеизмом — вплоть до того, что всякая религия объявляется труположством. Любой внимательный психоаналитик обнаружит в таком воинствующем материализме, с пеной на губах и бешеными ругательствами в адрес «Боженки», серьезную форму невроза.

Если же призадуматься, то вся эта навязчивая материалистическая идея, состоящая из сплошных заклинаний по поводу первичности материи, окажется типичным проявлением Эдипова комплекса, только возведенного в ранг «философского учения». Фрейд использовал имя легендарного древнегреческого царя, неведомо для себя убившего собственного отца и женившегося на собственной матери, чтобы обозначить бессознательный комплекс, сопровождающий каждого человека с детства. Материализм в паре с атеизмом и есть не что иное, как сознательная проекция Эдипова комплекса: стремление сына отнять мать у Отца, умертвив последнего или объявив его мертвым (отчего любовь к такому отцу и есть, по Ленину, «труположство»). Культ материи, или матерински-земного начала в противоположность Отцовско-небесному, — это, по сути, даже не философия, а мифология, в которой подсознательные желания выходят наружу и сбываются в формах коллективных фантазий.

Но психоаналитическое истолкование материализма этим не ограничивается — оно объясняет и тот парадокс, который с позиции самого марксизма не объяснить. Почему последовательно материалистическое истолкование природы и истории привело к такому небывалому насилию человека над природой и историей? Вроде бы провозгласили первичность материи, а своим «плановым хозяйством» и «идейным подходом» так над ней надругались, что и материи-то живой не осталось — нечего есть, нечем дышать. Еще Андрей Белый в начале тридцатых годов заметил, что торжество материализма упразднило материю.

Объясняется это в психоанализе именно логикой Эдипова комплекса: ведь сын убивает отца вовсе не для того, чтобы теоретически возвестить свое однополое происхождение от матери, — а для того, чтобы сексуально овладеть ею. Так и материализм-атеизм устраняет Бога из Вселенной вовсе не ради торжества материи — а ради торжества над нею. Сын становится хозяином и супругом. Умыкнув мать-природу у отца, чтобы самому вторгаться в породившее его

лоно, — таков кровосмесительный смысл всей материалистической цивилизации.

Ну а какие плоды бывают от соединения сына с матерью, ведает медицина. Среди бесчисленных патологий в этой клинике материалистической цивилизации можно отметить: патэкономнику, патэсоциологию, патэтнологию, патэстетику, патэлингвистику. Насилие над родной природой и опустошение железной кувалдой ее нежных недр... Насилие над собственным народом и опустошение его памяти об Отце, о первой и плодотворной, миротворящей любви... Насилие над художеством, где вместо тайны зачатия и обременения духа вводится искусственное осеменение будущих Гомункулюсов идеями соцреализма... Насилие над языком, извлечение его из материнской стихии корней, погруженных в лоно Отцовского Первослова, и превращение в инструмент, в штык или отбойный молоток. Таковы последствия этого эпохального и всеобъемлющего инцеста.

Но так ли уж извне была навязана нашему обществу материалистическая идея? От немецких ли химиков и физиологов, вульгарных материалистов, пришла к нам? От пролетарских ли мессий-двойников, капитальнейших основателей диалектического материализма? Или корни ее ближе, в той неистой ругани, с какой наш родной вождь и учитель посылал чуть ли не к матери их родной всех немецких профессоров? Не восходит ли вся эта грандиозная материалистическая идея, столь на ура принятая низами российского общества, к любимому выражению этих низов, к почти автоматической брани, срывающейся по поводу и без повода, как обыденное состояние души. А заключено в этом праязыческом проклятии сильное пожелание и задушевный совет, чтобы сын поскорее вернулся мужчиной в материнское лоно.

Не есть ли весь наш материализм — всего лишь наукообразное облачение мата, как первейшей инцестуальной потребности первобытной души? И тогда материализм вполне явит свою сущность как философская матерщина, которая столь же благоговеет перед материей, как сын,

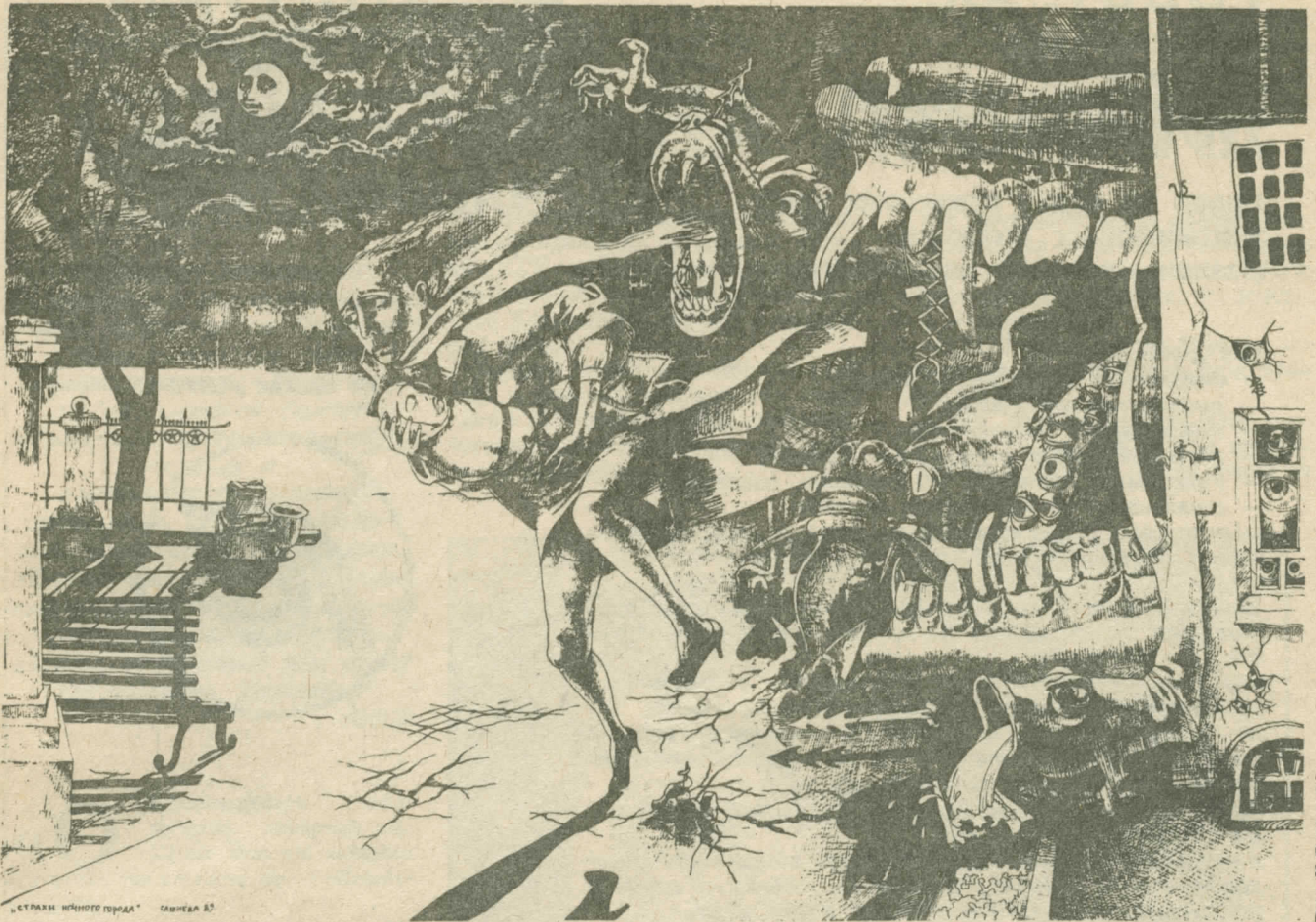

Рис. И. Сашчева

употребляющий свою мать. Удивительно ли, что материализмом клялась и присягала ему самая уголовная партия на свете: это и была в ее устах не просто матерщина, но матерный посыл к действию. Уж как было матери не разнежиться под своими сноровистыми отпрысками! Или, растерзанной, скорчиться от горя и дух испустить?

Как известно, цивилизация, придя на смену дикости, налагает запрет на кровосмесительные браки, потому что они ведут к вырождению потомства. Кажется, СССР — первый пример цивилизации, построенной на духовном кровосмесительстве: сын замещает Отца в лоне матери-земли. Этим исключением советская цивилизация подтвердила правило, быстро впад в состояние дикости и социально-биологического вырождения.

Кстати, не случайно Библией этого

нового кровосмесительного мира стал роман Горького «Мать». И тем более не случайно, что героем этого романа стал сын, который повел мать за собой. Злобный отец-самодур, выведенный на первых страницах, быстро умирает от запоя — так автор рассчитывается с верой в Отца, этим «опиумом народа», чтобы освободить рядом с матерью место для сына. «Это великолепно — мать и сын рядом!» — заучивали мы со школьных лет, не чувствуя горькой подоплеки этих волнующих слов. И писали сочинения о том, как мысли и дела сына переполняют мать, как под влиянием Павла распрямляется ее душа и молодеет тело.

Не случайно и то, что эта «очень нужная», по словам Ленина, книга писалась сразу после поражения первой русской революции, в 1906-1907 гг. — одновременно с сочинением самого вождя «Материализм и эмпирик-

ритицизм», где научно доказывалось то же, что художественно в «Матери»: что материя от Отцовского начала совершенно независима и что ее ждет несравненно лучшая участь в союзе с сынами-революционерами — преобразователями земли и неба. Так, в суровые годы поражения сынов от батюшки-царя мстительно закладывалась Эдипова философия и эстетика будущего кровосмесительства.

Будем же благодарны Фрейду хотя бы за то, что он позволяет нам поновому перечитать наши школьные тетрадки и студенческие конспекты: с навсегда решенным основным вопросом философии, а также с положительными чертами героя-коммуниста. Там, где мерещился нам пламенный Прометей, скорее всего обнаружится слепой Эдип.

ГОССТРАХ РОССИИ ПРЕДЛАГАЕТ

более 40 видов страховых услуг,
учитывающих интересы
различных слоев населения.

Это договоры:

- смешанного страхования жизни;
- дополнительной пенсии;
- пожизненного страхования;
- репродуктивного страхования женщин;
- страхования туристов, спортсменов, пассажиров;
- страхования от несчастных случаев;
- различных видов страхования детей (к совершеннолетию, к бракосочетанию, от несчастных случаев).

Большой выбор услуг и по страхованию имущества, принадлежащего гражданам на правах личной собственности:

строений, предметов быта, антиквариата и изделий из драгоценных и полудрагоценных металлов, видео-, теле- и радиоаппаратуры, всех видов транспорта, крупного рогатого и мелкого домашнего скота, плодовых и декоративных деревьев и кустарников, семей пчел и пр.

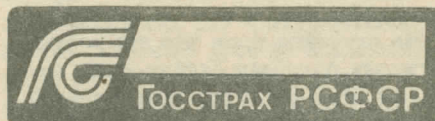
Предприятиям и организациям мы предлагаем заинтересованный диалог в разработке и реализации программы комплексной страховой защиты рабочих, служащих и членов их семей с использованием различных видов страхования, совместный поиск нетрадиционных путей страхования, взаимовыгодные условия вложения средств в проведение социальных мероприятий.

Госстрах России располагает широкой сетью страховых организаций, высококвалифицированными кадрами, двадцатимиллиардными запасными и резервными фондами, позволяющими полностью выполнять договорные обязательства. Наши тарифы — самые минимальные в стране.

Если Вы готовы к сотрудничеству с государственными страховыми фирмами России — обращайтесь по адресу: 103381, Москва, Неглинная, 23. Правление Госстраха Российской Федерации.

Телефоны для справок: 200-29-95; 200-47-77.

На правах рекламы

ПРАВЛЕНИЕ ГОССТРАХА РСФСР

Александр МИНКИН

СТРИПТИЗ НА ЛУБЯНКЕ

К читателям «СТОЛИЦЫ»

Редакция уведомляет подписчиков и покупателей, что статья «Стриптиз на Лубянке» предназначена для военнослужащих Комитета госбезопасности (кроме проходящих срочную службу), научных и инженерно-технических работников, профессорско-преподавательского состава. Прочих настоятельно просим воздержаться от чтения или, по крайней мере, пропускать цитаты, специально для этого выделенные курсивом.

Автор.

«**О**бщественность возмущена клеветой на КГБ!» Это мы слышим все чаще. Но слышим не от общественности.

Но не буду лукавить — я знаю, где водится та «общественность», что возмущена клеветой на КГБ.

Защитники ЦК СССР преимущественно встречаются в ЦК КПСС, в двух-трех редакциях («Молодая гвардия», «Щит и меч», «Пульс Тушина») да во всех модификациях общества «Память».

Они кричат об очернительстве, клевете, дискредитации органов — и это понятно: органы задеты за живое. Но почему бы не опровергнуть клевету? Почему не заявить: мы не сажали, не убивали, не пытали, не кидали в психушки. Нет. Сердятся, но не опровергают.

Грешил нападками на КГБ и я. Но ни разу органы мне не возразили. При личных встречах, правда, гневались, но чтоб официальное опровержение прислать — никогда.

И брало меня сомнение. Вдруг я клеветник? Недавно корреспондентка Би-би-си кричала на меня и топала ногами — за одну лишь мысль, что и в КГБ встречаются коррумпированные элементы. Накануне ей кто-то из сотрудников Лубянки объяс-

нил, что кругом одни воры, рэкетеры, кооператоры и их сообщники. Только в КГБ — все рыцари. Англичанка поверила. Специально ее не называю, чтоб Крючков ей путевку в санаторий не дал.

Завидуя английской доверчивости, стал я прикидывать: как мне получить о КГБ безупречную, неопровержимую информацию. И, желательно, положительную.

Все мечталось: найду положительный материал об органах, похвалю их от всей души... Тут почему-то мечты обрывались. Не надеялся, что найду.

А — нашел!

«С 1953 года чекисты Бурятии занимаются реабилитацией незаконно осужденных».

«Пора больше рассказывать людям и о конкретной работе службы госбезопасности. На нашем заводе по

Фото Г.Болрова

производству гипсоволокнистых плит люди положительно оценивают работу органов госбезопасности, понимают необходимость их существования. Мы получали и получаем от чекистов конкретную помощь.

Вот почему гипсоволокнистость у нас непревзойденная!

«На заседании совета при начальнике УКГБ СССР по Воронежской области... подчеркивалась необходимость дальнейшего усиления работы сотрудников УКГБ по... решению экологических проблем».

Здорово! Просто здорово! Защита среды — как это важно!

А преступность?

«Приношу сердечную благодарность сотрудникам КГБ г. Коломны Ивано-Франковской обл., которые задержали вымогателей, терроризировавших мою семью на протяжении двух недель. Преступники требовали большую сумму денег, угрожая смертью жене и расправой над тремя нашими малолетними детьми».

А урожай?

«С 6 августа с.г. каждый понедельник с площади Дзержинского отправляется колонна автобусов, вывозя очередную смену в 600 человек для сельскохозяйственных работ на пойменных полях...»

Вот сколько крестьян в штатском! Молодцы. Но что там картошка! Они и о душе не забывают.

«Двери нашего детского дома всегда открыты. С нетерпением и неподдельной радостью ждут воспитанники своих шефов — сотрудников управления КГБ... не столько подарки радуют детей, как возможность непринужденного общения...»

Прервем восторги. Утром слезы умиления. Оценим источник цитат. Он безупречен и неопровержим. Называется «ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ КГБ СССР».

Формат, как у «Столицы». Бумага лучше. Но есть и более существенные отличия. В бюллетене КГБ нет выходных данных. Незвестны тираж, типография. Нет цены. Нет списка сотрудников. Нет телефона, нет адреса. Непонятно, куда звонить об опечатках, куда писать письма.

Зато сообщается, кому можно этот журнал читать.

«Информационный бюллетень КГБ СССР» предназначается для военнослужащих Комитета госбезопасности (кроме проходящих срочную службу), научных и инженерно-технических работников, профессорско-преподавательского состава».

Далее перечислены те, кому можно журнал показывать (а в руки не да-

вать).

«Руководителям территориальных органов КГБ и особых отделов КГБ СССР с «Информационным бюллетенем КГБ СССР» знакомить партийных и советских работников до секретарей райкомов (горкомов) КПСС и председателей райгорисполкомов Советов народных депутатов, командование и начальников политорганов войсковых частей Министерства обороны, других министерств и ведомств до командиров и начальников политотделов дивизий и им равных, руководителей судов, прокуратуры, подразделений и органов МВД до районного (городского) звена».

Надеюсь, среди читателей «Столицы» найдутся секретари горкомов КПСС, начальники политотделов дивизий и им равных. Прочих просил бы воздержаться от дальнейшего чтения цитат, а вышеприведенные — немедленно забыть.

У меня есть серьезные сомнения в том, могу ли я приравнять себя к кому-либо из перечисленных начальников советского народа. Но сделанного не воротишь. Признаюсь: я прочел. Меня мало утешает, что я где-то слышал, будто бы журналист имеет право добывать и распространять информацию. Сегодня кажется, что имеешь право, а завтра читаешь очередную Указ, и оказывается...

М-да, не будем о грустном.

Вернемся к бюллетеню КГБ СССР. Тираж — тайна? Не думаю. Перечисленных лиц сложить да перемножить (на области, райкомы, дивизии) — вот и будет тираж. А что прочел недозволенное — бояться нечего. Ни одного плохого слова о КГБ там нет. Только хорошее. Как о мертвом. Как в некрологе.

А мы рады своим тиражом в 300000 поддержать добрую славу КГБ. Тем более, в то время, когда...

«есть организующая сила, которая преднамеренно дискредитирует КГБ... надо держать глаза открытыми и видеть, что спецслужбы кровно заинтересованы в максимальном ослаблении Комитета. И здесь их интересы и наших мафиози полностью совпадают. Порой очень трудно понять, какая цель у авторов той или иной статьи. Разобраться в истинном положении дел? Нанести удар в спину? У мафии есть деньги для такого удара...»

Видите? Опять: мафия купила прессу, чтоб та «ослабляла Комитет». Обидно, что мафии больше не на что деньги тратить. Только грошовая пресса у нас в изобилии. Обидно и мне: опять оскорбляют. Вот, честное

слово, — хвалю чекистов почти бесплатно. С робкой надеждой, что это смягчит мою участь, когда...

Не будем о грустном.

Будем о прекрасном и высоком. Искренне скажу: читал «Бюллетень» и не мог начитаться.

Местами, правда, брали сомнения. Какая связь меж чекистами и качеством волокнистых плит? Если 600 — на заливные дуга, то сколько ж их там, возле «Детского мира»? Чему они детей учат — бдительности? распознаванию врагов социализма?

«Выражаем огромную признательность чекистам за акт милосердия — передачу здания районного отделения КГБ под детскую консультацию райбольницы...»

Коллектив центральной районной больницы,

г. Вилюйск Якутской АССР».

Это из «ПОЧТЫ ПРЕДСЕДЕТЕЛЯ КГБ СССР» — есть в «Бюллетене» такой раздел.

Скажите, председатель Крючков, сколько ж ваших молодцов в Богом забытом Вилюйске? Почему у них было целое здание, а не комнатка в РК КПСС? И где они теперь расположились? Кого выселили? И что — ради Бога! — что рыцари делают в Вилюйске? Зуб даю — там нет шпионов.

Хотя, если поискать...

«Так, сотрудники Комитета госбезопасности Таджикской ССР зафиксировали интерес членов бандформирования Амира Латифа, действующего в Имам-Сахибском уезде провинции Кундуз Афганистана, к работнику одного из совхозов гражданину «Ч», который занимался заготовкой кормов для животноводческой фермы за линией пограничных инженерно-технических сооружений. Заместитель Амира Латифа по разведке Ходжа Рауф и руководитель агентурной группы Амирмамад несколько раз по своей инициативе встречались с «Ч», вели его активную панисламистскую обработку, настойчиво склоняли к участию в борьбе против «неверных».

Может, все это и так, но не дает покоя вопрос, сколько высокооплачиваемых специалистов и с помощью какой электроники фиксировали панисламистскую обработку скотника?

Впрочем, много раз я слышал, как КГБ гордится своей рентабельностью. Поймали на границе, отобрали золото, иконы, бриллианты... Вот Коллегия КГБ СССР сообщает:

«Только за 1989 год по материалам органов КГБ... государству возвращены незаконно приобретенные ценности на сумму более 170 миллио-

нов рублей».

Немало! Но как подумаешь, что на КГБ у нас только по официальным данным за три миллиарда тратится...

Говорят о рентабельности. Но общаются только добычу (прибыль). О расходах ни-ни. Как же судить о рентабельности? А в валюте сколько тратят! По всему миру тысячи наших шпионов что-то пьют, кого-то вербуют. Но я — за. Чем больше их там — тем меньше здесь.

Во времена Сталина — все делали зэки. И лес валили, и самолеты проектировали, и атомную бомбу создавали (одни — здесь, в тюрьме, трудились-думали; другие — на Западе вкалывали-воровали).

Во времена Горбачева — все делают кагебешники. Контрабандистов ловят вместо таможенников, воров — вместо милиции. Картошку копают, дома строят, детей воспитывают, станки налаживают. В результате пошли нам бесплатные подарки из-за рубежа. Крючков не растерялся, президент подмахнул — и вот уже читаем в «Правде» слова председателя КГБ СССР:

«Комитет госбезопасности придает первостепенное значение выполнению поручения Верховного Совета СССР по борьбе с экономическим саботажем и осуществлению контроля за целевым использованием импортируемой продукции. Чекисты уже приступили к проведению необходимых мероприятий... Созданы штабы в центре и на местах. Видите: тотальная мобилизация, штабы по всей стране, сотни групп, пенсионеры. Кажется, все резервы исчерпаны. А мы оплачиваем дорогой чекистский контроль за даровыми макаронами.

Проходит месяц, начинается грабеж, и в «постановлении кабинета министров СССР» читаем:

«Для обеспечения строгого выполнения мер по обмену и изъятию из обращения денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года поручить Госбанку СССР, Министерству финансов СССР и КГБ СССР организовать и направить в центральные (национальные) банки республик, республиканские банки Госбанка СССР специальные группы сотрудников, наделенные чрезвычайными полномочиями по контролю за выполнением Указа Президента СССР и настоящего постановления вплоть до права принятия на себя в случае необходимости непосредственного управления банковскими учреждениями. Министерству финансов СССР и КГБ СССР организовать...

МВД СССР и КГБ СССР принять меры к усилению...»

Какие же силы нужны! Откуда взять? Ведь чтобы захватить, скажем, национальный банк Азербайджана, нужна минимум дивизия — дешевле не отдадут.

Еще денек-другой, и новый Указ о входе куда попало, обысках и т.п. И опять КГБ. Уже без докучного оформления ордеров и санкций прокурора.

Но о душе не забывают: «... Центр общественных связей КГБ СССР намерен приступить к выпуску общественно-политического и литературно-художественного журнала».

И вздыхают:

«Еще недостаточно широко практикуются творческие встречи, брифинги, пресс-конференции и другие мероприятия».

И приказывают:

«Не должно возникать никаких сомнений в благородных целях чекистского труда».

И сердятся!

«На наш взгляд, все уже пресытились публикациями о заплочных дел мастерах сталинских времен. Сотрудники КГБ решительно осудили их, подчеркнув, что возврата к прошлому никогда не будет».

А чтобы не было возврата к проклятому прошлому — заботятся о смене:

«Велика и многообразна роль ветеранов органов и войск КГБ СССР. Как и всегда, в самые трудные для государства периоды, они показывают образцы самоотверженного труда, добросовестного отношения к выполнению служебного долга. Мы рассчитываем, что сегодня ветераны будут уделять еще больше внимания воспитанию молодежи, делиться с ней накопленным опытом, оказывать всемерную поддержку».

Чтобы наладить нашу жизнь:

«Чекисты должны собрать воедино ум, талант, трудолюбие и стойкость, все духовные и физические силы. Только так мы можем укрепить доверие трудящихся».

И доверие тут как тут:

«Б.Карбозов, декан Кзыл-Ординского пединститута: Откровенно говоря, я где-то полагал, что органы КГБ работают против неформалов. Своими выступлениями чекисты убедили меня в обратном. И вообще получил здесь массу ценной информации, понял, что в общественной работе мы должны быть добрыми союзниками».

Декан пединститута! Наставник

учителей педагогов! Какую «ценную информацию» вы получили у чекистов и почему вы у неформалов не получили ничего? Неформалы — плохие? А чекисты? Из кого набрали новые группы для раздачи подарков, для взятия банков, для обысков?

Когда магазин полон — нет очереди. Когда магазин пуст — тоже нет очереди. Мы покончили с очередями вторым способом. Куда делись безработные продавцы? Чем заняты?

Поймите, меня волнует не то, насколько профессионально умеет новенький чекист обыскивать. Если и не умеет — научится. Хитрого нет.

Волнует (только не сердитесь) моральный облик этих стройбатов коммунизма. Уж сколько раз твердили миру, что народишко у нас так себе — и вор, и хулиган, и бездельник, и фотку с голой девкой ему не давай — враз совратится. Но — всякий раз добавляли трибуны — есть у нас полтора исключения: КГБ и Армия. Мол, армия еще малость грешит, особенно если ее попросят. А чекисты — все пламенные революционеры с холодным сердцем и пустой головой. Верю. Весь мир верит. Включая Би-би-си.

Но не может не удивлять досадное совпадение: рост рядов КГБ и рост преступности.

Читаю в «Бюллетене»:

«В среде простых советских людей КГБ пользуется и всегда будет пользоваться глубоким уважением и признанием. Чекисты и разведчики — любимые герои наших детей».

Всегда — это вечно? Бедные дети, бедные павлики. Я тоже был павликом. И верил, и любил, и наизусть знал подвиг разведчика, и мог часами разговаривать фразами Кадочникова: «Терпение, Штютинг, и ваша щетина превратится в золото!»

Но терпение кончилось.

Я спрашиваю председателя Крюкова:

— Почему наши родные гигантские безупречные спецслужбы до сих пор не развалили экономику «Общего рынка»? Почему не расчленили на штаты Соединенные Штаты?

Я спрашиваю любя.

Борис Константинович ЗАЙЦЕВ (1881—1972) прожил долгую, удивительную литературную жизнь. Первый свой рассказ он напечатал в 1901 году, в России, последний — спустя ровно семь десятилетий, в эмиграции, в Париже. Зайцев дружил с Буниным, Леонидом Андреевым, Блоком, близко знал Бальмонта, Бердяева, Мережковского, Марину Цветаеву. Согласитесь, трудно поверить, что еще в семидесятые годы можно было разговаривать с человеком, которому довелось встречаться, например, с Чеховым. Б.Зайцев встречался и описал эти встречи в своих автобиографических записках и статьях. Эссе о Горьком, которое мы предлагаем вашему вниманию, написано в 1932 году, то есть еще при жизни «буревестника революции».

первый, в ком так ярко выразилась грядущая (плебейская) полоса русской жизни. Невелик в искусстве, но значителен, как ранний Соловей-Разбойник. Посвист у него довольно громкий... раздался на всю Россию — и в Европе нашел отклик. Не удивляюсь, что сейчас Сталин так приветствует его: сам-то Сталин, со своими экспроприациями, бомбами, темными друзьями, был всегда двоюродным братом Горького. Горький лишь вращался в более приличном мире.

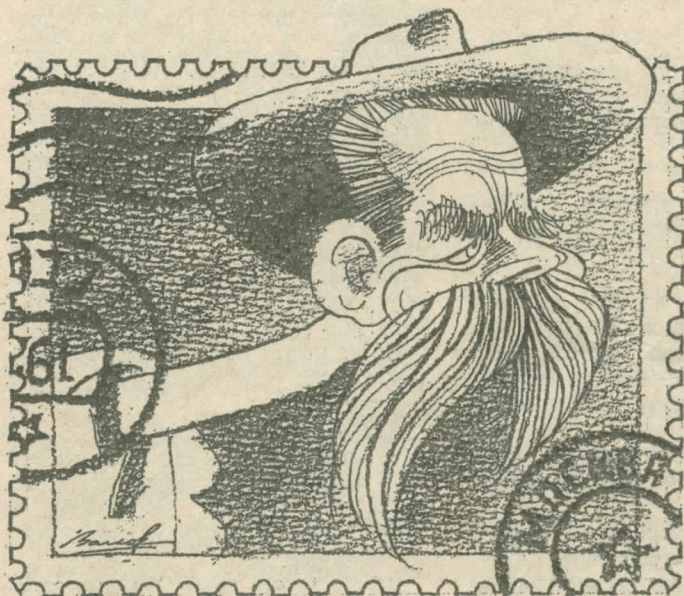

Рис. К.Валова

Борис ЗАЙЦЕВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

(к юбилею)

**Слух обо мне пройдет
по всей Руси великой
Пушкин**

Имя Горького связано с воспоминаниями дальними. Кажется, в 1898 г. был напечатан в «Русской мысли» рассказ его «Супруги Орловы» — первая вещь, по которой запомнился он (говорю о себе; для других, может быть, это «Челкаш», «Мальва» и т.п.).

В зрелом возрасте «Орловых» я не перечитывал. Но юношеское впечатление помню: очень талантливо и очень чуждо. (У Чехова кто-то говорит: «Голос сильный, но противный».) Грубые, мутные краски, сильный темперамент, нескромность, мудрование и сентиментализм — в соединении с яркой изобразительностью. Как писатель известного масштаба, Горький сразу показал себя. Вот такой я, хотите, меня любите, хотите нет. Известен успех его начала.

Нельзя сказать, чтобы он был незаслужен. Явилось в литературу новое, своеобразное — новый человек заговорил о новых людях. Все, конечно, помнят знаменитого босяка горьковского — сквозь ходули и слащавость от него все же отзывало Нижним, Волгой — Россией.

Встретиться с Горьким пришлось очень скоро, у Леонида Андреева. Высокий, сутулящийся, в блузе с ремешком, слегка закинутая голова с плоскими прядями волос, небольшие бойкие глаза, вздернутый нос, манера покручивать рыжеватые усики, закладывать руку за пояс-ремешок блузы, чтобы что-нибудь изрекать, окая по-нижегородски... — таким он помнится. Большая, все растущая слава. И некоторые уже «знамя», наклон влево. Чехов — чистая литература, Горький — вывеска для некоего буревестничества. В этом смысле он роковой человек. Литературно «Буревестник» его убог. Но сам Горький —

(Этот просвещенный мир, увы, долго не распознавал истинного его лица...)

Правда, он это лицо затушевывал. О, Горький мог отлично играть под «любителя наук и искусств», чуть ли не эстета. Образованным не был, но читал много. (И мучительно старался подчеркнуть, что он «тоже кое-что понимает».)

К удивлению оказалось, например, что он любит Флобера! (Сомневаюсь даже, мог ли его в подлиннике читать.) Вот на этом мы встретились в 1905 г. — он оказался моим издателем.

При буревестничестве своем и заступничестве за «дно» Горький принадлежал к восторгающимся деньгам. Он любил деньги — деньги его любили. (Признак, что уже не принадлежал к большой русской литературе.

Ни Толстого, ни Достоевского, ни Тургенева, ни Чехова не вижу дельцами, а если бы занялись чем-нибудь таким, прогорели бы.)

Горький не прогорел. При нем, как и при Сталине и других, всегда были «темноватые» персонажи, непосредственно делами его занимавшиеся. На них, при случае, все можно было и валить. Не знаю близко дел горьковского «Знания». Разно о них говорили... Во всяком случае, сборники шли превосходно. Писателей ублажали. Таких гонимых, как «Знание», никто не давал тогда («Шиповник» явился позже). Предупредительность, любезность, почти доброта — все это я на себе испытал. Горький взял у меня перевод «Искушения св. Антония» Флобера (для сборника и отдельного издания). На нынешний курс выходило по тысяче франков за лист (перевод!). Было это в 1905 г. при начале революции.

Горький жил на Воздвиженке, рядом с «Петергофом», против Архива Иностраных Дел (какие в саду чудные ветлы, тополя — весенняя радость Москвы!).

Говорили, что черносотенцы готовят погромы. Горького, в огромной его квартире, охраняли. Я был зван на обед. Первое, что в прихожей бросилось в глаза, — выглядывавшие из-за дверей усатые чернявые физиономии восточного типа: будущие «друзья» восстания — ныне караул. Эти кавказцы, к счастью, с нами не обедали. Но «писатель из народа» был, конечно: тоже неизменный антураж бытия горьковского. Обед отличный. Хозяйка, Мария Федоровна Андреева, — еще лучше. Некогда восторгалась мы красотою ее в «Потопу» Колоколес (Раутенделейн), потом разные роли она играла в Художественном театре... В те наивные годы никак нельзя было вообразить, как дальше все сложится в ее жизни... В те времена была она блистательной хозяйкой горьковского дома — простой, любезной, милой. Да и сам Горький... Вспоминаю тот вечер, что плохого могу я сказать? Решительно ничего. Все как в «лучших» просвещеннейших домах. Разговоры о Брюсове и Бердяеве, «Новом пути» и Художественном театре, любезности, кофе, ликер. В сущности, всю жизнь так обедать, разговаривать и приходилось — будь то Петербург, Москва или Париж. Но вот Горький оказался особенный человек: с ним всю жизнь не пообедаешь.

А с Флобером и «Антонием» все обошлось отлично.

Разумеется, никто Горького не громил. Сам он, как раз вскоре после этого в газете своей «Новая жизнь», выпустил когти: произвел погром Толстого и Достоевского («Мещане, знае-те-ли...»). На этих «мещанах» Максим Горький, переезжавший с просто хорошей квартиры на великолепную, из одного первоклассного отеля в другой, — засел довольно надолго. Так называемые «годы реакции» (с 1906 до войны) проводил в большинстве за границей. «Знание» в это время стало сильно сдавать, более модным и столичным оказался «Шиповник». Да и сам Горький находился в упадке. Первый, бурный успех его прошел, данных для успеха истинного и глубокого и вообще не было. Не зря появилась статья Философова «Конец Горького». Ю.И. Айхенвальд ответил: «Никогда Горький и не начинался». (И никогда не мог простить Юлию Исаевичу этих слов Горький, что, впрочем, и понятно.)

В те годы я его почти не видал. Запомнилась одна встреча в Эрмитаже петербургском перед самой войной. Высокий человек, в черном пиджаке (прошла мода на романтические блузы с ремешками), вздернутый нос, рыжеватые усики... И ни на кого этот мастеровой никак не действует. Было время, достаточно ему появиться в фойе Художественного театра, и тотчас толпа. А теперь ходят студенты, барышни, дамы, смотрят картины, на Горького хоть бы взгляд. Значит, прошлой слава.

— ... Здравствуйте. Удивительное, знаете ли, это культурное хранилище, Эрмитаж. Прямо восхищаться приходится... Вот, например, этот Боттичелли...

— Алексей Максимович, это не Боттичелли.

— Нет, нет, не говорите... Боттичелли.

— Это Беато Анджелико.

Разве такой уж грех спутать Анджелико с Боттичелли? Но доктринальный тон, а потом краска смущения и раздражения. («Я не какой-нибудь босак, я Максим Горький, культурный писатель...»)

Вот какие времена: Горький стеснялся Беато Анджелико. Видно, что еще не воевали.

Казалось бы, по романтизму ранних его лет, по патетичности, индивидуализму Горькому из левых ближе

всех эсеры. Но он терпеть не мог русский народ — особенно не любил крестьян. Может быть, слишком хорошо на своей шкуре познал жизнь низов. Прекраснодушия интеллигентского в нем не оказалось. И затем, думаю, деляческая, грубая и беззастенчивая «линия» большевиков больше ему отвечает, чем «туманный идеализм» эсеров (с неким религиозным уклоном — это он всегда ненавидел). Ленин, решительный и циничный (если надо, солжет, если надо, предаст), — ему много ближе какого-нибудь Каляева. Реалисты были большевики — как будто бы и далеко метившие, но отлично знавшие низкую сторону жизни (три четверти «гениальности» Ленина и состояли в том, что сумел вовремя сыграть на низких страстях).

Кажется, в полосе литературного упадка Горький еще ближе сошелся с большевиками. На острове Капри, где жил, вокруг него кишели эти люди, чуть ли не из ленинской пропагандистской школы. Да и сам Ленин бывал. Горький угадал, где будущая сила, — и отчасти к ней прильнул. Что-то тесно, внутренне связывало его с Лениным, гораздо больше, чем с приятелями м о л о д ы х лет: Андреевым, Шалапиным. На литературе его тоже это отразилось.

Рост истинного художника нередко в том заключается, что от раннего и чрезмерного, от непосредственного «трепета чувств» переходит он к более крепкому, суховатому, обдуманному — глубокому. Бывает даже так, что в этой зрелой полосе он имеет меньше успеха (Пушкин, Гете). Может быть, Горький тем же утешал себя в полном неуспехе натянутой и скучной «Матери» (основное произведение зрелого его периода). Во всяком случае закат свой, и довольно скорый, переживал нелегко. Утешения, справедливые для Пушкина, Гете, для него не подходили. Ибо те развивались, росли, углубляя свое мироощущение. Зрелое творчество их становилось не по зубам толпе. Они меньше имели успеха потому, что слишком перерастали середину, и художество их питалось из глубоких источников религиозно-философских. Горький же поставил на марксизм. Правда, в ту пору еще осторожно. Сам был слишком силен, своеобразен, чтобы целиком лечь «под стопы паньски». Но последствия сразу определились: не было еще случая, чтобы выигрывал (внутренно) художник от соприкосновения с марксизмом. Острой талмудической се-

рой выжигает он все живое, влажное, стихийное в искусстве. Вот уж подлинно закон, а не благодать! Искусство все построено на благодати и на живой таинственной человеческой личности. Марксизм человека вообще стирает. Он мертв и не благодатен. Враг художника. От него должен всякий, желающий идти «дорогою свободной», отрещиваться, как от нечисти.

Горький не сделал этого.

И вот каково положение пред революцией: Горький очень знаменит, но почти не «действующая армия». Книги его идут слабо. Интересы к нему никакого, ни в публике, ни в критике, ни среди художников слова. «Все в прошлом» — это Горький 1912—1916 гг.

Да, но, несмотря на Капри, Ленина, сочувствие в войне Германии и ненависть к оружию русскому, — Горький все же русский писатель с весом, первоклассным именем, авторитетом. Пусть Толстой его не любил, все же Горький дружит с лучшими русскими писателями, принят и желанен в образованном обществе, оценен и за границей. По шаблону казалось бы — академия и безболезненный закат. Но Россия не Франция. С русской страной и русским писателем приключилось особенное — ни на кого и ни на что не похожее.

Литературно Горький в революцию не вырос, но и не очень сдал. Писал вечную историю некоей семьи «кулаков», «звериный быт» при царизме. Какой-нибудь К л и м, Ф о м а или Егор проходят жизнь с разными тяжкими и грязными эпизодами (любовь у него всегда животна), потом встречаются замечательных социалистов, и все меняется к лучшему. Временами, например, в «Исповеди» (и в другом романе с «семейным названием»), попадаются яркие описания быта людей. Помню впечатление, лет шесть назад, от новой его вещи: «Все-таки еще Горький держится...» Он действительно не терял формы. Даже в пределах врожденной аляповатости и вульгарности пытался над нею что-то делать. От молодости осталась внутренняя безвкусица, цинизм. И возросла антидуховность. Может быть, это одна из самых страшных черт Горького, чем дальше, тем грубей, мрачней, кощунственней он становился. Это сближало его с людьми «новой России».

Но не сразу — далеко не сразу — он сошелся с ними окончательно.

Долгое ли пребывание в интеллигенции, личные связи, свободолобие молодости — но поначалу Горький оказался даже неким enfant terrible революции. И газета его «Новая жизнь», и сам он в ней с большевиками враждовали. О, конечно, контрреволюционером никогда он не был. На первых порах позволялась ему дворянская вольность критики. Но только вначале. «Новую жизнь» все же закрыли. Горький был личный друг Ленина, и неприятностей для него самого не могло возникнуть... Он попал в положение либерального сановника при консервативном правительстве: ворчать можно, но про себя. А вообще начальство все и само знает, без критики.

В первые годы революции в нем появились новые страсти, окрепли и прежние. Из новых — к титулам, князьям, если можно, даже грандукам. Для Чека это было, пожалуй, зазорно: Горький хлопочет за рюриковичей и, по-видимому, кое-кому помогает. Во всяком случае, в это время появилось у него немало аристократических знакомств. Вторая страсть — к ученым. Не имел никогда никакого отношения к науке, он теперь твердо решил ее не выдавать. («Вы читали радиоактивиста Содли? Знаете-ли, пре-восходная брошюра...») Здесь, как и с князьями, принялся он развивать полезную деятельность. Правда, радиоактивист Содли в дайке не нуждался, но влюбленный в него русский буревестник насчет отечественных радиоактивистов хлопотал. Чуть ли не при его содействии учрежден был и паек «чекубу», благодаря которому не окончательно вымерли ученые.

Страсть третья — вполне новая и вполне в русском писателе неожиданная: к спекуляции...

В Москве, на Николаевском вокзале.

— Куда это вы, Алексей Максимович?

— Да в Петербург, знае-те-ли. Спекулировать.

Такой разговор передавал мне близкий к Горькому (и очень ему преданный) человек. С ним тот не стеснялся — впрочем, напрасно было и скрывать: горьковское «эстетство» неожиданно в революцию возросло. К восхищению Беато Анджелико, принимаемого за Боттичелли, приба-

вилось понимание в фарфоре, мехах, старинных коврах... а всего этого тогда появилось немало. И темных людей, вокруг Горького сновавших, тоже немало. Шушукали, что-то привозили, увозили. Доллары, перстни, табакерки... Та самая М.Ф.Андреева, что некогда играла Раутенделейн, теперь, по старой дружбе, летала «дипкурьером» в Берлин, тоже что-то добывала и сбывала, хлопотала, создавала «комбинации».

— Не нападайте на Алексея Максимовича, — говорил мне все тот же общий у меня с Горьким приятель, — он спас 278 человек!

Откуда это известно ему было с такой точностью — сказать не могу. Но и если 27, тоже отлично. Но вот странная черта: об этой деятельности Горького знали все, и кто бы мог ее не одобрять? А все-таки ему не доверяли. Пресса у него была неважна. Например, выборы председателя Союза писателей. Из оставшихся в России Горький несомненно был знаменитейший. Естественно и ему возглавлять оба отделения Союза — петербургское и московское. Но ни там, ни тут он не прошел (в нашем, московском правлении не получил ни одного голоса).

...Так из буревестника обратился он в филантропического изгнана, в подозрительного антиквара, «уго-варивающего» Держинского поменьше лить крови, в кутящего с чекистами русского писателя, в «кулака» и заступника ученых, в хозяина революционного салона, где мог встретиться Ягода и Менжинский со Щеголевым и другими пушкинистами или с «радиоактивистом» на пайке «чекубу».

Помню беглую встречу с ним в одной театральной московской студии. Шла его пьеса «Страсти-мордасти». Очень изменился Горький не только со времен Леонида Андреева, но и со встречи в петербургском Эрмитаже: был мрачен — совсем темное дуновение шло от него. При нем свита подозрительных личностей. После спектакля все они «проследовали» в какой-то кабинетик, где был снаряжен ужин. Помню тяжелое, шемящее ощущение: это уже не писатель. Что-то совсем другое. (Ни одного литератора, кстати, и не было с ним.)

Вот как показалось: в морозную ночь Москвы, когда одних расстреливают на Лубянке, другие мерзнут по Кривоарбатским, третьи («радиоактивисты») голодают — атаман со своей шайкой пирует в задней комнате захудалого театра.

В 1920 году, при другой встрече, Горький говорил мне:

— Дело, знае-те-ли, простое. Коммунистов гор-сточка. А крестьян, как вам известно, мил-лионы... Миллионы! Все пред-решено. Это... непременно так будет. В мире не жить. Кого больше, те и вырежут. Пред-решено. Коммунистов вырежут.

В 1921 году наступил летом голод — один из самых ужасающих в России. На Волге, в Крыму ели детей... все это на нашей памяти. Летом создался в Москве Общественный Комитет Помощи — знаменитый Помгол — под председательством Каменева. Это — детище Горького. Он убеждал Прокоповича и Кускову, он втравил и других в это дело сотрудничества с властью в грозную для народа минуту. Сам был где-то за сценой. Вроде маклера и зазывателя. Но в комитет не являлся, и когда всех нас арестовали, Горького не было с нами. Мы сидели в Чеке — вдохновитель, быть может, «спекулировал» в Петербурге или развлекался в Москве.

Все-таки, по сведениям нашим, эту историю он пережил не совсем легко. Еще горше оказалось дело с проф. Тихвинским в Петербурге, на всякий случай расстрелянным.

Горький расстроился окончательно и уехал за границу. Начались годы размолвки с советской властью, годы в Берлине, Сорренто, журнал «Беседа». Тут, по-видимому, и возникла серьезная, сложная, с «переменным успехом» обработка его и вновь приручение. В Берлине дружил он с Алексеем Толстым, только что перешедшим в «Накануне» и еще красневшим перед старыми друзьями. С Горьким сближало Толстого чувство изгнанности из порядочного круга. А круг темных личностей так же плотно обступал обоих, как и полагается. В ресторанах у Ферстера и других стыд топить не так трудно.

К 26-му году положение выяснилось. Толстой давно был в Петербурге, халтурничал, денежно преуспевал. Горький тоже окончательно перешел к «ним». Вот что писал он о внезапной смерти одного из величайших русских палачей, Феликса Дзержинского:

«Совершенно ошеломлен кончиной Феликса Эдмундовича. Впервые его видел в 9—10 годах, и уже тогда сразу же он вызвал у меня незабываемое впечатление душевной чистоты и твердости. В 18—21 годах я узнал

его довольно близко, несколько раз беседовал с ним на щекотливую тему, часто обременял различными хлопотами, благодаря его душевной чуткости и справедливости было сделано много хорошего. Он заставил меня и любить и уважать себя. И мне так понятно трагическое письмо Екат. Павловны (Пешковой)*, которая пишет мне о нем: «Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто знал его».

Когда я глядел, как он бродит между соснами, сгребая палочкой сухие листья, думалось: хорошо, должно быть, высоко, честно на душе этого большого человека и большого художника.

Ал. Толстой. (О Горьком, 15 октября 1932)

— Ну, вот, профессор, вы пожили в Москве, многих видели... Скажите, что говорят теперь о Горьком?

Иностранец:

— Одно говорят, я всегда одно слышал: проданный человек.

Некогда — это кажется теперь случившимся сто лет назад — Горького избрала Академия, наравне с Чеховым и Короленкой, академиком по разряду словесности. Государь его избрания не утвердил. В виде протеста Чехов с Короленко сложили и с себя звание академиков.

«Еду в Петербург спекулировать». «Бесконечно дорогой Феликс Дзержинский».

— Проданный человек.

Перевернутся ли в гробах Антон Чехов и Владимир Короленко?

Тот, кто не пустил Горького в русскую Академию, зверски убит с семьей горьковскими друзьями. Лицо Горького, с щетинистыми усами, смешное и жалкое, отпечатано на советских марках.

*Но дорого тебе, Литва,
Досталась эта голова.
Лермонтов*

Низость людскую большевики хорошо знают. Умение закупать — их

*Первая жена Горького.

дело. Список велик, есть и европейские «звезды», типа Бернарда Шоу.

Госиздат покупает сочинения нужного европейского писателя — хотя может печатать и даром, конвенции нет. Но купить лучше.

Горький мог, разумеется, изменить свое мнение о советах и их правлении. Вот если бы сказал он им «осанна!» и с осанною этою избрал бы бедность и безвестность, то пришлось бы над его судьбой задуматься. Но ему заплатили хорошо... Доллары, особняк, вино, автомобили — трудно этими аргументами защищать свою искренность.

Дали ему не только деньги. Дали славу. «На вольном рынке» ее не было бы, даже Западу Горький давно надоел. Но на родине «приказали», и слава явилась. Она позорна, убога, но ведь окончательно убог стал и сам Горький. В сущности, его даже и нет: то, что теперь попадает за его подпись, уже не Горький. У каждого есть свой язык, склад мысли, человеческий облик. Горький отдал его. Чрез него говорит «коллектив». Нельзя разобрать, Горький ли написал или барышня из бюро коминтерна! Горькому дорого заплатили — но и купили много: живую личность человеческую.

Слава же его, кроме позорного, имеет и комическое: назвать Горьким Нижний, Тверскую... Утверждать, что он выше Толстого и Достоевского. Окрестить именем его Художественный театр, созданный и прославленный Чеховым...

Тяжело писать о нем. Дышать нечем. Пусть он сидит там, в особняке Рябушинского, и плачет от умиления над собою самим — слава Богу, что ни одному эмигрантскому писателю не суждена такая слава и такое «благоденственное» житие: Бог с ним. На свежий воздух — дайте мне атмосферы!

Милый праведник Чехов!

1932

Дневник У.

«ГРОБ-АРТ»

ВЫСТАВКА ВАДИМА СИДУРА
Выставочный зал
Перовского района Москвы

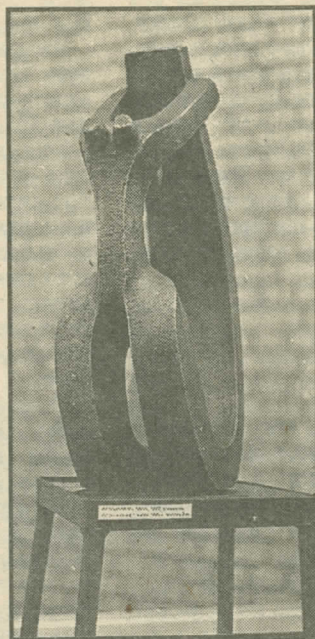
Произошло, наконец, то, во что сам прародитель «гроб-арта» едва ли поверил бы. Не в подвале, но в светлой кирпичной башне открылась постоянная экспозиция одного из крупнейших скульпторов современности — Вадима Сидура. На самом деле удивительно не то, что она открылась, а то, что не была создана гораздо раньше, когда выставки Сидура с огромным успехом проходили по всей Европе, а его монументальные скульптуры устанавливались на крупнейших европейских площадях.

В творчестве Сидура есть две основные темы. Первая нашла свое отражение в памятниках жертвам насилия и бесправия. Вторая тема — вечной женственности и нежности — раскрывается в разнообразных сериях мелкой пластики, в стихах и в графике. Ну и, конечно, нельзя не сказать о том, из-за чего искусство В.Сидура чуть не осталось навеки в подвале. «Гроб-арт» — искусство помойки — это лики жизни, увиденные сквозь образы смерти, где искореженная лопата может показаться осенним листом, похожим на человеческое лицо, несчастное в своей ненужности. И именно «гроб-арт» гармонично соединил обе темы Вадима Сидура, подтвердив органическую целостность всего, что происходит в мире, — от любви до политики, от рождения до смерти.

Елизавета ПЛАВИНСКАЯ

ВИВАТ, ПАРИЖ, ИЛИ КРИЗИС АНДЕРГРАУНДА
«ЕЛЫ-ПАЛЫ, ИЛИ МИТЬКИ В ЕВРОПЕ»
ЛСДФ, компания «Русь»,
реж. А.Учитель

В Европу всем нам хочется давно и сильно, и потому трудно подавить вздох, когда

видишь, как другие попадают туда с легкостью. Но если эти другие так же очаровательны, как Митьки в первых кадрах фильма Алексея Учителя, то вздоха даже не возникает. Митьки купаются в фонтане у Лувра, загорают в брюках на нудистском пляже, открывают не наше пиво нашей ремешковой пряжкой... Ну, прелесть!

Что до автора, то он, видимо, не находится в состоянии стойкого умиления и пробует вывести из этого состояния зрителей путем показа Митьков на фоне шедевров мировой архитектуры, а также их ленинградской жизни с получением 2000 долларов за картину, автомобилем «Вольво» и неглохой, хотя и не полагающейся Митькам по их заповедям, одеждой. Это наводит на мысль: андерграунду для сохранения всеобщей любви надо быть только в андерграунде.

Кончается фильм чем-то типа загородного пикника, где оставшиеся Митьки и околумитьковые люди празднуют возвращение уезжавших. Здесь Митьки — в своей среде и не выглядят диссонансом, очаровательным (в Европе) или не очень (в «Вольво»). И кажется, что им тут так хорошо, что и не надо было их куда-то возить. Разве что ради фильма.

И в Европу очень хочется.

Жанна СЕРГЕЕВА

МЕЖДУ ПРИСТЛИ И КУЗЬМИЧОМ

«СМЕРТЬ В КИНО»
«Мосфильм» (студия «Слово»), Одесская киностудия и «Синебридж», реж. К.Худяков

Неустанно стремление советских кинематографистов сказать сегодня с экрана все обо всем. Даже если, как в фильме «Смерть в кино», усилий наших лучших сценаристов эпохи застоя Э.Володарского, В. Черных и В. Фрида едва хватает, чтобы воссоздать некое подобие среднеевропейской пьесы в духе Дорренматта или Пристли.

Итак, таинственное ночное убийство, оказавшееся, впрочем, розыгрышем, десяток случайно собравшихся под одной крышей людей, каждый из которых оказывается на подозрении, и в роли частного детектива-психоаналитика — сталинист в законе с прозрачным прозвищем Кузьмич... Возможно, заведомая вторичность рассказанной в фильме истории и не раздражала бы, если бы не стремление его создателей компенсировать отчаянное отсутствие сколько-нибудь изобретательной интриги избитым набором социальных масок и схем. Как и другое стремление — уже режиссерское — обозначить подтексты там, где их нет, с помощью уверенного «наложения» на провалы в действии всегда готовой философовствовать музыки Таривердиева.

В роли юродствующего и вечно пьяненького Кузьмича выступает в картине И.Бортник, и эта работа воспринимается как большой привет Н.Михалкову, автору фильма «Родня», где Бортник «заюрдствовал» впервые. В роли номенклатурной мямли интеллигентского происхождения, как водится в советском кино последних двадцати лет, — А.Ромашин. В остальных ролях — также хорошие актеры, словно бы собранные режиссером на вечер воспоминаний своих предыдущих ролей.

Когда-то в фильме «Успех» — и не без успеха — Константин Худяков доказал

нам, что весь мир — театр, а люди в нем — актеры. В новом своем фильме режиссер попытался киноигру превратить в реальность. Не получилось. Может быть, потому, что в этом случае он шел от искусства к жизни, а этот путь нашему кино всегда давался с трудом?..

Вячеслав ШМЫРОВ

БЕДНЫЙ ФРЕЙД
«ТВАРИ»
Московский
«Приват-театр», реж.
Г.Мацкявичюс

Все происходило, как уже не раз в нашей истории. Собрались хорошие, даже талантливые люди, одержимые идеями творчества. Раздобыли денег, взяли прекрасную пьесу — и в результате создали черт знает что.

Единственное утешение в случае спектакля «Твари» состоит в том, что не они первые, не они последние.

Действие этого странного зрелища по мотивам «Эмигрантов» С.Мрожека происходит в палате реанимации, где ведут диалог два не очень профессиональных актера, один из которых изображает примитивного крестьянина, а другой — высокообразованного интеллектуала. Хотя, честно говоря, понять, что есть кто, довольно трудно. Оба они — эмигранты и совершенно одинаково реагируют на милую, судя по всему, даму, которая не слишком разнообразно эротизирует все происходящее. Оба в равной степени вожделяют и ненавидят как заграници, так и эту даму. Словом, политика и секс существуют на сцене. Мечта создателя «Приват-театра» — соединить сознательное и бессознательное, интеллектуальное и эротическое удалась вполне. После спектакля не хочется ни первого, ни второго, ни третьего, ни даже четвертого. Бедный Фрейд! Ему тоже, наверное, было бы томительно скучно: одну строку его «психологии бессознательного»

разматывают на протяжении почти двух часов.

Михаил ШВЫДКОЙ

ТРАГИКИ И КОМЕДИАНТЫ

МХАТ им. А.Чехова, реж. Н.Скорик

Второй раз подряд Олег Ефремов уступил для постановки основную сцену своего театра Н.Скорика. Однако спектакль вряд ли вселит бодрость в души тех, кто все еще не потерял надежду на возрождение МХАТа. Что-то до боли знакомое проступает в сюжете о леггерное нашего времени, который безуспешно пытается освободиться от мук совести, припав к лжесвятяням (еще не забыта панфиловская «Тема»). «Святяни» — здесь же: чуть ли не в натуральную величину макет верхушки храма заполняет почти все пространство сцены. Вращаясь, эта громоздкая конструкция убедительно демонстрирует свою бутафорскую сущность.

Главным исполнителям же вращаться не обязательно — уверенное использование практического опыта своих предыдущих ролей осложняет для популярных актеров создание сколько-нибудь убедительных характеров и ситуаций, хотя и облегчает сиюминутный контакт со зрительным залом. И если вести разговор в терминах

театральных амплуа, то главное — уяснить для себя, чем отличаются «трагики» от «неврастеников», а «комики» — от «комедиантов».

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

МАРШАЛ ЯЗОВ — НЕ АГАТА КРИСТИ

«Ночь длинных ножей». Студия «Русь», реж. О.Жукова

Хотим мы того или же, напротив, нет, но часто создается впечатление, будто наши представления об интригах в совполитике впитаны нами вместе с внеклассным чтением, с романами Стивенсона, Конан Дойла и Майн Рида, а затем чуть-чуть изменены в соответствии с современными зарубежными детективами.

В фильме «Ночь длинных ножей» представлена история переворота, которым заняты, судя по расплывчатым намекам, наши родные спецслужбы. Есть в картине и коварный умысел, и сложность интриги, и бывший спортсмен, выбранный заговорщиками в качестве убийцы абстрактного политического лидера, есть войска и танки, рокот которых доносится до зрителя из-за кадра. Но интересно другое. В представлении авторов фильма умыслы и замыслы вершителей политических драм не уступают по изысканности романам Агаты Кристи, а в исполнении могут с успехом соперничать с триллерами Стэнли Кубрика или Фрэнсиса Форда Копполы. Отнюдь. Вы видели фотографию товарища Язова? Не надо быть физиогномистом, чтобы понять: все эти интеллигентские штучки — не для нашей политики, весомой, зримой и грубой. В сравнении с событиями в Прибалтике большинство фильмов на подобную тему, в том числе и тот, что стал предлогом для данной заметки, — это, скорее, балет.

Так что можно, конечно, смотреть советские фильмы про перевороты, только не надо к ним относиться серьезно.

Ну и последнее. В фильме «Ночь длинных ножей» звучит песня ансамбля «ДДТ» в

исполнении Юрия Шевчука «Предчувствие гражданской войны». Хорошая песня. А какова связь между содержанием ленты и бойней штурмовиков Рэма — совершенно непонятно. Ну и Бог с ними.

Саша КИСЕЛЕВ

ЗА 1 Р. 50 КОП.! И СЕГОДНЯ!

«ОХОТА НА СУТЕНЕРА»
Студия «Латерна»,
реж. В.Дербенев

У популярной норвежской группы «А-Ха» была когда-то песня «Охота повсюду». Очень актуально для нас. Но пока не наступило время той самой Большой Общесоюзной Охоты, студия «Латерна» предоставляет нам возможность поглазеть на охоту за сутенером. За простым советским работягой, любящим красивых девушек, деньги и маму. Но не везет красавчику. «Подставляют» его да еще и избивают весь фильм долго и нудно. А далее все, как «у них». Ну только вместо виллы — грязная коммуналка, вместо «форда» — «жигуль», вместо «ихних» крутых ребят в темных очках и безупречных костюмах — отечественные клоуны в варенках и китайских кедах.

Все это сдабривается якобы воровским слэнгом и душещипательными завываниями отечественного ВИА: «Родина моя! Ты сошла с ума!»

Не знаю уж, как Родина моя, но у меня точно «крыша поехала». Ну, очень слабый фильм... Но зато всего за 1 р. 50 коп.! И сегодня!

Петр ФАДЕЕВ

P.S.: видео
Ведет Андрей ГАВРИЛОВ

СОВЕТЫ ЭМИГРАНТАМ

«ПОСМОТРИТЕ, КТО ГОВОРИТ!»

США, реж. Э.Хекерлинг

Прелестная комедия о материнстве, отцовстве, любви, сексе (простите, Михаил Сергеевич) и трудностях младенчества. Об этих трудностях зрителям рассказывает сам младенец Майки голосом суперзвезды Брюса Уиллиса, известного нам по фильму «Крепкий орешек». Добрый, нежный, лукавый фильм, в котором все актеры переигрывают именно столько, сколько надо, даже Джон Траволта. В картине — полезные советы нашим будущим эмигрантам: как доказать, что ты житель города, если на самом деле ты в нем не живешь, и как позвонить бесплатно по междугородному телефону.

Кстати, только что вышло продолжение этой ленты: «Посмотрите, кто еще говорит!»

АМЕРИКАНСКОЕ КИНО ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

«СУПЕРПОЛИЦЕЙСКИЕ ИЗ МАЙАМИ»

США — Италия,
реж. Б.Корбуччи

Когда-то итальянцы снимали американские вестерны, потом — американскую фантастику и американские саги о мафии. Теперь они в огромном количестве снимают просто американские фильмы. Отличить их от настоящих американских фильмов несложно по уровню. Актеры почему-то играют слабо, монтаж, как правило, никуда не годится, а сюжеты незамысловаты, как на «Мосфильме». И еще — юмор. Торт в физиономию и удар ногой в пах — это их вершина до сих пор. Впрочем, многим именно это и понравится. Тем более, что лента Корбуччи сделана чуть-чуть профессиональнее десятка других подобных.

И все же — Серджи Леоне, как нам тебя не хватает!

«ИВАН ИЛЬИЧ — ЗАСТРЕЛЬЩИК ПЕРЕСТРОЙКИ!»

— Андрей, мне тут про тебя два слуха рассказали...

— Какие?

— Значит, первый — что ты уезжаешь во Францию. А второй — это что «Взгляд» прикрыли не из-за Шеварднадзе, а из-за прошедшего в программе интервью по случаю юбилея твоей жизни и творчества», где ты с помощью мочалки и куска хозяйственного мыла, в натуральном своем виде, сидя в ванне, моясь, объяснял преимущества художественного метода соцреализма... Кстати, где ты мылся?

— У себя дома, в Чертанове... Хорошее интервью, правда?

— Замечательное.

— Мне оно тоже понравилось... Знаешь, Миша, мне тоже говорили, будто «Взгляд» из-за моего неглиже прихлопнули... Но все-таки это маловероятно. Куда более рискованным — даже с эротической точки зрения, если иметь в виду известное распоряжение Президента, — было выступление его Вице: мол, здоровье хорошее, жена не жалуется, всю ночь могу пахать с фонарем... и еще на решение женского вопроса в масштабах страны сил хватит — если опять-таки жена не преривнует... Это, Миша, крепко сказано!

— Да уж, посильнее «Фауста» Гете...

— Да и другие ребята у нас в программе «Время» так раздвигаются каждый день, что я со своей мочалкой — такие семечки...

А Франция — я в нее действительно уехал, накануне Рождества, а под Крещение вернулся, как видишь.

— А чего ты во Франции делал?

— Там были съемки фильма «Бердяев» нашего сверстника, очень хорошего, по-моему, режиссера Грибанова. Он поставил «Нехорошую квартиру» по Славкину, а «Бердяев» — первое его большое кино.

— Ты что, Бердяева играешь?

— Нет, Бердяева там вообще нет. Вернее, он есть — в документальном рассказе о нем отца Александра Меня. Причем ты представляешь: 7 сентября была последняя съемка Меня, а 9-го — его убили...

Поскольку мы все должны быть

Рок-певец Андрей ЛУКЬЯНОВ, автор замечательной песни «Иван Ильич — застрельщик перестройки», пьет чай в редакции «Столицы» под портретами членов Политбюро, но в компании обозревателя журнала Михаила ПОЗДНЯЕВА.

признательны Ильичу и ЧК, которые не пустили Бердяева в расход, а заменили ему «вышку» лишением гражданства и высылкой, то двадцать с лишним лет жизни Николая Александровича — это Франция. Вот почему там и я оказался. А играю я не Бердяева, конечно...

— И даже не Ильича?

— ... и даже не Ильича, а самого себя. Такая задумка. Там, в этом кино, двое относительно молодых людей нашего времени путешествуют «по бердяевским местам», и один из них — рок-музыкант Андрей Лукьянов. Ты, наверно, помнишь, я тебе об этом рассказывал, — я принадлежу к очень старому дворянскому роду, а мой партнер по фильму — выходец из потомственных российских крестьян. И наши две судьбы в советское время пересеклись — потому что и мои, и его предки были расстреляны как «враги народа». И мы своей судьбой, своими семейными историями подтверждаем предвидения Бердяева о развитии нашего общества — такие страшные предвидения.

Но мы — в отличие от отца Александра Меня — говорим не прямой текст о России и о Бердяеве, а, например, Коровьева с Бегемотом, посещаем, например, легендарный крейсер «Аврора»... «Вот, смотри, — я говорю, — отсюда, с этого легендарного крейсера, из этого орудия был дан залп, положивший начало новой эре...» Чего, кажется, смешного? Все же — правда, каждое слово! Но получают такие очень живые интермедии в более чем серьезном кино...

Эти съемки в Париже были завершающими, и сейчас уже идет период монтажно-тонировочный.

— Так ты чего, вернулся для того, чтобы озвучить кино?

— Нет, я вообще вернулся. Я тебе честно скажу: я когда ехал — я жену предупредил, чтобы ждала не меня, а вызова. С таким вот настроением ехал. Приезжаем, идут съемки. Потом — потрясающая встреча с Никитой Алексеевичем Струве, возглавляющим издательство ИМКА-ПРЕСС, он дарит свою книгу о Ман-

дельштаме... Потом — в общем, не запланированная моя встреча с моей теткой: она когда-то вышла за голландца, и вот мы в Париже встретились. Эту встречу сняли, она должна быть в картине... Потом — телефонные звонки: н а ш и м. И такое очень неприятное чувство: человек с первой фразы стремится поскорее закончить разговор, по всей вероятности, предполагая, что ты вот сейчас попросишь у него «бабок», или там пожить, или вообще поспособствовать «насчет задержаться»... А идите вы, думая! И при всем при этом — «Ребята, вы там живете такой настоящей жизнью, такой духовной, а у нас тут такая скука, тут жить нельзя...» Ну, слушай, если нельзя — я тебе верю, ты успел здесь пожить! — чего ж ты не едешь обратно? Билет купить — в очереди надо стоять? Визы месяцами ждать? Франки на рубли поменять? Ведь нет же проблем!.. Представь себе — не хотят. Чудаки такие...

А потом происходит вот что. Включаем телевизор. Какой-то город, вполне европейский. И — танк мчится на полном ходу! Тормозит резко — и как сумасшедший крутит башней! И стреляет! А в углу — титр: В и л ь и ч ю с... И буквально на следующий день вся их эйфория от «Горби» делает «пуф!» Мы снимаем возле метро «Сталинград», есть в Париже такая станция, и речь идет о том, что и Бердяев в годы войны впал в эйфорию — что простительно патриоту. Он, как и тысячи русских в те годы, заставил себя поверить, что свобода в принципе не может обернуться новой тиранией...

И я смотрю по телевизору этот ужас в Литве через каждые 15 минут, вперемежку с Хусейном, и просто физически начинаю ощущать: не могу здесь — и не хочу.

Летел в Москву — и что-то в ушах колотилось, какой-то дико знакомый ритм. А вчера пошел на концерт в поддержку «Взгляда» — я в нем не участвовал, мы — вся группа «Окно» — просто не успели собраться, — и вот Юрочка Шевчук запел: «Ро-о-одина! Еду я на ро-о-одину-у-у!» — и я, Миша,

Фото Ю. Штурмана

знаешь, чуть не разрыдался. Потому что — где ж мне сегодня быть, если не здесь?! Концерт удивительный был...

— А кто там еще выступал?

— Шевчук с «ДДТ», потом «Зодчие», «Алиса», «Машина времени» и Градский... И — сколько уж я концертов помню — первый раз такое чувство единения: все, ребята, тут уж не «Предчувствие гражданской войны», а «Родина-мать» зовет... И многих наших песен — так получилось, что люди их больше знают по «взглядовским» клипам, — их сегодня уже петь нельзя. Какие там песенки, ты что?!

— И «Ивана Ильича» нельзя петь?

— Это — тем более! Самый ужас в том, что для меня Иван Ильич всегда был дурак — и все! Ну, дурак! Даже просто в классических традициях нашей литературы... И это оказалось так привлекательно — сказать им, показать им: вы, ребята, дураки, вот вы кто. А они — убийцы. Ты посмотри на этих друзей... это, конечно, смешно, на их фоне сфотографироваться... но попади ты в руки самому смирному из них...

— Ты — обо мне?! Почему я должен попадать им в руки?

— Нет, я говорю «ты» расширительно — о каждом нормальном нашем соотечественнике. Потому что только ненормальному КПСС может быть мила. А я все больше верю, что наш народ всю дорогу КПСС тихо ненавидел...

— А кто такой Иван Ильич — по рангу? Секретарь обкома или член Политбюро? Или просто рядовой член?

— Образ собирательный. У меня потом был целый цикл про него, и там была такая, в частности, сентенция: «Любой Иван — у нас И л ь и ч!» Ты понимаешь, вот ведь в чем дело: Иван — скажем так, национальный характер, а Ильич — это уже характер заболевания...

Грубо говоря — так: эти ребята — убийцы, следовательно, принимать их я отказываюсь, входить в их положение, вставать на их точку зрения — отказываюсь, но... это уже просто профессионально, как актер, я должен объяснить себе их психологию, кстати, не ахти какую. Вот в чем наша трагедия: одно дело — Талейран там, или Иван Грозный, или какой-нибудь из двенадцати Цезарей. И другое дело — ну ты погляди, какие замечательные физиономии! Подлость в сочетании с глупостью, с дуростью, просто говоря, — это еще тот подарок!

И вот сейчас... Боже мой, сейчас мы едем работать в Мариуполь, который бывший Жданов, — и я не представ-

ляю, что там будет! Какой Ильич?! Как это — «Иван Ильич живет не напрягаясь»? Либо я — либо он, вот ведь как сегодня вопрос стоит. Конечно, три года назад мы не могли представить, что в ответ на слова: «Вы, Иван Ильич, преступник, вы нам всю жизнь испортили!» — он вынет пушку и шмальнет тебе в лицо... Мы как бы опьянели — знаешь, как старичок Плейшнер в «Семнадцати мгновениях», — от того глотка свободы, который нам дали вкусить.

— Слушай, а я что-то сейчас не помню премьеру «Ивана Ильича» во «Взгляде»...

— Ну что ты, это же история! Это — день закрытия XIX партконференции, перепалка Ельцина и Лигачева! И проходит песня все «Орбиты», от начала до конца, с Дальнего Востока, вслед за солнышком... Почему не сняли со второй «Орбиты» — до сих пор загадка! Наверное, потому, что все смотрели, как Борису Егор кричит, что тот не прав... Первым опомнившимся был Сагалаев — и на Москву «Иван Ильич» не пошел... но полстраны-то уже пело «Егор Кузьмич!» А на Москву через неделю или две мы вышли: вся страна видела-слышала, так чего уж там... Я горжусь тем, что буквально все песни группы «Окно» на телевидении прорывались постепенно, сквозь перегородки «Орбиты»... Но это столь же красивые сюжеты, сколь и драматичные! На свой страх и риск мой друг режиссер Максим Иванников и музыкальный редактор Юра Бершидский поставили на «Орбиту-1» клип «А русские идут!» — в общем, довольно-таки злую пародию на песни откровенно профашистской группы «Русские»... Ну, вот я русский, ты, Миша, русский... Русский ведь?

— Русский.

— Ну вот, видишь, как просто это слово произносится. А там — все с таким надрывом, с таким подтекстом нехорошим. Мы и спели: «Киргизы стоят, казахи сидят, таджики поют, а русские — идут!» И второй куплет еще, такой: «Японцы едят, испанцы едят, французы — очень хорошо едят, а русские — идут!» Что тут началось! Но уже все, братцы, слово не воробей...

— Да, это как Марк Захаров взял — и сказал про Мавзолей, и это потрясающий был момент: рухнула стена, наподобие берлинской. И все! И никак не исправить, не опровергнуть... Фантастика!

— Там на другой день таскали на ковер милейшего Юру Бершидского: «Вы допустили грубейший ляп! Я вас уволю!» — а он в ответ: «Вы извините, это в мои планы не входит...»

Когда-нибудь будет всерьез сказано, какую роль в перестройке сыграл «Взгляд» с его «горячим эфиром». И я себе, в общем, знаю цену, но все равно — в этом общем деле какая-то капелюшка моя была.

Мы приезжаем в какой-то город — не помню какой, много их было! — и нам говорят: «Мы вас очень просим, не пойте про Ивана Ильича, у нас первый секретарь Иван Ильич». Ну что ты думаешь, полный стадион, они же все этого ждут, как манны небесной... И первая же песня, разумеется, — «Иван Ильич!» И — на «бис»!!! И в самом конце — еще раз!!! А в одном украинском городе нам ребята принесли перевод, мы его успели разучить — и пели «Ивана Ильича» по-украински, под рев десяти тысяч беспартийных...

— Андрей, ну и что ты теперь будешь делать?

— Я твердо решил вступить в партию. К Ильичу. Николаю Ильичу Травкину. Я вижу, что это человек, умеющий стыдиться, комплексовать, завидеть от обиды или гнева. Мне, знаешь, трудно представить мою любимую Старовойтову сочиняющей указы наподобие некоторых президентских. Ты, может, помнишь, у Чехова есть фраза — дескать, порядочному человеку стыдно даже посмотреть в глаза собаке. Я чувствую, что сегодня нельзя быть в стороне — значит, надо быть вместе с теми, кому стыдно за то, что происходит с нашей Родиной...

Тут я приехал, купил «Куранты» — и читаю замечательный текст: «Честные люди (если такие еще в КПСС остались), сдайте свои партбилеты в ответ на кровь, пролитую в Литве!» Это ведь очень глубокие слова! И страшные.

Знаешь, в народе говорят, ни стыда ни совести. Ведь они на виду у всех сидят голые в ванне, в грязной воде — и все отмываются, отмываются, никак отмыться не могут, вроде того черного кобеля...

И как это мы, братцы, до сих пор не устроили им Нюрнберга? Это не заслуга — это ж глупость наша...

Татьяна МОСКВИНА

Продолжаем разговор о состоянии советского кино, начатый статьями Г.Черменской «Предчувствие кино» (№ 3, 1990 г.) и В.Кичина «Советского кино больше нет» (№ 5, 1990 г.).

Как-то по ТВ рассказывали, что основан совершенно замечательный клуб. Там собираются — цитирую — «бывшие самоубийцы». Я, наивно полагавшая, что бывший самоубийца — это труп, ушибнула себя за руку, но изображение на экране не изменилось — оно ясно давало знать, что бывшие самоубийцы пьют чай, жгут свечи и тихо беседуют друг с другом.

Было бы обидно покинуть этот свет и ничего не понять в нем. Главное дело, понять хочется не так уж много. Например: если никакого массового развлекательного кино у нас не было и нет, то чем я занималась все эти годы в зрительном зале и у экрана ТВ вместе с миллионами своих сограждан?

Я прочла уже сотни статей на тему, что нам нужен свой Спилберг, а его у нас нет, нам нужен массовый развлекательный кинематограф (впрочем, пишущие давали понять, что лично им он даром не нужен, но для этих... как их... для обывателей, пур лежан) — его у нас нет и не было. Печальную картину рисует А.Кабаков, рассуждая недавно в «Советском экране» о нашем кинематографе, не выдающем на руки массовому зрителю теплой гуманной продукции. Либо, говорит, доблестные чекисты, либо Сокуров.

То есть либо идеологически гадкие, низкопробные боевики, либо условно-элитарное кино. А остроумные культурологи П.Вайль и А.Генис в эссе «О Стивене Спилберге, Индиане Джонсе и хэппи-энде» («Искусство кино», 1990, № 10) считают, что отсутствие массового развлекательного искусства — не частность жизни нашего кино, но коренная черта советской культуры вообще. «Если оно (массовое развлекательное искусство. — Т.М.) и существовало в каком-то ущербном виде, то гласность с ним безжалостно расправилась». Был, пишут они, майор Пронин, теперь и его нет. «Похоронив старые образцы развлекательного жанра (а кроме майора Пронина и

СОВЕТСКОЕ КИНО ЕСТЬ! И НЕПЛОХОЕ

Штирлица, авторы никого больше не упоминают! — Т.М.), гласность ничего не предложила взамен».

Это из последних изысканий, могу подобрать не один километр в этом же духе.

Читаю и удивляюсь. Удивляюсь и читаю.

В памяти встают самые разнообразные имена, никак не ассоциирующиеся с «доблестными чекистами»... Л.Гайдай, Э.Рязанов, Л.Квинихидзе, Э.Лотяну, Е.Гинзбург, В.Меньшов, Г.Юнгвальд-Хилькевич, С.Дружинина, И.Масленников, В.Мельников... а им одно: «Вас не было и нет». Потому что массового развлекательного кино у нас нет и не предвидится.

Не было! Ни «Служебного романа», ни «Трех мушкетеров», ни «Бриллиантовой руки», ни «Шерлока Холмса и доктора Ватсона», ни «Соломенной шляпки», ни «Гардемарины, вперед!», ни «Мы из джаза»... ничего, ничего... боже, ничего... только Сталин, Хрущев, Брежнев, ГУЛАГ, колхозы и КГБ... и мы не влюблялись, не плакали, не делали глупостей, не снимали кино... «Джентльмены удачи»? — не было! «Собака на сене»? — не было! Но, может, «Криминальный квартет» или «Катала» — эти-то только что вышли, свеженькие, миленькие, полный зал сидит — нет, и не уговаривайте, не нарушайте отчетность.

Но послушайте! А как же наши актеры? Увенчанные славой и любовью миллионов людей, отдавшие кипучие свои силы на массовый (раньше назывался немножко иначе — популярный) кинематограф? Боярский, Леонов, Миронов, Никулин, Гурченко, Папанов, Муравьева (называю первых, что пришли в голову, без всякого изучения вопроса) — они нам приснились? А «Карнавал» Т.Лиозновой, а «Белый Вим Черное ухо» С.Ростоцкого, а «Холодное лето пятьдесят третьего» А.Прошкина, а... хоть пирамиду из названий выстроить, толку-то. Сказано же, четко, ясно и без запяток, раньше наше кино было серое и про одних большевиков,

а теперь чернуха, порнуха и полный кризис.

Да за что же вы, товарищи киношники, все это терпите?! Одно дело, когда критик ругает какую-то фильму, это уж в правилах публичного существования и тут красивше помолчать, но когда вас объявляют несуществующими и как бы не бывшими вообще — отчего вы не возмущаетесь, не составляете коллективных писем протеста: мол, критикуйте, коли ваша такая горькая судьбина, но признайте очевидное — мы были, есть и будем.

Нет, это ж надо... «Дни хирурга Мишкина»... «Открытая книга»... «Мой ласковый и нежный зверь»... «О бедном гусаре замолвите слово...», а «Белорусский вокзал» — что, элитарное кино? А «Зимняя вишня» — это, по-вашему, о доблестных чекистах? «Если бога нет, то какой же я после того капитан?» — сказал в «Бесах» Достоевского один персонаж.

Если Юнгвальда-Хилькевича нет, какой же я после этого критик? — спрашиваю я себя. Я не обожаю изделия этого режиссера, но будем справедливы: чему ж такому пакостно-большевистскому научили людей его «Три мушкетера» и «Узник замка Иф» про графа Монте-Кристо? Рядом с какой идеологией лежал Эльдар Рязанов? Чем провинился перед вечностью и абстрактным гуманизмом Гинзбург — автор «Свадьбы соек», «Руанской девы по прозвищу Пышка»?

Нет, все-таки трудно сыскать область человеческой деятельности, которая подвергалась бы у нас такой дискриминации, как популярное искусство. До сих пор не издать ни одной книги про Аллу Пугачеву! Прожить годы, буквально забытые очаровательным, полным жизни и огня, абсолютно деидеологизированным развлекательным кино, а потом сказать ему: тебя не было!

Кто спорит, Рязанов не Спилберг, Гайдай не Вуди Аллен. А мы что — американцы?

Здорово меня рассердили Вайль и Генис. Развлекательной литературы у нас, видите, нет! Иметь таких кудесников-фантастов, как Стругацкие, Кир Булычев... иметь счастье жить в одно время с гением — Эдуардом Успенским и сметь писать (да так брезгливо, точно лягушку препарируют!), что русские дети вынуждены читать английские книжки — своего, мол, ничего не было и нету... Нет, вот единственное, что хотелось бы мне позаимствовать из Америки, это: любовная сосредоточенность на своих делах и своих людях.

Скажите, пожалуйста, когда же наше кино, наконец, выйдет из кризиса? — допустим, кто-то тысячный спрашивает где-нибудь в Средствах Массовой Информации. И видно, что в кино он ходит раз в год, но точно знает, что кризис и вообще — ничего не было и нет, ну, это-то выучить немудрено. Положим, тот, кто ничего не знает, говорит чем надыхался — что в воздухе носится. А тот, кто все знает, — и говорить-то в нашем кино не будет, разве ж это кино — так, недоразумения на теле мирового киноискусства.

Но этот случай — когда автоматически толкуют о кризисе — еще, считай, кинематографу повезло. Куда хуже, если кино рассматривают в контексте борьбы с большевиками: за большевиков — плохое кино, против — хорошее. Причем если в кино просто фигурируют большевики (что поделаешь, были такие) и никак специально не говорится, что они — гады ползучие, то пиши пропало.

Знали бы вы, как влетело Виктору Титову, постановщику фильма «Жизнь Клыма Самгина», от самой прогрессивной в мире ленинградской газеты «Смена» только за то, что в его многосерийной, густо населенной эпопее есть, в числе прочих странных людей русской земли, и большевики.

Умной, добротной, иногда весьма захватывающей работе Титова горько не повезло — что называется, не в коня оказался корм. К сожалению, все, что не пропагандирует какой-либо отвлеченной идеи, а выбирает в качестве точки отсчета «человеческое измерение», у нас имеет трудную судьбу — не слышат, не понимают. Вот как и Теплов (не кинокритик, кинокритиков у нас в Питере семнадцать человек, я всех знаю) оценивает Самгина — главного героя фильма: «Мечущийся, подлый, низкий, грязный, двуличный, перепуганный, перепутанный, лишний, мешающий, паразитический «мальчик» («Сме-

на», 2 декабря 1990 г.) — Боже, это о красавце Руденском, с его уникальной аристократической «выправкой», которому отдана вся симпатия, вся грусть, вся тоска авторов фильма, — ведь в том и беда, что человек хотел остаться самим собой, обрести себя среди серпов и молотов истории, быть верным звуку своей души в ди-ком скрежете лопат, соскребающих кровь Тех и Этих — всех, всех, и толпились вокруг него ослепительно яркие и безумные люди, а он не хотел быть безумным и ярким и постепенно перестал ощущать себя вообще.

В «Жизни Клыма Самгина» нет актерских неудач, там не сыщешь места, где не было бы выдающейся актерской работы, — Алексей Жарков, Александр Калыгин, Ирина Мазуревич, Наталья Гундарева, Евгения Глушенко, Сергей Колтаков, Армен Джигарханян, обо всех можно писать и писать, разбирая их поразительную игру, — но борец с большевиками из «Смены» заметил одного «твердокаменного большевика Кутузова», окруженного в фильме — как и в романе — десятками куда более убедительных, чем он, оппонентов. Впрочем, сменовец романа явно не читал, да и фильм смотрел с пятого на десятое — к чему, когда у него в голове давно полная ясность: Горький — певец большевиков (он же «Мать» написал!), Титов — экранизатор Горького, и нечего с ним церемониться. Ох, не там рецензент врагов ищет, не там... Не враг демократии — роман Горького, не прислужная реакция — Виктор Титов. Не по делу израсходовал товарищ из «Смены» свой темперамент, в другие места бы ему взглянуть своим испепеляющим взором.

Пожалуйста, появилась крупная, старательская работа, по-моему, лучшая за последние годы в телевизионном кинематографе, выдающаяся по части человеческого, а не идейного осмысления русской истории, превосходящая по уровню актерской работы — и что заслужила, кроме глупой брани и вежливой скуки рецензентов?

Зачем же нынче бранят, за что хвалят — не угадаешь, и уму непостижимо. Для чего десятки голосов воспевали погремущу Сергея Соловьева «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви» и почему не нашлось, кажется, ни одного доброго слова про «Руанскую деву по прозвищу Пышка» Евгения Гинзбурга? Видно, оттого, что, дескать, фильм Соловьева передает абсурд нашей жизни и, наверное, поэто-

му вписывается в широкое лоно праведной борьбы демократических сил с антидемократическими. А блестящее шоу Гинзбурга никуда не вписывается, более того, всем своим шикарным видом стремится опровергнуть тот очевидный для всей свободомыслящей интеллигенции факт, что никакого развлекательного искусства у нас не было и нет. Или есть, но очень-очень дурное, низкопробное и в подметки не годится американскому... И поэт Наталья Лапина в Германии — что же ей делать, если в России ее нет!

Кризис, кризис, кризис... кино ужасное, отвратительное, пошлое, гадкое...

Иду и смотрю три фильма из проката, из тех, что под боком идут, три разножанровых фильма, обыкновенных, средних, «поточных» — и не обнаруживаю никаких следов кризиса. Более того, радостно отмечаю, что вырос уровень — именно уровень «среднего» кино. «Наш человек в Сан-Ремо» — музыкальная комедия «Беларусь-фильма» — слабовато, но куда пригоднее, чем «Душа», «Начни сначала» и прочие залепахи прошлых лет. Незамысловатый сюжет (а когда ж в музыкальных комедиях был замысловатый сюжет?) — два паренька помогают ресторанный певичке выступить на конкурсе — играется без присущей многим нашим музыкальным фильмам жирной аляповатости, мягко, словно невзначай, тихохонько журчит сюжет, от эпизода к эпизоду никто не вещает, не произносит патетических речей, все шутивно, местами весьма забавно. Кроме того, в фильме есть просто перл создания — Евгений Стеблов в роли композитора-песенника, якобы очень крутого и знаменитого, к которому обращаются герои в поисках хорошей мелодии для героини. Вместе с двадцатью двумя людьми, забредшими на этот фильм, я помирала со смеху. Это старенькая, но удивительно бодрая и молодежная карамора, в лихих шортах и «роковых» космах, — не только внешне комична. Стеблов делает прелестный эскиз совершенно искусственного, извергшегося, выдуманного с ног до головы человека, который уже иначе как в своем дурашливом «стильке» и существовать не может.

Сплошь и рядом у нас — фильм средний или даже ниже среднего, и вдруг кто-то там затрещал крыльшками и летает как вольная птичка, напоминая нам, до чего все-таки

«Холодное лето пятьдесят третьего...»

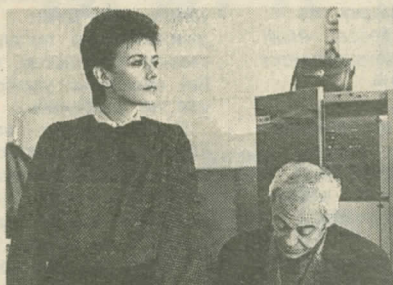

«Мечь»

хороши у нас актеры. Глядя на Елену Яковлеву в фильме В.Лонского «Свой крест» (экранизация «Другой жизни» Ю.Трифонов), я восхищенно недоумевала — сколько же выражений может принимать женское лицо. Кажется, его окутывает некая таинственная лунная мгла, заставляя ежесекундно превращаться и меняться, с лунной же зыбкостью и неувлечивостью.

Зато на «Каталу» — никого зазывать не надо — полный зал и полный восторг. Если до сих пор наши режиссеры не открыли, в чем секрет зрительского успеха фильма, я им подскажу (бесплатно — цените!): в сердце фильма должно лежать одно из двух оснований — либо «судьба человека», либо «человек и судьба».

«Судьба человека» — лучше всего годится для многосерийной эпопеи (успех «Цыгана» и «Рабыни Изауры» — тому подтверждение, для русского человека очень важна временная протяженность), «человек и судьба» — для приключенческого фильма. Нам ведь подсознательно неприятно, когда герой всего достигает собственными силами (ишь ты поди ж ты! Мы-то знаем, что своими силами добредешь разве до следственного изолятора), — или же в массе своей мы просто принимаем это как забавную электронную игру (где-то там живут лихие парни, и они играют «кто кого»). А вот человек один на один с судьбой, когда — то густо, то пусто, кругом враги и какие правила у этой игры — узнаешь лишь за гробовой доской: это мы очень хорошо понимаем и принимаем.

«Зимняя вишня»

«Астенический синдром»

«Игла»

Смертельная игра с судьбой, которую ведет злосчастный катала (то есть карточный шулер — а карты ведь это чистая судьба, ее царство, и обман партнера в картах — обман доверия судьбы к нему), точно выстроена режиссером С.Бодровым (при участии А.Буравского) и рассказана опять-таки в очень приятной, мягкой манере, видимо, свойственной Бодрову. Прекрасное, нетривиальное лицо у В.Гаркалина (катала), множество прелестных, талантливых подробностей (замечательна проститутка с выбитыми зубами в исполнении Л.Кузнецовой, такая задушевная бабочка-яга!) — и опять скажу, до чего же хороши у нас актеры!

Итак, мое мнение о советском кино: никаких признаков кризиса. Оно ясно идет на подъем. Неуклонно повышается уровень «среднего» фильма. Вместе с тем создаются картины больших художественных достоинств («Астенический синдром» К.Муратовой; «Мечь» Е.Шинарбаева, «Игла» Р.Нугманова, «Сатана» В.Аристов). Все или почти все признанные мастера кинематографа горят желанием работать и работают. Появилось великое множество новых имен, звучащих все громче. Неизмеримо возросли художественные и этические достоинства нашей кинокритики. Пишным цветом цветет некоммерческое кино.

А Вайль с Генисом — пущай пишут, что, мол, ничего у нас нет и не было. Сами спохватятся скоро — благо долго на эту тему рассуждать невозможно, ведь эдак-то можно и надоесть...

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

Данная система позволит совершенствовать связь между зрителем и производителем телепрограмм, позволяя определять степень популярности той или иной программы путем измерения численности аудитории.

ЗА ГОЛОС НАДО ПЛАТИТЬ

Многочисленные скандальные судебные разбирательства уже давно перестали удивлять кого-либо в Америке. Однако на этот раз были удивлены многие: судебный иск на известную кинокомпанию «Дисней» подала... Белоснежка. Элен Вудс Шонесси, озвучивавшая в свое время знаменитый мультитипикационный фильм и исполнявшая все песни Белоснежки, потребовала от компании около 20 миллионов долларов в качестве компенсации ущерба, нанесенного ей компанией. Компания, согласно подписанному более 20 лет назад контракту, не имела права на продажу копий ленты. Все дело в том, что начиная с 1988 года «Дисней» продает уже не только копии картины, но и видеокассеты с записью «Белоснежки».

«ДОННА МОДЕРНА» (Италия)

«ОН НАС ВСЕХ ПЕРЕСЧИТАЛ!»

Начиная с 1991 года в порядке эксперимента в США и Франции начинается производство и установка телевизоров совершенно нового типа. Фирма «Нильсен», одно из отделений концерна «Дженерал электрик», приступает к выпуску аппаратов, способных кроме всех обычных функций осуществлять анализ зрительской аудитории. Инфракрасный излучатель, соединенный с микропроцессором, способен воспроизводить и запоминать количество зрителей перед экраном телевизора, причем данная система способна отличать «своих» зрителей от их гостей, которые при анализе не учитываются.

«ПУБЛИЧИТА ИТАЛИЯ» (Италия)

ВИНО-АРИСТОКРАТ

Много любопытных фактов и анекдотов связано с шампанским.

Оскар Уайльд утверждал, что «только тот, у кого напрочь отсутствует фантазия, не найдет достаточной причины, чтобы выпить шампанского». Канцлеру Бисмарку же принадлежит фраза: «Мой патриотизм заканчивается перед бутылкой шампанского».

Наилучшая же похвала этому вину со стороны женщины прозвучала, конечно же, из уст мадам Помпадур, фаворитки

Луи XV. «Это единственное вино, которое я знаю, способное сделать женщину более красивой после того, как его выпьешь», — сказала она.

ПРОШЛА ЛЮБОВЬ, УВЯЛ И МАРАДОНА

«Sic transit gloria mundi» — «Так проходит земная слава», — говорили древние латиняне. Современные итальянцы подтверждают жизненную мудрость своих предков. Еще недавно в Италии превозносили до небес аргентинского футболиста Диего Армандо Марадону. Теперь итальянцы выбросили его из своих сердец.

Как видно из опроса, опубликованного газетой «Република», 34 процента опрошенных объявили Марадону «самым презренным человеком года». Даже Саддам Хусейн удостоился меньшей ненависти — против него подано всего 25 процентов голосов. Итальянцы проявили удивительное единодушие,

назвав Марадону «скандалистом, лгуном и интриганом».

ДЕТИ КАССАНДРЫ

В воскресенье утром в доме семьи Изон все было, как всегда. Кассандра Изон подавала завтрак детям, мысленно задавая себе вопрос, когда же ее муж Джон вернется домой после ночной смены. Вдруг трехлетний Джек поднял глаза от своей тарелки с кашей и сообщил: «Папа попал в аварию на своем мотоцикле, но у него все нормально». Кассандра улыбнулась, даже не разобрав толком щебетание сына. Но потом, когда она узнала, что Джон действительно попал в аварию (к счастью, обошлось без серьезных ушибов), она уже не улыбалась...

Произошедшее заставило Кассандру задуматься. Она начала расспрашивать других матерей и узнала, что подобные случаи бывали не только с ее сыном.

Целый год она собирала подобные истории, беседовала с психологами и педиатрами, прежде чем написать свою книгу «Психологический опыт детей». «Даже если половина историй, — говорит Кассандра, — покажется вам выдуманными, есть немало совершенно реальных фактов, которые вы, исходя только из логики, объяснить не сможете».

По мере того как дети взрослеют, их психический дар ослабевает, однако он нередко проявляется с новой силой в подростковом возрасте. Психиатр Кармен Роджерс считает, что происходит это потому, что у нас две оболочки — физическая и эфирная, которая как бы параллельна нашим физическим эндокринным каналам. Вот почему, когда есть изменения в гормональной деятельности организма, как у подростков в период полового созревания, приходят в движение и психические способности.

ОРЕЛ ПРИВЕДЕТ ВАС В ТЮРЬМУ

В окрестностях города Аугсбурга на юге Германии орел напал на двухлетнего ребенка. Как сообщили полицейским свидетели, на помощь девочке кинулась ее бабушка. Недовольный внезапным вмешательством пернатый хищник нанес женщине глубокие раны на ногу и прорвал вену. Только хозяйню птицы удалось высвободить старушку из когтей своего питомца.

Пострадавшую доставили в больницу, а против 29-летнего хозяина возбуждено дело о нанесении телесных повреждений.

«Саарбрюккер цайтунг», ФРГ

МАЛЬЧИК-МИЛЛИОНЕР, ЧЬЕ ИМЯ ЗНАЕТ КАЖДЫЙ

Семилетний Альберт, сын одного из крупнейших землевладельцев Европы Йоханна Турма унд Таксиса, после смерти своего отца унаследовал весьма приличное состояние: 32 тысячи гектаров земли в Германии, еще 70 тысяч гектаров в США и Канаде, 50 различного рода предприятий, на которых трудятся более 4 тысяч человек, 3 завода по производству пива и банк. Все это, не считая великолепной коллекции картин, драгоценностей и многого другого.

Чем еще известен Альберт? Не только богатством. Род Таксиса, имеющий более чем 500-летнюю историю, прославился еще и тем, что дал название одному из самых популярных видов транспорта — такси.

«Ми», Англия

«Донна Модерна», Италия

Александр ГОРОДНИЦКИЙ:

ФОЛЬКЛОР

Стихи Игоря Губермана занимают особое место в неконформистском искусстве 60—70-х годов, которое сыграло немалую роль в сохранении в нашем изуродованном обществе человеческих критериев.

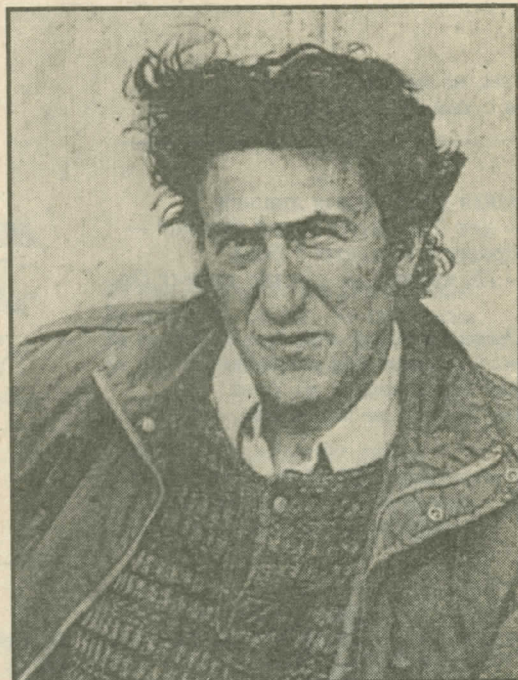
Эти короткие четверостишия своей афористичностью, ярким и сочным языком, беспощадной озорной строкой напоминаявшие частушки, обходились и без публикации. Они запоминались после первого же прослушивания и, передаваясь из уст в уста, быстро и неостановимо распространялись по всей стране — от Бреста до Камчатки, превращаясь в своеобразный фольклор. Помнится, я сам долгое время считал народными такие, например, стихи:

*От Павлика Морозова внучат
повсюду народилось без него —
вокруг мой ровесники стучат
один на всех и все на одного.*

Автор, однако, был вполне реальный. Вот как он сам пишет о себе в послесловии к одной из своих поэтических книг, вышедших за рубежом: «Родился в 1936 году в Москве. Хорошо учился, старательно работал, много писал. После пяти лет исправительно-трудовой колонии и ссылки переехал жить в Израиль». Действительно, судьба Игоря Губермана сложилась нелегко. Автор нескольких научно-популярных книг, вышедших в 70-е годы, он принимал участие в диссидентском движении. Возвратившись в Москву в 1984 году после лагеря и ссылки, был практически принудительно выдворен из страны. В последние годы за рубежом вышли четыре книги его стихов и две книги прозы. Однако настоящую известность принесли Губерману его короткие «дацзыбао», как их называет сам автор. Пора вернуть этим «народным» стихам имя их автора, а самого автора — русскому читателю.

ИГОРЯ

ГУБЕРМАНА

Как просто отнять у народа свободу:
ее надо просто доверить народу

*Возглавляя партия и классы,
лидеры вовек не брали в толк,
что идея, брошенная в массы, —
это девка, брошенная в полк.*

Что ни век, нам ясней и слышней
сквозь надрыв либерального воя:
нет опасней и нету вредней,
чем свобода совсем без конвоя.

*Закрыв глаза, прижавши уши,
считая жизнь за подаяние,
мы перерыв, когда не душат,
смакуем как благодаяние.*

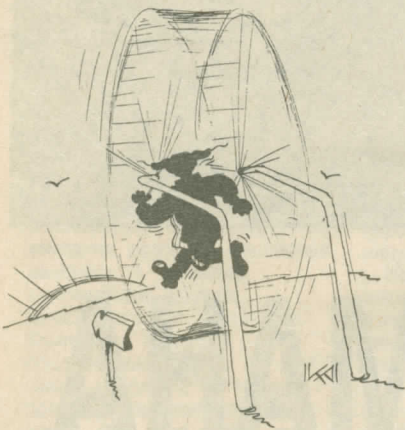
Рис. А.Казачкова

II

Увы, но истина блудница:
ни с кем ей долго не лежится

Найди предлог для диалога,
— как Ты сварил такой бульон? —
спрошу я вежливо у Бога.
— По пьянке, — грустно скажет Он.

Очень дальняя дорога
всех равняет без различия:
как бердичевцам до Бога
так и Богу до Бердичева.

V

Давно пора, е... мать,
умом Россию понимать!

Я государство вижу статуей:
мужчина в бронзе, полный
властности,
под фиговым листочком спрятан
огромный орган безопасности.

IV

Вожди дороже нам вдвойне,
когда они уже в стене

Господи, в интимном разговоре
дерзкие прости мои слова:
сладость утопических теорий —
пробуй ты на авторах сперва.

Боюсь, как дьявольской напасти,
освободительных забот;
когда рабы приходят к власти,
они куда страшней господ.

Россия — странный садовод
и всю планету поражает,
верша свой цикл наоборот:
сперва растит, потом сажает.

России посреди в навечной дреме
лежит ее растлитель и творец;
не будет никогда порядка в доме,
где есть непохороненный мертвец.

В первый тот субботник, что давно
датой стал во всех календарях,
бережно Ильич носил бревно,
спиленное в первых лагерях.

Смешно, когда толкует эрудит
о тяге нашей к дружбе и доверию;
всегда в России кто-нибудь сидит:
одни — за дух, другие — за материю.

Однажды здесь восстал народ
и, став творцом своей судьбы,
извел под корень всех господ;
теперь вокруг одни рабы.

III

Не стесняйся, пьяница, носа своего,
он ведь с нашим знаменем цвета
одного

Паскаль бы многое постиг,
Увидь он и услышь,
как пьяный мыслящий тростник
поет «шумел камыш».

VI

Господь лихую шутку учинил,
когда сюжет еврея сочинил

Вечно и нисколько не старея
всюду и в любое время года
длится, где сойдутся два еврея,
спор о судьбах русского народа.

Отца родного не жалея,
когда дойдет до словопрения,
в любом вопросе два еврея
имеют три несхожих мнения.

У власти в лоне что-то зреет,
и, зная творчество ее,
уже бывалые евреи
готовят теплое белье.

За все на евреев найдется судья.
За живость. За ум. За сутулость.
За то, что еврейка стреляла в вождя.
За то, что она промахнулась.

Если к Богу допустят еврея,
что он скажет, вошедши с приветом?
— Да, я жил в интересное время,
но совсем не просил я об этом.

Евреи собирают документы,
чтоб лакомиться южным пирогом;
одни только теперь интеллигенты
останутся нам внутренним врагом.

Нет ни в чем России проку,
странный рок на ней лежит:
Петр пробил окно в Европу,
а в него сигает жид.

Мне климат привычен советский,
к тому же — большая семья,
не нужен мне берег Суэцкий —
в неволе размножился я.

Стихи И.Губермана взяты из
изданного в Израиле двухтомника
его поэзии «Гарики на каждый день».

«КУАФЮР», ИЛИ ПАРАД ПРИЧЕСОК — ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РСФСР

Ирина Сергеевна СЫРОМЯТНИКОВА

Историю прически знают совсем немногие. Автор предлагаемой статьи принадлежит к числу знатоков этого редкого искусства.

Ее книги становятся бестселлерами, так как для модников и модниц они — настольные пособия...

Внимание к волосам люди проявляли с древних времен. Дошедшие до нас из далекого прошлого изображения человека свидетельствуют о том, что наши предки подражали в прическах зверям и птицам, цветам и травам. Муж-

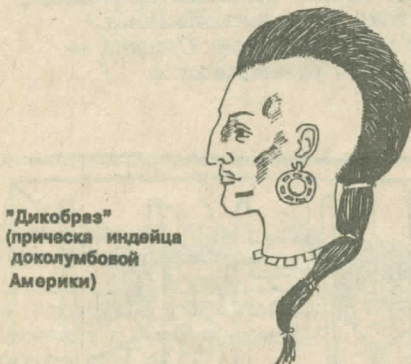
ще-то прическа — изобретение древнего мужчины...

Появившись на заре человечества, еще в первобытной общине, прическа меняется вместе с теми, кто ее носит. На прическу влияют стили и художественные направления искусства, религиозные верования, политические события. Форма причесок определяется сословной принадлежностью и семейным положением, но неизменно — возрастом и вкусом. А с тех пор, как общество несколько демократизировалось, прическа стала предметом подражания. Такой она осталась и сегодня: в прическе подражают кумирам кино, спорта, театра, народным депутатам, женам президентов, дикторам телевидения... Появлению же новых силуэтов на голове способствуют самые разные события и даже новые танцы. Прическа «под полечку» — от танца польки, «вальсок» — от вальса, есть «чарльстон», «танго», появилась «ламбада» — сноп волос брошен на один глаз, сейчас очень модно...

банщики, позднее брадобрее. Они стригли, брили посетителей, не пренебрегали заниматься «малой хирургией» — ставили пиявки, пускали кровь, вырывали зубы, вскрывали нарывы, делали компрессы. У них был свой неповторимый герб в виде маленького медного таза, затем он был заменен изображением бинта, на котором сидела сорока, олицетворяя общительный характер этих ремесленников. Однако совместное купание граждан и гражданок в ваннных и банях вызвало негодование среди тогдашних блюстителей морали. Профессию банщиков и брадобреев объявляли «нечестивой», их самих лишали герба, права ношения оружия, приравняв к могильщикам, гробовщикам и даже к палачам.

Во времена крестовых походов появилась новая профессия — «полевой парикмахер» (фельдшер), от немецкого «поле» и глагола «стричь». На темных узких улицах средневековых городов выстроились лавочки цирюльников.

Эпоха Возрождения принесла расцвет не только всех видов искусств, науки, но и парикмахерского дела. Произведения резца и кисти позволяют нам детально ознакомиться с женскими и мужскими прическами. Вы не увидите на произведениях того времени нечесаных и неряшливых женщин и мужчин. Наоборот, прически поражают нас изысканностью и совершенством. Иные сочетали разного вида локоны с переплетениями из волосных прядей, завитых лишь слегка, вдобавок перевитых украшениями, лентами, шелковыми шнурами. В правление королевы Марии Медичи самая модная женская прическа была «ракета». Она делалась из завитых волос, уло-

"Дикобраз"
(прическа индейца
доколумбовой
Америки)

Древний грек

кие прически когда-то отличались от женских своей замысловатостью, чрезвычайной сложностью. Женские были намного проще и скромнее. Мужские

прически требовали особого мастерства и отнимали много времени. Поэтому и существует мнение, что вооб-

"Фокстрот",
XX в.

"Полечка",
XX в.

"Танго",
XX в.

Произведения литературы и искусства рассказали нам о том, что еще во времена рабовладельческого общества появились первые профессиональные парикмахеры — из рабов. В Древней Греции их звали «каламистрами» — от названия стержня для завитки волос. К парикмахерским работам предьявлялись большие требования, причесывание стало церемониалом, доступным только привилегированному обществу, свободным гражданам.

В средневековых городах с развитием ремесел парикмахерами стали

"Ракета", XVI в.

женных конусообразно, наотлет от затылка — символ ракеты, которой стреляли во время фейерверка. Некоторые пряди заплетались в тонкие плоские косички и укладывались по голове крестообразно.

Наряду с «ракетой» носили прически с каркасами, которые помогали придавать все новые и новые формы: груши, яблока, а то сердца, летучей мыши или кегли. Прически украшали так сильно, что не было видно живых волос, особенно в прическе «башня», которую придумала Маргарита Наваррская. Многоэтажная «башня» сменила простенькую «под болонку».

Особого разнообразия парикмахерское искусство достигло в XVII-XVIII вв. во Франции. При королевском дворе была основана специальная Академия парикмахерского искусства. Парикмахеры, получившие название «куаферов» («куафюр» — сложная прическа), были приравнены к художникам и получали баснословные деньги за создаваемые ими «волосные шедевры». Однако появлению одной из самых популярных причесок XVII века, оставшейся в моде на протяжении тридцати лет, способствовал случай, а вовсе не изобретательность придворного куафера...

Однажды во время охоты у юной фаворитки короля Людовика XIV мадемуазель Анжелики де Фонтанж растрепалась прическа. Но находчивая красавица, оторвав кружевной манжет, быстро подвязала распустившиеся локоны и укрепила их на макушке. На другой день все придворные дамы явились во дворец с локонами, вознесенными «выше головы». Герцог Сен-Симон Луи де Рувруа писал, что прическа «фонтанж»

«Башня», XVI в.

«Фонтанж», XVII в.

представляла на первый взгляд громоздкое сооружение. Она состояла из массы завитых волос, проволочного каркаса, кружевной накладки, лент и помады — в два фута высоты. Из-за этого лицо прекрасной дамы казалось центром всей фигуры. Стоило неосторожно повернуться, сделать резкое движение — и вся постройка могла мгновенно разрушиться. Насчитывалось более ста видов этой прически! Различие в манере украшать «фонтанж» давало повод для появления самых причудливых названий — «капуста», «бабочка», «улыбка», «палисадник», «капуцин», «пустынный»... Надоевшая королю прическа была, наконец, запрещена специальным королевским указом, так как она потеряла первоначальное очарование и легкость. Дама, осмелившаяся появиться в «фонтанж», рисковала впасть в немилость.

Но, несмотря на запрещение, прическа продолжала пользоваться успехом среди женщин Европы и России. В Англии «фонтанж» получила название «комод» (удобная), так как была более плотной и низкой.

Специальным штатом парижских лейб-парикмахеров (с пятидесяти увеличившихся до пятисот) постоянно создавались невероятные модели причесок, наглядно демонстрировавшие величие и великолепие абсолютизма. Так, специально для коронования Людовика XIV был создан белокурый парик огромного размера, напоминавший гриву льва. С этого времени среди мужчин вошли в моду парики с прическами «под пуделя» и «подо льва». Парик делали из натуральной шерсти животных, пуха и перьев птиц, лент и кружев, волокон кукурузы и стеблей сухих трав. Парик был признан официальной принадлежностью парадного придворного костюма.

Цвета их были различны: каштановые, черные, пепельные — придворным запрещалось носить только парики из светлых волос. Исключение составляли члены королевской семьи. Каждый богатый человек дол-

«Лев», XVII в.

жен был иметь несколько париков, поэтому дома парик снимали, хранили на специальной подставке. Стоимость парика колебалась в зависимости от качества, сложности прически.

Но своего апогея парикмахерское искусство достигает в XVIII веке, и снова во Франции. Вошли в моду белые пудренные парики, ставшие олицетворением изнеженного, инфантильного королевского двора, придворные которого напоминали разряженных, сильно набеленных и нарумяненных кукол. При помощи изящных париков, помады, белил и румян аристократы потеряли возраст. Вот когда наступило время для парикмахеров! Куаферы должны были справляться не только с завивкой, укладкой локонов, изготовлением париков, но и быть декораторами, парфюмерами, слесарями, механиками и даже инженерами-изобретателями. Высокие прически делались на каркасах, в дело шел картон, применялись медная или серебряная проволока, сплетенные заранее корзиночки из ивовых прутьев. Часто в одном парике располагалась целая система каркасов, замаскированных накладными волосами — локонами, шишьями. Как уже говорилось, поводом для появления новых силуэтов причесок часто были события общественного или политического характера, разного рода сенсации. Так, постройка и спуск на воду морского фрегата «Прекрасный Поль» послужили поводом к распространению куафюры «Фрегат». Пышные завитые волосы взбивали наподобие морских пенящихся волн, верх прически венчала изящная модель фрегата, сделанная из драгоценных металлов и камней.

«Тайна», XVIII в.

Восклицание на провансальском диалекте одного из героев Бомарше вызвало к жизни прическу, получившую название «ке-са-кё?» (что это?), а повышенный интерес парижанок к приехавшему из Америки политическому деятелю и ученому Франклину проявился в виде украшения причесок фигурками с его изображением, что во многом способствовало

успешному завершению его дипломатической миссии.

Было модно украшать высокие прически живыми цветами. Но так как от Парижа до Версаля, в котором устраивали балы, было несколько часов езды, то, чтобы цветы не завяли, в волосы вставляли вазочки или продолговатые бутылочки с водой. Маркиза Помпадур, будучи владелицей целой оранжереи фарфоровых цветов, ввела в моду изящные веночки из мелких розочек из фарфора, испускавших тончайший аромат.

"Фрегат", XVIII в.

Украшения тяжеловесных куафюр были самые неожиданные. В один мемуарах придворная дама описывает подробно туалет и прическу своей племянницы, которая захотела выглядеть наподобие садовницы из пасторального представления. Поэтому в ее волосах появились на изящной салфеточке фрукты и овощи... из драгоценных камней: живописно расположились кочан капусты и морковка, несколько аппетитных редисочек, артишоки, укроп, румяные яблочки и груши. Многие дамы такую огородную «простоту» считали благородной и естественной. Пасторальные сюжеты были модны, так как сама королева Мария Антуанетта любила изображать «милую крестьяночку», ради этого в Версале была построена ферма и все аристократы наряжались в костюмы простонародья. Но игра игрой, а придворные балы требовали роскоши и блеска, поэтому куаферы продолжали придумывать все новые и новые модели. Модистку королевы Роз Бертэн стали называть «министром моды», а куафера Леонара — Великолепным.

Для более длительного сохранения причесок волосы посыпали мукой, смазывали салом или белком яйца, помадой, скальвали многочисленными шпильками длиной до тридцати сантиметров.

Затруднения были при посадке в экипаж или карету. Приходилось высовывать голову в окно или снимать верх кареты. При этом езда осложнялась еще тем, что прическа могла зацепиться за фонарный столб или водосточную трубу, оконный косяк или вывеску. Поэтому был изобретен специальный складной механизм, благодаря которому высота прически могла меняться. Много хлопот доставляли внутренние покои, так как кое-где двери были низкими и войти в них, вернее, «вползти», можно было только на коленях.

Причесывать куафюру ежедневно было очень дорого. Поэтому во время сна для ее сохранения использовали специальные деревянные или кожаные подголовники, напоминавшие скамеечки. Во сне голову укладывали так, чтобы шея занимала небольшое углубление, а вся прическа оставалась на весу. Английский журнал мод того времени помещал на своих страницах не только рисунки причесок, но и советы, среди которых были и курьезные. Поскольку гигиена была на очень низком уровне, журнал советовал завести специальные длинные спицы, заполненные ароматическими маслами, а внутрь куафюр помещать крохотные золоченые блохоловки.

Не отставали в своей оригинальности от женских причесок и мужские, следовавшие прусской моде. По сравнению с XVII веком силуэт и форма их изменились. Пышные прически «подо льва» и «под пуделя» отступили перед маленьким белым париком с боковыми буклями и хвостиком или тонкой косичкой на затылке. Разнообразие составляли украшения: волосы то укладывали сзади в черный бархатный мешочек, то убирали в сеточку, то украшали драгоценной брошью и муаровой розеткой или лентой. Прически получили смешные названия: «крысиный хвост», «кошелек», «крылья голубя». В Англии эту прическу называли по-другому, так как хвостик был короче: «пороссячий хвостик». Спустя двести лет наша молодежь возродила эту оригинальную прическу, только не из парика, а из собственных длинных волос.

В конце XVIII века люди слегка посерьезнели: фасон прически стал зависеть от принад-

"Гнездо" с "пороссячим хвостиком", XVIII в.

лежности к политической партии. Пудренные парики и высокие куафюры, так же как кринолин, были объявлены вне закона! Распространились прически из собственных волос, получившие названия «щетка», «еж», «а-ля соваж» («дикарка»), некоторые носили «собачьи уши», напоминавшие длинные уши спаниеля, их идейные противники — «кошачьи ушки». Но больше всего ошеломляла прическа «жертва», которую в Англии называли «гильотина». Волосы на затылке подбрасывались, с висков и лба зачесывались и скручивались жгутами (точь-в-точь нынешние «панки»!) — этот фасон имитировал последний туалет осужденного на казнь. Ее отваживались носить самые модные женщины (мюскадены — фр.), но иногда и экстравагантные модницы. Дополняло прическу красное ожерелье или лента на шее — след топора...

"Еж", XVIII в.

Изобретение парового двигателя, телеграфа, телефона, замена газового освещения на электрическое наложили свой отпечаток на внешность людей. Французским парикмахером Марселем был изобретен метод «горячей завивки», щипцы получили имя изобретателя. И сейчас в парикмахерских салонах

"Дикарка", XVIII в.

"Мюскаден", XVIII в.

щипцы «марсель» считаются лучшими из инструментов для горячей завивки волос. Немецким парикмахером Карлом Неслером был изобретен аппарат для продолжительной завивки — «перманент» («шестимесячная»), который со временем был усовершенствован, начали делаться попытки найти способ «химической завивки», которая получила признание во всем мире лишь на нашем веку, во второй половине XX века.

Мода на короткую стрижку способствовала появлению гораздо более разнообразных косметических средств: помады, фиксатуры, бриллиантина, шампуня. Они сменили примитивные смолы, воск, яичный белок. Изменились и парикмахерские инструменты, появились филировочные ножницы и бритвы, электрические щипцы и фены, всевозможные (пластмассовые, с парафином) бигуди...

Вы думаете, что талантливые парикмахеры с высоким вкусом и немислимой фантазией были только при королевских дворах эпох минувших? Ошибаетесь!

Открытием стало изобретение синтетического волокна. Его стали использовать в постижерном деле — для изготовления париков, шиньонов, кос и локонов.

В 60-е годы XX века увлечение разными накладными волосами захватило модников и модниц всех стран. Появились специальные цеха со сложным оборудованием. Интересными стали прически не только по форме, но и по цвету. Иногда на протяжении всей многовековой своей истории прическа не была так многокрасочна! Были выпущены пасты, красящие шампуни, способные окрасить волосы во все цвета радуги и даже в полосу или в горошек. Стали применять однодневную, недельную окраску для волос. Привычными стали фиолетовые, розовые или

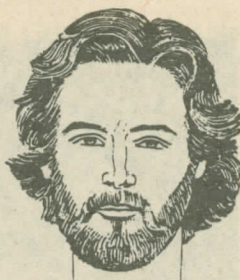
"Спортивная", XX в.

голубые волосы.

«Авангардные» прически молодежи отличались рискованными решениями, в большинстве это были контрастные цвета. Западные парикмахеры предложили окрашивать волосы акварельными красками или рисовать на волосах картины. Потом парики уступили место «клееным» прядям, которые прикрепляли к естественным волосам клеем или другими липкими средствами, удлинняя прическу. Силуэты, формы причесок менялись чрезвычайно быстро.

Привычным явлением на мужских прическах стала «химия»: выветленные концы прядей типа «перышек».

Парикмахеры стремятся изобретать все новые и новые модели. В Нью-Йорке парикмахеры-виртуозы на коротко стриженных затылках своих клиентов стали изображать при помощи ножниц фигурки кролика Банни, а также крошечного мышонка Микки Мауса, творения рук Диснея. В конце 80-х годов в городах Мексики распространилась новая мода — прически оживлять. Искусно приподнятые волосы закреплялись наверху надобие гнезда, в которое помещали живых крохотных ящерок, прикрепляя их золотыми или серебряными нитками. От лучей солнца «украшения» переливались, как радуга или северное сияние. Эти экзотические украшения были заимствованы у далеких предков, которые во время своих ритуальных праздников так украшали свой костюм и прически. А кто бы мог подумать, что в наше просвещенное время для стрижки волос пригодятся крепкие нервы? Прогресс

"Кубинская", 60-е гг. XX в.

Химическая завивка, 80-е гг. XX в.

прогрессом, а у индейцев Венесуэлы до сих пор существует обычай подстригать волосы с помощью рыбы. Парикмахер отбирает наиболее крупную пиранью и подносит к лицу клиента. Челюсти хищной пираньи щелкают и перегрызают волосы...

В Голландии, в городе Флиссингене, открыт уникальный музей, экспонатами которого стали изделия из волос. Такой музей был создан и в Чехо-Словакии, в городе Топольчане. Самым примечательным экспонатом музея считалась картина «Замок Бойнице», выполненная парикмахером-модельером Штефаном Маглау.

В некоторых странах изделия постижерного искусства стали предметом купли и продажи на аукционах. Естественно, ловкие люди подсовывают неискушенным коллекционерам дорогие подделки. Так, на одном из аукционов продавали парик Талейрана. За огромные деньги были проданы вместо одного настоящего несколько поддельных париков, изготовленных современными мастерами. А в Нью-Йорке медальон императора Карла Второго был приобретен за фантастическую сумму, так как внутри находилась прядь волос его обладателя. Но в историю этот император вошел с прозвищем «Карл Лысый»!..

Дорогие читатели! В год милой доброй овечки пожелаю вам возродить прическу «а-ля мутон», бывшую модной в... XVIII веке. Она хорошо смотрится и на женщинах, и на мужчинах.

"А-ля мутон" — "овечка" и "барашек".

Использованы рисунки художника Галины Лукашевич

Аэлита
ЕФИМОВА

РАЗГОВОР
НЕ ПО ДУШАМ
ИЛИ,

АЛАН
ЧУМАК —

СУПЕРЗВЕЗДА

Фото В.Резникова

Каюсь, не собиралась я ни «включаться в процесс», ни углубляться в суть и смысл душе-тело-спасительного творчества недавней талезвезды № 1 Алана Чумака. Меня побудило домогаться свидания с ним примитивнейшее лобогыпство: куда в наше тажелобольное время направляет свою энергию автор и исполнитель невиданного вида искусства — аудио-видео-фото-лечения? Про заряженную «Вечерку» мы знаем, многие жевали уже газету для пущего эффекта. Наслышаны и про стадионы в провинции, где дорого стоит удовольствие под «солю молчания» Алана посидеть на трибуне с трехлитровой банкой на коленях. Но ведь сейчас все наши недуги, частные и общественные, крайне обострены. Так где же он, способный, по собственному признанию, на тотальное исцеление? Может, его лик в каждом нашем доме избавил бы нас всех от всяческих бед?

Стыдно, но я преследовала и корыстную цель своим визитом к чародею. Насморк и мигрень замучили. При его-то умении это — дело плевое. Но он не заметил. Такая микроскопичность не попадает, верно, в его бисопале. А на лестничной клетке, за дверью, остались женщины-паломницы, которым, пропуская меня, он отвечал: «Не принимаю»...

Увы, у меня не получилось трепета в голосе. Вместо банки с водой я поставила перед Аланом Чумаком диктофон. И сразу «засветилась», соизвавшись, что по отношению к нему я — Фома Неверующий, но мне все равно очень интересно, чем он сейчас занимается.

— Не получится у нас с вами разговор. Вы совершенно не знаете, чем я занимаюсь. Чтобы понять процесс, который я запустил в жизнь, надо провести со мной не один час, взжить-ся, врасти в это действие...

— А может, на уровне ликбеза...

— Не могу. Нет вдохновения.

Звезды всегда очень ранимы. Заде-нешь неосторожно, глядь — погасла. Но уходить на лестницу, к отвержен-ным просительницам, было обидно. Беру диктофон. Пленка не крутится. Пробую разрядить обстановку шут-кой:

— Не пишете. Не хотите. Вы на него, конечно, повоздействовали?

— Так бывает. Просто разряжаю-тся батарейки, и все.

(Диктофон по моему недосмотру стоял на кнопке «пауза».)

— А может, хотя бы информативно поделитесь, над чем сейчас работае-те, творческими планами... И почему все-таки телевидение прекратило се-ансы?

— А почему сегодня на телевидении вообще — откат назад? От гласности, от свободы? Понимаете, то, что я де-лал на экране, — не просто лечение. То, что я предложил, — переворот во многих областях. Метод аудио-видео-кассетного энергетического взаимодействия — вещь уникальная в мире. Не психотерапия, не гипноз, хотя многие на первых порах, да и сейчас продолжают смешивать меня с гипнотизерами, с суггестологами. Кажется, раз я лечу людей, я занима-юсь медицинской практикой. Нет, это искусство. Всегда врачевание бы-ло искусством. Не было ни Минздра-

вов, ни 1-х, ни 2-х мединститутгов, а врачи существовали всегда. Я создаю искусство общения. И не случайно я избрал форму молчания. Куда проще, общаясь с экраном с людьми, произно-сить монологи, проповеди. Но имен-но молчание пробуждает в душе че-ловеческой добро, милосердие...

— А статистика исцелений по теле-визору проводилась?

— Ну, не получается разговора. Вы не следуете за моей мыслью... Каж-дый может унести из нашего обще-ния только то, что он может унести. В моих словах больше того, что может унести любой человек. Не пото-му, что я умнее. А потому, что мне хо-чется жить с людьми вместе. Пони-маете, их страданиями, болезнями, переживаниями. Для меня возможно стать каждым из этих людей. Необхо-димо просто исчезнуть как домини-рующее «я». Оно не имеет значения, когда цель — помочь максимальному количеству людей. Я каждому могу помочь. Вот вы обратили внимание, у порога толпились женщины. Я не принял их. Как это вяжется с тем, что я не отказываю никому? Не должен отказывать. Очень просто. Я их не принял формально, но я включился и начал работать. Они пошли, а я им помогаю.

— Они, значит, спустились вниз уже в ином качестве — исцеленными?

— Ничего вы не понимаете. Про-цесс начался. Эти женщины в моей душе. Мы как бы соединились вместе. Это не значит, что я должен теперь круглосуточно сидеть и думать о них, нет. Я живу теперь с ними. Хотя я не

знаю ни их фамилий, ни откуда они приехали. Но мы вместе, и я помогу им. Мне звонит огромное количество людей. Я отказываю в приеме. Все хотят получить то, чего они хотят. А я хочу одного — дать им все, что могу. Для этого не обязательно сажать человека перед собой на диван, махать руками или что-то говорить. Только гений может молчать на сцене. Попробуйте у гения, актера, спросить — как он молчит. Порой он стоит, смотрит в окно весь спектакль. Повернувшись спиной к залу. Никто не может объяснить.

— Каждый раз вы импровизируете, молчите по-разному?

— Конечно, ведь люди разные. Я каждый раз проявляюсь, как тот человек, который пришел. Потому что я лишен собственных амбиций.

— Вы во всех интервью говорите, что лечите не тело, а душу, не болезнь, а причину. Мы сейчас все такие больные от того, что творится вокруг. Зараза извне поселяется в нас. Инфаркты, истерики, смертная давка, летальные исходы. Вы умеете снимать напряжение, стрессы. А повлиять на их причины можете?

— Людям не дают возможности выбора, а я даю им эту возможность — сохранить человеческое достоинство в любых условиях, в любых давках-очередях.

— Какое достоинство, если матери-одиночке нечем ребенка кормить?

— Вы берете внешнюю фабулу спектакля. Каждый человек получает то, чего он заслуживает. Мы своею собственной жизнью привели нас к тому, что имеем. Все пеняют на зеркало, а надо на себя посмотреть. А что вы лично сами сделали для малоимущих, для одиноких? Вы знаете, сколько людей, может, в вашем доме умирает с голоду? Ведь придет время, и ваше очарование исчезнет, годы возьмут свое. Человеческий эгоизм нас подавляет, захватывает...

— И все же, почему бы вам, при вашем-то даре, не повлиять на тех, кто лишается нас этой свободы выбора?

— Многих нельзя изменить, у них умерла душа. Христос разве всех целил? Нет. Не мог? Наверное, мог. Не сеите на камни — там ничего не растет. Не мечите бисер перед свиньями. Надо делать там, где делается. Где душа откликается. Добро отвечает добром. Есть люди, которых радует горе других, которые сатанеют, если другим хорошо.

— Так почему бы не воздействовать на тех, кто отдает приказы?

— Что я, должен сидеть и воздействовать: будьте добрее и мягче?

— Но вы говорили, это ваша работа...

— Одна ласточка погоды не делает. Если я кого-то вылечу или изменю к лучшему, придет на его место другой. Люди взвинчены, а я могу успокоить миллионы. Идет противостояние. И нет разницы, кто подписал приказ —

тот или этот. И Горбачев, и Ельцин на равных выступают. Все дерутся, а я могу найти слова, улыбнуться, сказать: братья, вы с ума сошли, посмотрите, какая хорошая погода...

— Я слышала, вы записали видеокассету, лечащую даже СПИД?

— Оказалось, это у нас никому не нужно. Я предлагал Покровскому. Фонду «Огонек» — «АнтиСПИД». Нет ответа. Происходит вечная возня. Доктора наук дела свои устраивают, а тут знахарь вдруг кассету предлагает. Не дай бог, получится. Идиотизм, кастовое сознание. Я сейчас в Америке веду переговоры по поводу кассеты против СПИДа. Вопреки нашим медикам, фондам «Огонек» — «АнтиСПИД», всем на белом свете я докажу, доведу дело до конца.

— Вы говорили, проводились клинические испытания вашего воздействия. Был ли случай, чтобы парализованный встал и пошел? Слепой прозрел?

— Ну не получается у нас разговор! Вы хотите чудес.

— Но разве вы не чудеса обещаете?

— А разве это не чудо, если человек выздоровел через две недели, через месяц, полгода, хотя пил только заряженную воду, мазался кремом, смотрел на фотографию? Я выступаю во многих городах, везде записываю сеансы на местном телевидении. Миллионы людей заряжаются, сидя дома. Считаю, это самое правильное, чтобы люди не бегали за мной, а я мог прийти к ним. И никаких отрицательных результатов. Возьмите все критические выступления в прессе. Они — против Кашпировского, не против меня.

— Алан Владимирович, я видела вас на презентации Российской товарно-сырьевой биржи. В среде коммерсантов. Говорят, вы успешно налаживаете производство бутылок с заряженной водой?

— Я подписал уже много договоров о выпуске воды. У нас в стране с заводом во Фрунзе. С заводами Болгарии, Югославии...

— Знаю, вы собираетесь строить оздоровительный центр, где будете лечить детей по своей методике. У вас есть капитал под эту программу или государство пойдет навстречу?

— Мне не нужны государственные средства. Я хочу заработать.

— Видеокассетный бизнес? Торговля водой?

— Это небольшая часть. Добавьте заряженные кремы, зубную пасту, детское питание. Сейчас в Москве идут эксперименты с молоком. Любая коммерческая деятельность хороша, если цель — не просто нажиться, а заработанное вложить во что-то. Нельзя помогать людям, не имея денег.

— Вы собираетесь строить совершенно новое, с нуля. А тем временем по телевизору без конца показывают больных детей, которым нужны

деньги для лечения за рубежом. Потому что у нас нет медицинской техники. Может, прежде оснастить всем необходимым тот же детский гематологический центр, ведь дети у нас умирают больше от рака крови, чем от СПИДа? И вы там могли бы лечить.

— Пускай это делает Минздрав. А я хочу свое построить. Лечить не тело — душу человеческую. Наши врачи этого не умеют. По их вине мы имеем ту медицину, которую имеем. Врач должен работать круглосуточно. Это не профессия, это страсть. В мире не существует ничего выше долга и выше счастья. Если врач забыл о собственном больном хоть на минуту — он не врач. Врач должен работать и во сне. Как писатель, который вынашивает свое произведение...

— Но писатель обходится бумагой и пером, а врачу что делать, если нет одноразовых шприцев, таблеток, оборудования?

— У земского врача не было ничего подобного, что есть сегодня во всех поликлиниках. Но когда в дождливую ночь женщина рожала за 20 километров, он не говорил, что у него нерабочее время. Он говорил: Иван, запрягай! У него не было препаратов, но он мог принять роды, мог поставить пиявки, и у него было доброе слово для всех.

— Я знаю, вы, демонстрируя свои возможности, останавливали бурю в Прибалтике, над Каунасом...

— И не только над Каунасом.

— И еще снижали содержание ртутных паров в растворе. Вы очищаете, заряжаете целебной силой тысячи кубометров воды в отдельных банках. А у нас в Москве вода из кранов течет почти смертоносная, с солями и тяжелыми металлами. Вы не думали об экологическом приложении своей энергии?

— Я не санитар. Почему я должен убирать грязь? Да вы не пачкайте, не грязните — вот чего я хочу, вот над чем работаю. И буду продолжать, и добыть своего, остановить меня может только смерть, но и тогда я буду делать свое дело... Словом, не обижайтесь, но не получается разговор...

Провожая меня с моей мигренью, насморком и прочими человеческими несовершенствами из своей квартиры на 22 этаже, Алан Чумаков, наконец, почти улыбнулся:

— Люблю высоту. Ближе к небу. Мы так редко смотрим на небо.

— Но даже отсюда приходится ведь спускаться вниз, в грязь, в слякоть...

— Страшна грязь не входящая, но исходящая.

— ?

— Иисус Христос.

Элий БЕЛЮТИН:

«НЕУПРАВЛЯЕМАЯ ЖИВОПИСЬ»

После посещения Н.С.Хрущевым выставки в Манеже 1 декабря 1962 года, закончившегося скандалом и криком, тогдашний главный идеолог КПСС Л.Ф.Ильичев имел право сказать, что «о так называемых полотнах» молодых абстракционистов, группирующихся вокруг Э.Белютина и именующих себя «искателями», вообще спорить нечего — они вне искусства».

Отлученные от зрителя, в 1974 году студийцы послали письмо новому идеологу партии М.А.Суслову, в котором потребовали (!) от него ухода в отставку. Это было равнозначно объявлению войны, и Студия оказалась в состоянии «вне искусства». Говоря словами защитника Студии Ильи Эренбурга, это был «железный занавес для внутреннего пользования».

... Они возвели мастерскую в Абрамцево, давшую свои уроки общечеловечия. Летом выносили живопись на природу и приглашали друзей. Четверть века они чувствовали поддержку в письмах основателя и директора Национального музея современного искусства в Париже Жана Кассу. Именно он назвал однажды Элия Белютина «настоящим задним современным искусством»...

И лишь спустя 30 лет были выставлены картины белютинцев в Манеже.

С Элием БЕЛЮТИНЫМ беседует наш корреспондент Григорий ЗАСЛАВСКИЙ.

— Элий Михайлович, в разработанной Вами теории контактности зритель всегда присутствует как обязательный соучастник творчества. Но почти тридцать лет Вам приходилось обращаться к «воображаемому зрителю», то есть, по сути дела, заниматься элитарным искусством.

— Но сама идея элитарного искусства, по-моему, порочна. Искусство не может быть элитарным вообще!.. Нужно, чтобы люди реагировали на искусство. Оно должно вызывать реакцию, и неважно — какую сначала: негативную или позитивную. Но если человек не реагирует — это чудовищно.

— Французская художница, внучка Леонида Андреева — Ольга Карлайль, после посещения Студии написала, что «метод Белютина невольно напоминает Станиславского. Белютин поощряет своих учеников внутренне слиться с тем предметом, который они пишут». Какие же задачи Вы ставите перед художниками?

— Сам творческий процесс у художника очень близок к актерскому, только он все делает сам — он и режиссер, и директор театра, и билеты продает, и еще к тому же играет.

Я, например, учился у Хмелева в школе-студии МХАТ и думаю, что в известной мере это тоже имело значение. Станиславский раскрепощал личность, поэтому у него и могли быть такие фигуры, как Мейерхольд, Вахтангов, Берсенева, — смысл его системы заключался не в том, чтобы учить. Можно научить ремеслу, но искусству научить невозможно. Можно только помочь личности стать художником, артистом.

Поэтому Студия, которую я решил создать, — это не учебная студия...

Культура — это среда, некая общность

людей, отстаивающих не художественные даже, а культурные идеалы. Вот эту общность людей я и создал, и в этой общности я прожил эти годы — со своей Студией.

— В тех работах Студии, которые я видел, заметно желание постоянно менять материал, это выполнение Ваших заданий или желание каждого художника «искать новые формы»?

— Художник чувствует время, и это время пластически очень меняется и заставляет постоянно меняться художника — меняется пространство, меняется трактовка художником пространства. Ведь наши знания о пространстве условный и человек воспринимает пространство всегда враждебно, — но это связано с творческой личностью художника.

Смысл моей теории в том, что в основу развития искусства положено не формальное развитие его изобразительных средств, а то воздействие действительности, которое художник получает от окружающего мира. Именно это воздействие, или контакт, заставляет художника менять характер своего искусства и даже само понимание того, что такое живопись, картина или скульптура.

Потому что абстрактного искусства вообще быть не может, мы с вами реальные люди, мы испытываем реальные чувства, даже если это ненависть, злоба, даже любовь — они довольно конкретны.

Наше направление в живописи я называю новой реальностью. Не потому, что я ставлю реальность искусства выше реальности жизни — это бред, ничего прекраснее природы и вообще всего, что живое, художник никогда не сможет сделать. Но духовная реальность, которую создает искусство, выше, чем духовная реальность жизни, и она — как в религиозном искусстве — должна современно-

го человека питать, передавая людям тот контакт с миром, который испытал художник.

— А Вы действительно даете своим студийцам задания и они рисуют «по заданию»...

— В Студии никто не рисует по заданию. Наша система основана на принципе симпозиума: то есть дается тема. Иногда я пишу ее, как стихи. Вот, например, тема: «КАРТИНА». «Художник, его жалкое тело — холст, краски, кисти. И вдруг все меняется. Нет художника, нет холста — только крик, только мольба, только вера, только любовь». А дальше начинается пластическая борьба материала и идеи. Все это вместе я назвал «неуправляемой живописью».

— Вы верите, что красота спасет мир?

— Я считаю, что воздействие искусства спасет мир. Но искусство, как вы знаете, уже больше ста лет не красивое. Не эстетичное. И все же именно воздействие искусства может спасти людей, оно может заполнить тот духовный вакуум в их жизни, который образуется под воздействием общества и государства. Человек обращается к искусству, стремится уравновесить с его помощью то напряжение надсознания, которое создается внутренней динамикой современной жизни...

— Вы никогда не чувствовали себя Дон Кихотом?

— Ну, нет... Это чересчур романтично для меня, хотя я люблю «Дон Кихота», как роман.

Я все время чувствовал необходимость бороться. Всю свою жизнь я каждый день должен был бороться, — я чувствовал, что если я хоть на секунду остановлюсь, то меня поглотит Нечто. Но путь к преодолению для меня лежал и лежит через искусство.

797

ДАЁШЬ РЕФЕРЕНДУМ...ДАЁШЬ РЕФЕРЕНДУМ

